

Графоман № 1 - 2010

Литературный альманах

Учредитель — Челябинский областной центр народного творчества
Составитель — редактор Николай Година

СТИХИ

Евгений Некрасов

Песня другу	8
Иду	8
Причал	9
Я домой не вернусь никогда.....	10
Кудыкина гора.....	11
Уходим	11
Эх, Россия, Россия.....	12
Афганец	13
Джунгли.....	14
Шестидесятникам	16

Валерий Кузнецов

Дорога.....	26
Кризис жив	26
«Привалило творческое счастье...»	27
Кастанеда.....	27
Агава	28
Рыбалка	28
Моцарт	29
Гром	29
Летчик Нестеров	30
Сага о продуктовой корзине.....	30
Руна	30
Проповедь	31
Клен.....	31

Александр Поповский

«С утра запасаясь терпением...»	40
«Всё как всегда — зимуют раки...»	40
«Не просто цепь событий...»	41

Монолог	41
«На ровном месте угодил в историю...»	41
«Готовится главный набег...»	42
«Бросаюсь мысленно с моста...»	42
«Согласен — твоя взяла...»	42
«Скрываюсь от вывертов ветра...»	43
«Весь народ у книжной лавки...»	43
«В пустой подсобке гну баранки...»	43
«Всё замечаю подспудно...»	44
«Шерсть дыбом на спине...»	44
«Швырял налево и направо...»	44
«Не было счастья. И быть не могло...»	45
Вячеслав Саломатин	
Пришла прозрения пора...	45
Мания	45
Панель	45
Отчизна	46
Опыт.....	46
Зима	46
Затворник	47
Анатолий Кухтурский	
Голубая кровь.....	50
Александр Кульпин	
Любимая мелодия.....	52
«На вахте стою, штормовая...»	53
«Мы уходили в белые метели...»	53
«Вернулся, но всё повторится...»	54
«Море, море до самой границы...»	54
Море.....	55
«Целая жизнь за спиной — бездна времени...»	55
«Что бы я ни придумал — вторично...»	56
«Весь ученый народ — бедолаги...»	56
«Зарядили сухие морозы. Звонко...»	56
«Однажды, из соснового жердочка...»	57
Не для меня.....	58
Приходит день.....	58
Владимир Волков	
Со службы	62
Две метели.....	62
Охота.....	63
Вязаная шапка.....	63
Лыжня	63
Морозов	63
Покупка.....	64
Игорь Ильиных	
Монолог парашютиста	64
«Она шла мимо, длинноногая...»	64
«Шут нужен в свите Короля...»	64
«В стойле заржали встревожено кони...»	65
«Словно кровью невинной набрякшее...»	65
«Я нарисован мелом на асфальте...»	65
«Из какого далека...»	65
«Слова — всего лишь пена...»	65
«Вы видели, как плачет Бог?...»	65

«Из пророков, коих немало...» 65
 «Алкали влаги облака...» 65
 «А Снег хотел быть белым-белым...» 66
 Диалог 66
 «Любил. Люблю. И верить буду...» 66
 «Природу человеческой души...» 66
 «В море синем красавица яхта...» 67

Анатолий Столяров

Мой дом, наш двор 68

Любовь Власова

Стая 80
 Нахлынули воспоминания 80
 Бескорыстная любовь 80
 Схватка со страстью 81
 Не уходи.....81
 Вот и все 81
 Уроки жизни.....82
 Любовный треугольник 83

Татьяна Оленева

Бабулино счастье 83
 «От планеты прыжком оттолкнусь...» 83
 Я довольна 84
 Я мутирую... в бабу.....84

Галина Бакалова

Философское 85
 Бессонница 85
 Поизносилось любимое платье 86
 Свидание с Карталами 86
 «Мы в этот мир пришли не навсегда...» 87
 Любовь к Отчизне.....87
 Разрыв.....87
 Полустанок любви.....88
 Мне сегодня приснилась весна 88
 Ревность.....88

Вячеслав Тюнкин

Уфология 93
 Йети 94
 Второе пришествие.....94
 «Достоинно — за собой сжигать мосты...» 94
 «Любовь зла...».....95
 Heinrich Heine.....95
 Lorelei.....95
 «Сыскали мракобесию замену...» 95
 «Нет, не в коня, как видно корм...» 95
 Шторм 95
 «Волкодлак» 96
 Апокалипсис.....96
 Демонология.....96
 ЮАНН IV.....96

Юлия Ёлгина

...«Малая родина» 103
 На площади Парадной 103
 Есения.....104

Зимняя песня.....	104
Моим современникам	105
Аритмия бабушкиных ходиков... ..	106
Ангел Рождества	106
Тишина.....	107
Самописец дождя я в ломбарде достану.....	108
16 апреля.....	108
Как ни старались бойко стеклодувы... ..	109
В стороне от городского шума... ..	109

Ирина Светлова

«Через “хочу” и “не могу”...»	117
Невозвратность	117
«Мне, видно, суждено гореть в аду!...»	117
Птица Боль	118
Командировка	118
С приветом из Москвы.....	119
«Реквием». Музыкальный фрагмент.....	119
Болезнь стихотворца.....	120
Взгляд из окна.....	120
Уеду в сад	120
Сумрачный туман.....	121
Осенняя мелодия	121
Навстречу снам.....	122
Случайное пристанище	122
Параллельные миры.....	123
«Когда-нибудь я буду столь мудрей!...»	123
Встреча с юностью	123
Моя незаконченная повесть	124
На дне колодца.....	124

Юрий Александров

Жить в России.....	126
Старый окоп	126
Урал.....	127
Я не клоун.....	127
Печаль.....	127
Настроение.....	127
Уйти в себя	128
Все проходит.....	128
Звезда.....	129
Письмена дождя	129
Костер.....	129
Кумир	129
Звездный мир	129
Запах лета.....	129
Красота.....	130

Сергей Андрюков

Сон о Миассе.....	134
О времени	134
Промчались годы.....	134
Не очень стар?	135

Анатолий Рыбальский

Экспресс-хрестоматия цинизмов	138
Илиада и Одиссея.....	138
Мастер и Маргарита	139

Преступление и наказание.....	139
Двенадцать	140
Хорошо.....	141
Кармен.....	142
Война и мир	142
Отцы и дети	142
Обломов.....	143

Василий Носков

Перед рассветом.....	144
Июль	144
Раннее утро	145
Летний вечер.....	145
Август.....	145
Сенокосная страда.....	145

Анна Сивкова

Рождение цыпленка.....	169
Котик отдыхает	169
У окошка	169
Верю в сказки.....	169
Солнышко прячется.....	169
У реки	169
На кочке	170
Футболисты	170
Подушка.....	170
С книжкой под мышкой.....	170
Жук в банке	170
Во дворе.....	170
Есть такая страна!	170
Лето красное	171
Плюшевое чудо дорогое!	171
Бабушка хворает	171
Витино деревце	172
Урожай.....	172
Главный в доме.....	172
Мышки	172
Лара.....	172
С Днём учителя!.....	172
В первый класс!	173
Грусть.....	173
Любимец.....	173
Друзья.....	173
Кеша.....	173
Солнышко.....	173
Котёнок	173
В столице	174
Колыбельная.....	174
Сверчок и старичок.....	174
Веснушки	174

Александр Горелов

Прости, дорогая	182
В первом приближении.....	182
Земляничное настроение	182
Заполнить интервал.....	183
Крест	183

Двойник	184
Родник	184
Звезды падают вверх	184
Дионис	185
Буйки	185
Угар от смеха	186
Подражая Шекспиру	186
Валерий Ерофеев	
Декабрь	190
Любви не бывает	190
«Чуть меньше, но душа болит...»	191
Ангел-хранитель	191
Виктор Фатеев	
Картинки из глубинки	193
«Степка-верхолаз»	193
Разнос	194
Огнеборцы	194
Ох, нелегкая это работа	195
Каринэ Гаспарян	
«Все праздники закончились до дна...»	196
Светлана Летунова	
«Постпрагматический...»	196
Ахмет Нуретдинов	
С песней	197
В соседнем саду	197
Людмила Чиркова	
Чудеса	198
«Раз, два, три — считаю горки...»	198
Зимняя колыбельная	198
Велосипед	198
Татьяна Ларионова	
Влюблённые	199
«Я помню голос в сумраке вагона...»	199
Колодец	199

ПРОЗА

Владимир Тараканов	
Кусакий (рассказ)	17
Алла Федосееенкова	
Поминки (быль)	32
Михаил Рудковский	
На дежурстве	48
Николай Григорьев	
Тайны Катькиной дороги	59
Анатолий Столяров	
Мой дом, наш двор	68
Светлана Вдовина	
В каком виде брал, в таком и отдавай	89
Село разбудил крик	90

Большеротая Зима	91
Герман Шлейтанов	
Чудеса без чудес (<i>рассказ</i>).....	97
Хмурое утро	98
За призом	98
Приятного аппетита (<i>фельетон</i>).....	99
Туристские «страдания»	100
Лекарство без «Д» (<i>Почти по Чехову</i>).....	101
Польза склероза	102
Маргарита Балюк	
Байкерская любовь.....	110
Александр Блинов	
Лето 1961 года	125
Родина! Как много в этом слове.....	126
Надежда Лысанова	
Сказка про Снегурушку и ее подружек.....	127
Анатолий Летягин	
Певец совести (<i>рассказ</i>)	135
Илья Весенин	
Тарзан	146
Павел Хрипко	
От Уя до Терека. Путевой очерк (<i>в сокращении</i>)	149
Петр Овинов	
Корни.....	159
Дедушка	163
Марина Лукашенко	
Здравствуй, Тигра Новый год!	175
Неконкретный Анатолий	177
Родная.....	178
Петр Минеев, Валентина Арапова	
О крещенской азбуке и не только... ..	187
Олег Верный	
Подвезли бабушку.....	191

Песня другу

Нас судьба разлучила, разбросала по свету,
Нас судьба научила жить без ласк и без сна.
Одинок я порою, только знаю, что где-то
За тоской и зимою есть и друг и весна.

Мы не часто с тобою до краев наливаем,
Разлетелись куда-то наши праздники вдруг.
С каждым годом все больше друзей мы теряем,
С каждым годом все больше потерь и разлук.

В круговерти забот, в безысходности буден,
В черной злобе людской и в невзгоде любой,
И в пути роковом, как бы не был он труден —
Ты найди в себе силы оставаться собой.

Все еще впереди, хоть и прожито много.
Будет радость и свет, и любовь в перелив.
Только б пропастью вниз не срывалась дорога,
Только б каждый рассвет был лучист и красив.

Нас не минет беда, не оставят невзгоды.
Что поделаешь, жизнь — это спад и подъем.
Но одно пронесем мы сквозь бури и грозы —
Пусть одни мы в разлуке, но душою — вдвоем.

Нас судьба раскидала, разбросала по свету.
Нас судьба научила жить без ласк и без сна.
Одинок я порою, только знаю, что где-то
За тоской и зимою есть и друг и весна.

Иду

Каждый шаг моей жизни расценен достойной ценою,
Лишь любовь не рискнул ни один из купцов оценить.
Многих женщин я знал, и любил их, и даже женою
Не одну называл, но судьбы разрывалася нить.

И скрипел чемодан у другого, чужого порога,
Я на время пенял, как на лучшего в мире врача.
Я заклятия ждал, как итога, но милостью бога
Возвращался опять на исток, на начало начал.

Сколько долгих ночей я не спал и писал до рассвета,
Я и рвал и метал, зарекался, да так и не смог
Убежать от себя, убежать от любви и от света.
Ведь Любовь — это мир, ведь Любовь — это жизнь, это Бог.

Я в заветном краю все искал, но увы не нашел там
Ту, с которой идти через жизнь по дороге любой.
Но откуда-то, вдруг, длинноногая, в платье желтом
Подошла, улыбнулась и вдаль позвала за собой.

Это сладкий дурман, это боль, это сказка сначала.
Сколько ж можно с ноля все опять и опять начинать?
Только музыка сфер, как с хорала, с небес зазвучала,
И рванулась душа что-нибудь про любовь сочинять.

Кем же послана ты — или Богом самим или чертом?
Я шепчу твое имя в бессонном полночном бреду.
Снова машет рукой длинноногая, в платье желтом...
Ну, чего размахалась, как будто не видишь... Иду...

Причал

Что-то грусть меня взяла. Не в печали ведь.
Убегаю от мирской суеты.
Знать пришла пора отсюда отчаливать,
Собирать в багаж былье и мечты.

Сколько здесь я простоял? Якорь выну ли?
Да смогу ли развернуть паруса?
Что-то даты, лица, сцены нахлынули
И зовут со всех сторон голоса.

Я пришел на причал, я взгляделся в лазурь:
Вроде штиль и на небе не облачка.
Хорошо на земле — нет ни штормов, ни бурь,
Все дела и проблемы по полочкам.

А шагнешь за черту, — вот она, под ногой
И обрубишь все прошлое, сущее.
И останешься — ты, и босой, и нагой,
И стихия морская, ревущая.

Сколько раз я уходил в неизвестное,
Хоть смотри, хоть не смотри — в темноту.
И несло меня суденышко тесное
К незнакомому, чужому порту.

Сколько раз я приглашался пучиною —
Уходи от жизни, все она врет.
Но не зря же я родился мужчиною,
А это значит, все вперед, да вперед.

И когда уже сил оставалось на вздох,
А в запасах — слюна да прокуренный ус.
И когда я от моря ослеп и оглох —
Выносила волна и дожила на курс.

И я вдавливал борт в незнакомый причал,
Убирал паруса и смирил, и стихал.
Возвращался опять на начало начал,
И к людскому жилью, и к любви, и к стихам.
Отдохнуть.

Я домой не вернусь никогда

Я домой не вернусь никогда.
Да и был ли тот дом у меня?!
Где-то в памяти скрылись года,
Где счастливым я не был ни дня.

Там, где буйные ветры, там, где избы косые,
Где чащобы да топи — беглеца не поймать
Где от снега до снега люди ходят босые,
На лихую годину родила меня мать.

Те года пронеслись — детский плач легковесен.
А когда повзрослел — слезы выплакал все.
Мы рыдали душой в хоре тягостных песен
И катилась жизнь на кривом колесе.

Кто нас жизнью пытал? Отыскать невозможно.
Но межа пролегла между До и Теперь.
Я купался в росе и в пыли придорожной
И боялся людей, как подраненный зверь.

Нас куда-то несло, все скрипели тоскливо колеса.
Вся Россия катилась в теплушках и товарняках.
Кто куда, кто за чем, — задавать не пристало вопросы.
Каждый верил, что там встретит счастье наверняка.

Как зашоренный конь я топтался по кругу, по кругу,
А казалось — вперед, а порою казалось, что ввысь.
Я тащил свой хомут, и ярмо, и седло, и подпругу,
А за кругом моим проносилась безудержно жизнь.

Отпустили за круг. Ни кола, ни двора, ни привета.
Хоть бы камень найти, от которого все началось.
Хоть бы в воду ступить, что полуденным солнцем согрета,
Да упасть на крыльцо, как у нас на Руси повелось.

Я домой не вернусь никогда.
Да и был ли тот дом у меня...

Кудыкина гора

Я от жизни бежал под полуденный зной.
Боль в ладони собрал — думал — выкину.
Мать роняла слезу, — Ну, куда ж ты, родной?
— На Кудыкину гору, — твердил я, — Кудыкину.

Ну а где та гора? Ни вблизи, ни вдали.
Кто-то был на горе, кто-то около.
Восхищались одни, чушь с восторгом мели,
А другие крестились да охали.

Там кого-то молва наградила венцом,
А кого-то невестой красавицей.
И конем вороным и хрустальным дворцом.
Хочешь — верь, хочешь — нет, коль не нравится.

И меня понесло, я и жить-то не жил.
Злую участь терпел горемыкину.
Песни пел натошак, но тянулся из жил,
Чтоб увидеть ту гору, Кудыкину.

И однажды в закате июньского дня
Я увидел вдали крутогорие.
Понесло к той горе, потащило меня
И забыл про печали и горе я.

И от счастья шальной я на гору взбежал
И застыл, посмотрев во все стороны.
На увядшем лугу конь бездыхан лежал.
И кружили и каркали вороны.

Я и думать не смел о печальном конце.
Кто сказал бы, — так я б батогом того.
Но сидела старуха на бывшем крыльце
У корыта до боли знакомого.

Уходим

Из моей руки — горсть песка.
Снизу отзвук глухой в ответ.
В сердце боль, печаль и тоска
Вот и друга со мною нет.
А всего лишь назад три дня,
Пожимая руку мою
Он сказал, от меня уходя, —
Что-то грустно, пойду попою.

Замолчала гитара, висит сиротой на гвоздочке
Остывают лады, как птенцы без тепла его рук.
Вроде пел, как хотел, да и жил, но поставлена точка,
И уносит его к новым песням незамкнутый круг.

Мы средь шумных людей, словно гости из Вечности бродим
И собою, и жизнью довольны, и счастливы вроде,
Но на этой земле мы приюта нигде не находим
И уходим, уходим, уходим, уходим, уходим.

Горсть песка — из моей руки —
Как последняя дань тебе.
Мы теперь с тобой далеки,
Только каждый хранит в себе
Память быстро ушедших лет
И звенящий напев струны.
Вроде с нами тебя и нет,
Но ты там, с другой стороны.

Пусть не стали твоим пьедесталом столичные сцены,
И на славу везде многократно повысили цену.
И не много досталось тебе восхвалений и лести,
Но как пел, так и жил; о Любви, о Свободе и Чести.

Недопетые песни пускай допоются другими
И упавшая строчка как факел поднимется ими.
Вот конечная станция. В ночь непроглядную сходим.
И уходим, уходим, уходим, уходим, уходим.

Эх, Россия, Россия

Мы, как мыши в крупе — столько много всего под ногами.
Шаг не можешь ступить — попадаешь то в россыпь, то в клад.
Только топчем мы все беспощадно и зло сапогами —
Все равно пропадет, или куча стноит, или склад.

Или вор украдет и соседу продаст за бесценок,
Иль небритый пропойца в кабаке отнесет за глоток.
Всю Россию дерут на куски без цены и наценок.
И стучит, и стучит, и стучит на торгах молоток.

Велика ты Россия, но есть у тебя и пределы.
Глубоки твои копи, щедры и моря и леса.
Да ряды копарей, рыбаков, егерей поредели
И на торге любом все чужие звучат голоса.

Нету вскинутых рук, лишь покорность согбенной спиной
Да тупое мычание возле корыт и тазов,
Окоемом — стена. Говорят, что за этой стеною
Люди с Богом живут, да закрыты врата на засов.

Те б засовы сорвать, порубить бы на щепы ворота,
Да бежать в те края, под собою не чувствуя ног.
— Что, опять в топоры? Больно надо! Вот сделал бы кто-то...
Да не мы бы туда, а сюда бы пожаловал Бог.

Да вспахал бы нам поле, да выстроил новые хаты.
Накормил стариков и детишкам утер бы носы.
Да бельишко б сменил, стыдоба, на заплате заплатата.
Да раздал бы еще по сто грамм и куску колбасы.

Вот тогда бы и мы низко в пояс ему поклонились.
Вот и мы бы поверили в силу небесных творцов.
Мы могли бы и сами, да больно уж все обленились,
Только храп над Россией и плачи, и хруст огурцов.

Эх, Россия, Россия, обида и давит, и глушит.
Все века — нищета, все века — бездорожье и дурь.
Мы в кабак заложили штаны, и рубахи, и души,
И хмельные с утра затаились до громов и бурь.

Только гром гроыхнет — и мы сразу по лбам застучали.
Только молнии явь — мы вопить, — Помогите и спасите!
Сколько ж жить нам еще в нищете, суете и печали,
Да доколе еще дуракам козырять на Руси?

Афганец

На московских бульварах всегда толкотня.
Люд российский стремится в столицу,
Чтобы все посмотреть — не хватает и дня,
Благо есть тут чему подивиться.

Площадь Красная с ГУМом, да Кремль над рекой
Столько лет, а поди ж, не ветшает.
Да Пожарский стоит с распростертой рукой
И повсюду черед попрошаек.

Лучше всяких артистов играется роль —
Дайте грошик, мы люди не горды...
Тянут руки ко мне Горе, Мука и Боль,
И хитрющие, наглые морды.

Вот откуда-то сбоку доносится шум.
Полупьян и ругается грубо.
Запакованный весь в камуфляжный костюм
Восседает на стуле «обрубок».

Что с ногами его? Где оторвана кисть?
На табличке — «Подайте афганцу».
Сыплют граждане мелочь на водку и жизнь
И доллары дают. Иностранцы.

Эти доллары — мигом в нагрудный карман.
Ну, а мелочь — расходы на водку.
Тут же крутится рядом «шестерка» пацан,
Мелочь в горсть — и на новую «ходку».

Я прошел мимоходом, спеша по делам
Но потом, возвращаясь, под вечер
Я прошелся по тем заповедным местам
И представилась новая встреча.

Он лежал на земле, голова на боку.
Кто увидел, вовек не забудет.
Знать не мало подали на боль и тоску
Сердобольные русские люди.

Я бабуху спросил, торговавшую тут,
Что, менты его не обижают?
Да его заберут, через десять минут.
За ним «мерин» всегда приезжает.

Я поправил его. Он неловко лежал.
Да за ворот рванул, чтоб дышалось.
Вроде было и жаль мне его и не жаль,
Да какая тут, собственно, жалость.

Что-то там бормотал, я не смог разобрать,
Про Аллаха, Христа и Мессию,
Про Афган, Кандагар и какую-то мать.
И еще кое-что... про Россию.
Прости.

Джунгли

Ну и времечко настало — абсолютная свобода.
Все открыто и доступно — дверь любую открывай.
Мы свободу эту ждали аж с семнадцатого года.
Что желаешь — то и делай, все что хочешь — вытворишь.

Все границы нараспашку, все законы словно дышло.
Все на выбор продается — и Свобода, и Престол.
Если хочешь, чтобы дело, как тебе хотелось, вышло —
Только гикни, только свистни и — зеленые на стол.

А на улицах такое — и с похмелья не приснится;
Грабят, режут и стреляют всех огульно и подряд.
А пришлешь вопрос в газету, — Что, мол, деется, творится?
Говорят, — Законы джунглей нами правят и царят.

Я спросил про это множество народа.
Но про джунгли не слышал из них никто.
Правда, фрукты — круглый год. Не с огорода.
Кто ж нас продал? Или выменял на что?

Нам кино крутили в детстве про Маугли и лианы.
Был еще герой старинный по фамилии Тарзан.
Там все бегали, рычали и скакали обезьяны.
А герой ходил по джунглям, как по лесу партизан.

Там все были по ранжиру — тигры, волки и макаки
Там одним ударом лапы разрешался всякий спор.
Все дела творились тихо, не пронюхать и собаке.
Все считали неприличным выносить из джунглей сор.

Но нашли мальчишку где-то, воспитали и вскормили.
Научили выть и прыгать и по-волчьи понимать.
Под водою без дыханья мог проплыть четыре мили.
Ну, а наглости и понта, нам, людям, не занимать.

Вот вам сказочка про шустрого Маугли.
Смелый парень, все поставил на места.
Но ушел в народ и снова эти джунгли
Стали жить без Бога, Духа и Христа.

В джунглях чтит законы Бога даже дикая природа,
А у нас конфликтов разных со стрельбой не перечесть.
Просто так поубивали много всякого народа.
Ну, а в джунглях убивает только тот, кто хочет есть.

Там одним законом силы управляют целой стаей.
Что поделаешь — природа, надо как-то выживать.
Там лежит в основе быта эта истина простая —
Или быть кому-то кормом, иль кого-нибудь жевать.

А у нас еды по горло. Заходи в любую лавку.
Макаронны, майонезы, чай индийский всех сортов.
Это раньше все давалось или в очередь, иль в давку.
А сейчас мужик жиреет — не затынет и портов.

Знать, не с голода стреляем мы друг в друга.
Не охота нас зовет курки взводить.
Если дичи всякой целая округа.
Скоро лоси станут на дом приходить.

Знать, ролями поменялись, изменилася природа.
Раньше нам любить природу надлежало и беречь.
А теперь другая, видно, в людях вывелась порода.
Вот и стали без разбору убивать, рубить и жечь.

Все, что ползает, летает, ходит, бегают, крадется.
Все, что плавает, ныряет, вьется, стелется, цветет.
Исчезает, исчезает — и управа не найдется.
И сквозь «Красную книжонку» куст бузинный порастет.

Все призывы и прожекты проорались, прогорели.
Все сравнив и сопоставив — я открытию не рад.
По итогам нашей жизни мы, конечно, озверели.
Но, даже если мы и джунгли, то ужасней во сто крат.

Нету хищника страшнее человека.
Всех нас нужно в Преисподнюю опять.
Из гранаты уже выдернута чека.
Раз, два, три, четыре, вот уже и пять!

Шестидесятникам

В этом мире масляном, как сыры катаемся.
Попиваем водочку, да хлебы жуем.
Как за сорок вывалит — за перо хватаемся —
Автобиографии пишем и поем.

Вот и мне назначилась дата округленная.
Сяду поздно вечером, память теребя,
Жизнь моя престольная, в смысле — забубённая.
Что же мне хорошее спеть-то про тебя?!

Ну, родился мальчиком, школу кончил вовремя...
А потом поехало, в смысле понеслось.
Да, не знали меры мы. Да, не знали горя мы
И чего хотелось нам, то всегда могло.

Перышко под галстучек, под манжет — наколочку.
Все в нейлоне, импорте, до самих трусов.
Патефон на улицу, «ребра» под иголочку
И звучит заезженный «Рок вокрут часов».

Танцы-манцы стильные, выкрутасы-фортели.
По ночам все жители пили димедрол.
Битлы окоянные вкусы нам испортили,
До сих пор по праздникам пляшем рок-н-рол.

Танцплощадки пыльные вытоптаны ямами
Патефон с гармошкой пели до утра.
Водку тоже трескали, тоже были пьяными,
Но побольше, кажется, было в нас добра.

«Яуза» да «Адидас» — верх мечты и радости
Пленочка магнитная змейкою ползет.
Знать не знали пошлости, знать не знали гадости,
Слушали Высоцкого ночи напролет.

Комсомольцы фиговы, партии ослушники,
Про Иван Денисыча — хоть кого спроси.
Время полуночное, на ушах наушники.
Слушаем «Свободу» мы или «Би-Би-Си».

В кухнях перемолоты все дела кремлевские.
— Сталина подсунули под бочок к Нему...
Спутники, Гагарина, да хлеба хрущевские
Не забыть, не вычеркнуть, да и не к чему.

В оттепель оттаяли, будто глыбу сдвинули
Покосились, треснули камень да кирпич.
Вот убрали Сталина, вот Хрущева скинули
И явился царствовать Леонид Ильич.

г. Челябинск

Кусакий

(рассказ)

Тараканов В. 1-2010

Человек, о котором этот рассказ, живет на малюсеньком железнодорожном разъезде Алакуль Транссибирской магистрали далеко за Уральским хребтом. По паспорту и водительскому удостоверению — он Николай Дмитриевич Горбатенко. А за спиной и по-уличному — Кусакий. Эту кличку Колька получил в розовом детстве. Играют, скажем, чумазые шкеты в ножичек или чику, из-за какого-то пустяка повздорят и схлестнутся в рукопашной. Кулачишки мелькают, царапают друг друга, пытаются ногой сделать больно. А наш юный гладиатор орудует еще и... зубами. Обхватит неприятеля, прижмет его к себе и вопьется в него, как клещ. Говорили, что своими мелкими и острыми резцами прокусывал кожу соперника. Отсюда и ярлык на всю жизнь.

После срочной службы во внутренних войсках Николай Горбатенко работал в транспортной милиции. Водителем. С сержантской лычкой на плече. Вначале ездил на ГАЗ-69, потом — на УАЗе, перегороженном стальной решеткой. А перед выходом на пенсию рассекал на Форде, возил главного транспортного милиционера дороги, генерала Шумшарина. Сержанта просили не уходить на заслуженный отдых, еще год-другой покрутить баранку. Разве умаялся, устал в 45 лет?! Но Горбатенко твердо решил «завязать» с ментами. «Буду, — говорит, — скотину разводить да ранние огурцы, помидоры и перцы на продажу выращивать...» Любил он коров-баранов, грядки-теплицы.

При первой встрече покажется, что Николай Дмитрич человек приветливый, открытый, душевный — и крепко «поручкается», и приобнимет за плечо, и по спине похлопает. Но это внимание обманчиво. Хоть и приблизит тебя к своей груди, а взгляд при этом холодный, злой, колючий; тонкие губы брезгливо поджаты; на скулах пляшут желваки. Не очень любит он людей — ни родных, ни чужих. К собакам, кошкам, баранам и прочим четвероногим он больше расположен, чем к себе подобным. В милиции это знали и ему платили той же монетой — не сочувствовали, когда болел; не подставляли плечо и мозолистые руки, когда крихтел и тужился, снимая тяжеленную коробку перемены передач с машины. И еще одна характерная особенность в поведении сержанта — он никогда не смотрит собеседнику в лицо. А его маленькие глазки за штормками рыжих ресниц бегают, как застигнутые врасплох мышшки: туда-сюда, туда-сюда...

Несмотря на кличку и бегающие глазки, неискренность и фальшь, полнейшее равнодушие к тебе и твоим проблемам, с Горбатенко кое-кто ищет и находит общий язык. В первую очередь сослуживцы и начальники, души которых в выходные и праздники просятся на природу, на охотничьи просторы. А они — вокруг Алакуля. Многокилометровые сосновые и березовые леса, озера, непроходимые заросли чернотала, крепи болот, светлые поляны. Раздолье для зверей и птиц. Этот охотничий рай расположен на границе двух областей. Контролирующие егеря и инспекторы с обеих сторон сюда редко наведываются — далеко. Да и зачем? Зато на полустанке постоянно живет Николай Дмитрич: в милицейской форме, при погонах — полномочный представитель власти. Ну и что, что он из железнодорожной милиции? Для простых людей Кусакий царь и бог не только на разъезде, но и на лесных дорогах и тропах.

У Николая Дмитрича здесь просторный дом из списанных шпал, двор с футбольное поле, обнесенный высоким частоколом-забором, колодец с ледяной и чистой водой, а на огороде — баня по-белому с парилкой. Поэтому сослуживцы и городские приятели приезжают на разъезд в любое время суток и в любое время года — как в разрешенное для охоты, так и в межсезонье. Естественно, не с пустыми руками — один везет пачку патронов или банку пороха; другой — широкие лыжи; третий — сувенирный нож;

четвертый — бинокль... И без каких-либо охотничьих билетов, путевок, лицензий добывают корсаков и куропаток, косуль и кабанов, гусей и уток. А генерал почти каждую весну «под руководством сержанта Горбатенко» на глухарином току «брал» краснобрового петуха... После охот — и осенью, и зимой, и весной — Николай своим приятелям-сослуживцам-начальникам жарко топит баню, парит их березовым веником, обливает колодезной водой, приносит из холодильника водку «со слезой», съестные припасы и деликатесы, привезенные гостями из города, достает свои разносолы — грибочки, огурчики, помидорчики... На этих праздниках «живота на природе» хозяин пьет мало. И только тогда опрокинет рюмашку-другую, когда большой начальник или нужный Горбатенко человек «приневолит»... В сравнении с пропойцами полустанка и путевыми рабочими из города, Николай Дмитрич — святой человек. Да и живет-то безбабно, монахом — жена давно оставила его и с дочерью-школьницей уехала к матери в ближний городишко Налимье. Правда, злые языки на разъезде болтали, что в этом Налимьем растет шестилетний мальчуган, как две капли воды похожий на Кусакого. В первую очередь родство с отцом выдают его мелкие и острые зубы. И Николай Дмитрич на своем мотоцикле «Урал» с коляской частенько навещает в Налимье. То мешок картошки увезет, то гуся, то банку-другую маринованных огурцов-помидоров. Сами догадываетесь, что эти презенты предназначаются не бывшей жене и не родной дочери.

Каждый живет так, как ему судьбой предопределено. И мое повествование о Кусаком не касается ни его ментовской службы, ни его приятелей-браконьеров, ни его личной жизни, как с женой, так и с ее соперницей. Рассказ этот об одном увлечении, на которое он «запал» по выходу на пенсию.

Увлечение это, скажем так, зародилось в душе у Николая еще задолго до службы в армии. Ровесники на танцульках крутые бока девкам глядят, на «крепость» бражку пробуют, матерные частушки поздней ночью выкрикивают. А Кусакий, сжимая в руках ружье тридцать второго калибра, таится либо на гусином перелете, либо на тетеревином токовище. С малых лет он, не хуже дикого зверя, знает переходы косуль, тайные тропы кабанов, порхалища перепелов. Но из всех зверей и птиц больше всего ему нравится охота на зайцев. Хлебом Кольку не корми, но дай ему вытروпить¹ косога, распутать его изощренные петли и сметки². Подобно шахматному гротмейстеру, он научился предвидеть очередной «ход зверька», безошибочно определить, куда тот побежит, за каким препятствием — кустом, муравейником, кочкой — схорониться. А какой слух, зрение и обоняние у длинноухого! Смел, находчив, остроумен Заинька!.. Выследить, переиграть и, в конце концов, «взять» достойного соперника — не в этом ли первородный глубинный смысл охоты?! Конечно же, свою цену имеет и трофей. Во все времена тоскливо зверолову возвращаться из леса с пустыми руками. А когда длинноухий или, скажем, Патрикеевна в рюкзаке за спиной — душа поет...

Любит Горбатенко рассказывать вот эту историю. Однажды в студеную зимнюю пору (как у Некрасова) под вечер на широких лыжах возвращался он домой по лесной дороге. Параллельно тянулась канавка, а по ней — след зайчишки. Зверек не торопился, двигался мелкими прыжками, то и дело останавливался около торчащих из-под снега кустиков и пучков прошлогодней травы, объедал их, тут же оставлял свои «орешки». Казалось бы, ничего не предвещало беды для косога. Но неожиданно он наскочил и провалился в лунку глухаря, который на исходе зимнего дня с полусухой осины нырнул в глубокий снег. Лесной петух, видимо, в своей пещерке уже задремал. Но какой сон, если тебе на голову наступает неизвестно кто?! Необходимо молниеносно взлететь, спастись. А подняться нужно, как вертолету, вертикально. Вот и замолотил тяжеленный глухарь своими метровыми крыльями по зайчишке. Тот от неожиданных оплеух и поднятого снежного вихря перепугался не меньше птицы. Но не бросился наутек — вдруг тот, кто награждает подзатыльниками, еще раз нападет сверху. И умный зверок упал на спину и выставил навстречу возможному врагу все четыре лапы с довольно крепкими и острыми когтями. Так обычно зайцы обороняются от лисиц, рысей, енотов

¹ Вытروпить — выследить.

² Сметки — большие прыжки зайца в бок, в сторону перед тем, как отправиться зверьку на дневную лежку.

и крупных пернатых хищников — филинов, беркутов, орлов... Представляете, догнала и собралась длиннохвостая Кума позавтракать Сереньким, а ее встречают четыре лапыножа. Хотя и не часто, но охотники-промысловики находят мертвыми то енота, то рысь с распоротым до внутренностей брюхом. Вот и думай, кто кого задрал?! А эта лесная сценка с глухарем, прочитанная по следам, вызвала у Кусакого улыбку. И он еще больше зауживал заячье племя.

Если ехать по железной дороге в сторону зауральского города Кургана, то сразу же после разбеда Алакуль рельсы делают «ножницы». Один путь резко сворачивает направо, другой — налево. Около десяти километров обходят они болотистый распадок. Между насыпями образуется пространство в две-три версты. А ближе к городишку Налимье рельсы вновь сходятся. В этом межпутье и обитают в большом количестве зайцы. На их размножение не влияет ни грохот проходящих поездов, ни шум и сигналы машин на автостраде, проложенной параллельно железной дороге. Кроме беляков встречаются косули, лисы, еноты; прилетают и гнездятся тетерева и куропатки. Можно увидеть следы хорьков и куниц. Вот сюда с малых лет и бегают Николай Горбатенко выслеживать своих зайцев. И от дома недалеко, и не было случая, чтоб вернулся из леса без трофея. Этот участок он в шутку прозвал «заячьей фермой».

В тот год, когда Николай уволился из милиции, на его любимцев обрушился мор. Километр за километром проходишь по лесу и ни единого следочка. Сильно поубавилось длинноухих и на «ферме». «Если дело так пойдет и дальше, — озаботился Николай Дмитрич, — то через год в лесу с ружьем и делать будет нечего...» К ловле других зверей и птиц он остыл. Добывал, конечно, и косуль, и кабанов и даже лося завалил — но эти охоты проходили без радости в сердце.

Как человек деловой, симпатизирующий «братьям нашим меньшим», он «своим» зайцам протянул... руку помощи. Перво-наперво между разбежавшимися железнодорожными насыпями установил три ящика из толстых досок, которые до верха заполнил кормовой каменной солью. Эти искусственные «солонки» называют «лизунцами». Зверьки круглый год страдают из-за недостатка соли. Летом они кормятся травой, молодыми побегами ивы и ольхи, а осенью, зимой и весной главное пропитание — кора осины. Лакомство — верхушки и тоненькие веточки этого дерева. В бесснежное время зайцы лижут солончаковую землю. А где ее взять зимой?

Следующий «жест доброй воли» — заготовка веточного корма для косых. Николай Дмитрич каждую неделю ходит в лес, срубает молодые осинки и ивы, складывает их комлями¹ вместе, а верхушками в разные стороны. Эти деревца зверьки так добросовестно зачищают от коры, как будто действуют не зубами, а плотницким рубанком. И свежих следов возле ящиков с солью и «заячьих столовых» с каждой неделей становилось больше. Наверное, зверьки сюда примчались из других, отдаленных, угодий. Как говорят в народе: добрые вести и в лесу не лежат на месте...

Две зимы опекал Горбатенко свою «ферму». Сам с ружьем сюда не ходил и другим не позволял. Он самовольно изготовил и установил несколько аншлагов с таким текстом: «Зона покоя. Охота запрещена». А по выходным даже патрулировал в угодьях: многих «отдыхающих», приезжающих на электричках «погонять зайцев», заворачивал обратно. И длинноухих снова стало в избытке. Бесконечными зимними ночами они стали прибегать на единственную улочку разбеда, в палисадниках и на огородах обгрызать стволы яблонь, груш и других фруктовых деревьев.

В ночь на 16 ноября над Алакулем разразился снегопад. Да такой ярый, что за час-другой укутал землю пушистым покрывалом. Крупные снежинки-звездочки, задевая друг друга, казалось, шуршали. К полуночи пляска снежинок прекратилась, небо очистилось от туч, а к утру ударил легкий морозец. По договоренности с первой электричкой из города приехал приятель Кусакого, Анатолий Берендеев. Давным-давно они служили во внутренних войсках и потом не потеряли друг друга. Связывала их страсть к охоте. Городской приятель добывал главным образом полосатых барсуков, вытапливал из них жир и обеспечивал им туберкулезников. Для успешной этой охоты держал норных злобных и умных такс. А два года назад барсучатнику кто-то подарил

¹ Комель — толстая часть того или иного дерева.

щенка русской гончей. Он его вырастил, натаскал¹ и вот сегодня приехал «травить» зайчишек.

— Как кличешь пса? — спросил Кусакий, когда мужики миновали улочку разъезда и, как в храм, вошли в лес.

— Орфеем, — ответил Берендеев. — Был такой легендарный золотоголосый певец.

— Что, твоя собака умеет петь?

— А вот сейчас услышишь, — улыбнулся хозяин гончака и снял с мощного загривка ошейник. Орфей минуто-другую обнюхивал молодой снег, кусты вишни, поваленную ветром осину. И направился в ближайшие заросли ольхи. Охотники, достав ружья из чехлов, тоже зашагали туда, куда убежала собака. Через двести-триста метров Берендеев принялся порска²:

— Ух, подбери, подбери, подбери его... Ах, буди, буди, буди его..., — кричал он и молодецки посвистывал.

Порсканье и посвист продолжались около часа. Звероловы неторопливо переходили от одного колка³ к другому, пересекали лесные дорожки и тропы, овраги и болотины, заросшие черноталом и осокой. На одной из просек они наткнулись на свежий след зайца. Берендеев, внимательно изучил отпечатки лап, определил, в какую сторону беляк скакал, встал на тропу и, не жалея легких, завопил:

— Ах-ах-ах! А-ля, а-ля, а-ля! У-лю, у-лю, у-лю! Ай-йй, ай-йй, ай-йй...

И снова: «Ах-ах-ах! А-ля, а-ля, а-ля! У-лю, у-лю, у-лю! Ай-йй, ай-йй, ай-йй!»

И снова, и снова, и снова...

На охотничьем языке это называется «наманивать гончака на след». И Орфей долго не заставил себя ждать. Подбежал к охотникам, по-деловому обнюхал указанный след и пустился в путь. Мои добычки заспешили за ним. Вскоре, по совету хозяина гончака, Кусакий встал на лаз⁴ под разлапистую сосну, росшую на небольшой круглой полянке. Сам Анатолий занял позицию левее товарища — расположился под опорой электролинии, пересекающей железную дорогу с севера на юг. Не успели зверобои каждый на своем лазу утоптать снег под ногами, оправить охотничью амуницию, оглядеться, взвести курки ружей, как Орфей выдал себя голосом — помкнул⁵. Первую четверть часа стрелки слышали недовольный, как бы ворчливый лай — низкие, отрывистые звуки. Создавалось впечатление, что собака сильно сомневается в близком присутствии зайца; и в тоже время обещает хозяину продолжить гон; надеется, что труд ее не напрасен. То есть ведет сама с собой «тихую беседу». Но вот, наконец, в голосе Орфея появляется азарт, страсть; взлаивания становятся протяжнее, злобнее, настойчивее. Запах зверька становится все сильнее и сильнее; кровь в гончаке начинает закипать. А еще через десять-пятнадцать минут пес пронзительно завизжал, как будто ему дверью больно прищемили хвост, заскулил, заплакал. Это на лежке у зайца не выдержали нервы, он вскочил, а Орфей его увидел. И теперь над лесом, не умолкая, неслось: «ай-йй-йй-йй... бам-бам...-а-а-а-а...» И истошные рыдания. И протяжные жалобы. И дикие вопли... У Кусакого от этого лая, от этой живой музыки, от этого нетерпения и азарта собаки по спине «побежали мурашки».

Обычно поднятый гончаком (да и охотником тоже) заяц пробегает небольшой, но правильный круг и возвращается к своей лежке. Если собака (охотник) «не отвязались» от зверька, он отправляется на второй, а затем и на третий, четвертый и т. д. круг, которые все расширяются и расширяются в диаметре. Последние уже не имеют правильной формы. На третьем или четвертом витке зверек ведет себя более чем «затейливо» — путь всегда прокладывает в чаще, не любит больших полян, выбирает просеки, старые дороги, заросшие молодым подлеском тропинки. Вот здесь и проделывает свои излюбленные «двойки» и «тройки» — дважды, а то и трижды пробегает сотню-другую метров по своему же следу. Этим «маневром» зверек сбивает

¹ Натаскать — научить собаку находить зверя и с лаем погнать на охотника.

² Порска² — подбадривать, горячить собаку голосом на поиск зайца или другого зверя.

³ Колок — небольшая группа деревьев в окружении полян.

⁴ Лаз — место, где охотник рассчитывает встретить гонного зверя.

⁵ Помкнул — взлаял, почувствовав запах зверя.

с гона молодую или малоопытную собаку; пока она «распутывает» хитросплетенные следы, находит правильное решение и берет новый старт для гона, уходят драгоценные минуты, которые позволяют длинноухому хитрецу облюбовать либо пень, либо куст и снова залечь. Чаще всего гонный зверек выбирает для этого открытые места, чтобы опасность (собаку, идущего охотника) заметить издали и принять своевременные меры. Чаще всего вскочить и дать деру.

На наших охотников Орфей зверька выгнал аж с четвертого круга. Таким хитрым оказался этот заяц. Первым его увидел Берендеев — косою на него шел лоб в лоб. Но стрелять навстречу бегущему зверю (на штык) охотники не любят. Да Анатолию это делать и не пришлось: зайчишка изменил направление и резво поскакал в сторону сосны, под которой, прижавшись спиной к дереву, таился Кусакий. И он не промахнулся. Когда на махах Орфей прибежал на выстрел, его ждала награда — пазанки¹. С ними собака расправилась как повар с картошкой. Еще бы, одно из лакомств для гончака! Сколько нервной энергии и физических сил потратил он, пока бежал по их запаху!? В этот день приятели с помощью Орфея добыли еще одного зверька. И опять удачливый выстрел сделал Кусакий.

Ему охота с гончаком шибко пришлась по душе. И не только потому, что пес «на блюдечке с голубой каемочкой» преподнес двух зайцев. Прежде всего у Николая Дмитрича во время гона сильно билось сердце. Как будто он рядом с собакой; как будто он сам видит вскочившего с лежки зверька; как будто его нос щекочет волнующий запах дичи. Выделяться адреналин продолжал и тогда, когда пес устроил музыкальное шоу на весь лес. Вся гамма тонов и звуков доставляли ему необъяснимую радость. Скажи ему вчера, что собачьим лаем можно наслаждаться, он бы тебя обозвал дуриком.

Понастойчивому пригласению Николая Дмитрича в туosenьего городской приятель с Орфеем на разъезд Алакуль приезжали еще несколько раз. Каждая «музыкальная» забава все больше и больше распаяла сердце зайчатника, а большеголовый багряный пес с мощной грудью и клиновидной головой делался все роднее и роднее Кусакому. То он, как доброго приятеля, гончака похлопает по холке, то почешет между трехугольных ушей, то «поздоровкается» за крупно-костистую лапу. А после охоты Орфея всегда ждет угощение — либо потроха домашнего гуся, либо ребрышки барашка, либо палка заплесневевшей колбасы. Да и зайчатины собаке перепало. В холодильнике у Кусакого практически не переводилось мясо косули, кабана, домашней живности и птицы. Поэтому тушки косога здесь особо не ценились... И, в конце концов, в голове Николая Дмитрича, сформировалась мысль: хватит кормить чужого пса, надо заводить своего гончака. Да не одного, а двух-трех собак.

Берендеев похвалил эту идею. И помог ее осуществить. В областном клубе собаководов он раздобыл адрес человека, который не первый год выращивает лаек и гончаков на продажу, созвонился с ним, срядился по цене и уже в апреле привез на разъезд трех щенков. И брошюру-инструкцию, как растить собачат, а потом — натаскивать. Было малышам от рода по полтора месяца. Это как раз тот возраст, когда их отнимают от матери. С легкой руки барсучатника щенкам дали клички — Заливай, Забава и Найда.

Николай Дмитрич был хорошей «мамкой» при собачатах — сколотил конуру, застелил ее одеялом, из соски шесть раз в день кормил их козьим молоком, варил манные и овсяные каши, делал из сырого мяса котлеты, закалял воздушными и солнечными ваннами. И что любопытно: ему доставляли радость хлопоты эти. И щенки на глазах росли: набирали вес; с каждой неделей лапы становились крепче, а зубы острее; часами гонялись один за другим; по очереди трепали чужие уши; брали в пасть то свою, то чужую ногу... Во дворе они быстро освоились и вели себя нахально: взбирались на лежащую и переваривающую жвачку корову, теребили ее за хвост, уплетали размоченные отруби, отгоняя от корыта кур и гусей, «дружили» с высокомерными индюками и ягнятами — приплодом минувшей зимы. И только одного козла обходили стороной — он своими витыми рогами не раз припечатывал юных гончаков к тесовым

¹ Пазанки — часть задних лап зайца от скакательного сустава до коготков.

воротам. За что те визгливо тьякали на него. Но вцепиться в вонючую шкуру бородача пока не осмеливались.

В конце мая — начале июня щенки дружной стайкой бегают не только по своей усадьбе, но и по дворам и огородам соседей, улице разъезда. Частенько отправляются в лес, который начинается за домом Николая Дмитрича. Теперь он кормит их только три раза в день. Аппетиту молодых гончаков завидуют, наверное, даже утки. Твердая пища — мясо, хлеб, колбаса, — брошенная в общую миску, чаще всего до ее дна не долетает — в воздухе ловится и мгновенно проглатывается. Покончив с «пайкой», собачата требовательно смотрят на Кусакого: не скупись, давай еще! Но инструкция настоятельно советует не перекармливать — молодой пес должен быть всегда полуголодным...

В одно солнечное утро Забава «за завтраком» в воздухе не подхватила кусок сырого мяса. А когда он плюхнулся в миску, даже не понюхала. Не стала лакать и крупяную похлебку из вымоченной солонины. «Видимо, — подумал Николай Дмитрич, — ночью чем-то поживилась». И не придал этому особого значения. Но и в полдень, и вечером молодая сука отказалась от пищи. Она заползла в конуру, из которой выбиралась лишь к корыту с водой.

Нос и подушки лап у нее высохли и растрескались, глаза заплыли гноем. Через три дня собачонка уже не могла двигаться: сделает шаг, а неведомая сила бросает ее то влево, то вправо... Привезенный из Налимья на мотоцикле самоучка-ветеринар Опалев, не один год «врачующий» скотину Горбатенко, вынес приговор: чумка. Ночью Забавы не стало... Николай Дмитрич попросил коновала сделать соответствующие прививки против чумки Заливаю и Найде. Но это кобелька не спасло — он разделил участь Забавы.

Теперь весь корм, забота и внимание хозяина доставались одной Найде. Она набирала вес и стать не по дням, а по часам. И скоро стала походить на молодого волка — низко опущенная клинообразная голова, короткая мускулистая шея, широкая грудь. И серый (волчий), с белесыми подпалинами на животе, окрас. Под эластичной, туго натянутой кожей, рельефно перекатываются мышцы. Шерсть (псовина) на голове, треугольных ушах и ногах короткая. А вокруг шеи обозначился приличный загривок. Крупные и крепкие, со следистыми лапами, ноги. Гон (хвост) у молодой выжловки¹ вырос толстым у основания и постепенно сужающимся к концу. Когда собака спокойна, он опущен, а если возбуждена или бежит — не круто поднят выше линии спины. Глаза у нашей девушки темно-карие, с косым разрезом век. Нос широкий, темный, чутко реагирующий на малейший запах.

Сентябрь и октябрь в юбилейный год Горбатенко (в начале декабря ему «стукнет» полтинник) выдались солнечные и сухие. Самое то для обучения (натаски) гончака — найти в лесу зверя, поднять его с лежки и с голосом (даем) преследовать, пока он не выбежит на охотника. И на первых же «уроках» (они проводились на «заячьей ферме») Найда поняла, что от нее требуется. Да иначе и быть не могло — все охотничьи задатки, необходимые гончаку, получила от природы, по наследству. А чутье у серой красавицы оказалось выше всяких похвал. И нижнее² и верхнее³.

И еще одно немаловажное для охотника качество проявилось у Найды. Она оказалась «певицей с заливом». Такие собаки, преследуя зверя, не ограничиваются какой-либо одной нотой, а постоянно меняют тембр — от низких переходят к высоким звукам. И наоборот. Голос у подобных гончаков как бы не прерывается; создается впечатление, что зверя на тебя направляет не одна псина, а целая разноголосая стая...

И по чернотропу, и по первому снегу Николай Дмитрич много раз приглашал Берендеева с его Орфеем «травить» зайцев. Все охотничьи инструкции и наставления

¹ Выжловка на языке гончатников — самка, сучка.

² Нижнее чутье — гончак преследует зверя по следу, не отрывая от него носа.

³ Верхнее чутье — собака поднятого с лежки зверя чувствует по воздуху, несется за ним с поднятой головой то слева, то справа следа и таким образом «срезает» все «петли» и «скидки» косоного.

советуют молодых гончих натаскивать с более опытными — природа природой, а пример и для животных много чего стоит.

Но наша выжловка в сравнении с Орфеем выгодно отличалась и вязкостью¹, и паратностью², и злобностью к зверю.

На одной из таких охот с двумя собаками Берендеев и спрашивает Кусакого:

— Как бы у тебя, наслышан, в следующем месяце юбилей?

— Как бы да, — в тон отвечает Кусакий. — Третьего декабря.

— Небось, праздничный ужин будет?

— И не только. Будет праздничная охота с Найдой, жаркая баня, ну и, соответственно, угощение... Считаю, ты приглашен на это мероприятие... Приезжай с ружьем, но без Орфея...

Как я уже упоминал, Горбатенко не особо жалуется людям. И не на пустом месте появилась эта неприязнь... Он вырос «безотцовщиной» — родитель в крещенскую службу (Кольке тогда не было и двух месяцев) по пьяни замерз на ступеньках барака, в котором ютилась семья. С раннего детства ему от чужих «дяденек» (мамкиных ухажеров) доставались только оплеухи, подзатыльники и пинки; клички и оскорбления от ровесников — «недоносок», «Дунькин сын», «уличная шваль»... В школе, а потом в техучилище (он хотел стать помощником машиниста, но не успевал по многим предметам и его отчислили) на его пути не оказалось человека, который бы проявил к Кольке небольшой интерес. Но везде его встречали и провожали с холодным равнодушием и казенным формализмом. Мать? Дома ему было даже неуютнее, чем на людях: мать, путевая рабочая, считала Кольку «своей бабьей бедой». Она корила его каждым куском, каждой потраченной на него копейкой, каждой пришитой к его куртке или штанам заплаткой или пуговицей. «Дармоед», «паразит», «безрогая скотина» — других слов у нее не было. А если на мальчишечью шалость пожалуются соседи или знакомые — лупцевала до синяков. При этом вопрошала:

— Господи, за какие грехи ты наказал меня сыном?

Мне же кажется, Кольке надо было пытаться Бога: почему он мальчишку «наградил» такой матерью?!

Ответ на эти вопросы был прост, как пареная репа. Своим существованием Колька мешал матери... жить. А «жить», как она понимала — без разбора «любить» мужиков. И в бараке на мягкой постелюшке, и в лесу на зеленой травушке, и на железнодорожном полотне на жестких шпалах и рельсах... Такая вот ненасытная натура. А любить сына ей уже было некогда. Да она это и не умела.

Беспризорное полуголодное существование, нескончаемые чужие «дяденьки», обидные на улице клички, полнейшее равнодушие учителей в школе и мастеров производственного обучения в техучилище, наконец, нескрываемая неприязнь родной матери — все это, помимо сознания паренька, ядовитыми пылинками оседало в Колькином сердце. И разъедало его... В конце концов оно, сердце, предназначенное Богом для любви и милосердия к людям, родным и близким, покрылось толстым слоем плесени. Назовем ее, как я уже сказал раньше, полным равнодушием к людям. И даже злобой к ним...

А вот к земле и солнцу, лесу и ветру Колькино сердце трепетало и млеало. Поэтому подростком, отроком и юношей до самой службы в армии Николай большую часть времени проводил в одиночестве — на охотах и рыбалках. Лежала у него душа к работе на огороде; любил он домашнюю скотину и птицу. Ему бы быть пастухом — в окружении коров, баранов и коз он всегда счастлив. И, казалось, ничегошеньки ему больше не надо...

Но это не так. Ему очень многое надо. Интеллектуально малоразвитое его существо, в жилах которого течет еще и хохляцкая кровь, все время, как чуда, жаждало теплых слов, похвал и одобрения людей, пусть даже им неуважаемых, в свой адрес. За отличное знание леса, его секретов и тайн. За те же удачи на охоте, наконец. Положительной

¹ Вязкость — настойчивость собаки в преследовании зверя.

² Паратность — способность быстро найти, поднять и преследовать зайца.

оценки его трезвости (при всеобщем-то пьянстве) или муравьиной хозяйственности (при поголовной лени и безделье).

В бытность милиционером на глазах не просыхающих алкашей разъезда он не один год строил дом из списанных шпал, сооружал теплицы, держал полный двор коров-свиной-баранов. Но никто и никогда ему не сказал: «Ты молодец, Колян! Продолжай в том же духе!» Наоборот, когда у него сдохнет корова или «отдыхающие» из города украдут овечку, соседи, будто змеи, шипят: «Так ему, Кусакому, и надо... А то размахнулся, выстроил хоромы... огородил, как помещик, усадьбу... развел стадо скотины... лопатой гребет деньжищи за ранние овощи...» Видимо, уж так мы, сегодняшние, устроены: не способны порадоваться за трудолюбивого и преуспевающего человека, нет у нас для него доброго слова за то, что он богато и чисто живет. И в то же время мы будто заражены дизентерийной палочкой, круглые сутки готовы соседу гадить, гадить и гадить. И от этого получать удовольствие.

Но вернемся к нашему герою. Никогда у Николая Горбатенко не было и постоянных друзей. Больше водились приятели, знакомые. Искали его благосклонность, как уже я говорил, только «рыцари» лесов и болот. Горбатенко понимал, что это «сиюминутные» друзья. И в какой-то степени они заполняли в его сердце пустоты искреннего и бескорыстного товарищества. Как воздух в миллионном городе — знаешь, что это смог, но дышишь. Другого-то нет... И тем не менее, не признаваясь даже себе, Николай Дмитрич в душе гордился знакомством с отдельными «сиюминутными» товарищами — генералом Шумшариным, машинистом электровоза Пырьевым, тем же Берендеевым.

Вот эти люди, да уже известный коновал Опалев, и собрались утром третьего декабря в доме Кусакого. «Поручались». Похлопали именинника по спине. Пожелали «здоровеньким и богатыньким» прожить еще столько же. И, без проволочек, отправились в лес. Опалева оставили топить баню и колдовать у газовой плиты и шашлычницы.

Перед этой охотой Николай Дмитрич Найду не кормил больше суток. Так поступают не только с гончаками, но и с борзыми, и лайками. Теперь собака на коротком поводке спокойно бежала у ноги хозяина. А тот, успешно освоивший науку «травить зайцев с гончей», сегодня «дирижировал» и звероловами, и собакой. Да так славно, что даже советы Берендеева не требовались. Перво-наперво Горбатенко «прочитал» генералу и машинисту короткую «лекцию» о прелестях предстоящей забавы; нарисовал картину, как Найда найдет, поднимет и погонит беляка; как она многоголоса, будто церковный хор, «залъется» и «запричитает» при этом... Углубившись порядочно в дебри, Кусякий снял с собаки ошейник и она тут же исчезла с глаз людей. Не успели наши звероловы пройти и сотни шагов, а распорядитель охоты несколько раз прокричать: «Ух, подбери, подбери, подбери его... Ах, буди, буди, буди его...», как Найда лаем «сообщила», что нашла свежий след зверя. Хорошо зная лес, примерно представляя, где побежит длинноухий, Николай Дмитрич быстро расставил своих приятелей на лазы. А тем временем собака уже спутнула косога с лежки и погнала. Лес ожил, огласился лаем, визгом, рыданиями, детскими вскриками. Как будто зайчишку преследовала не одна Найда, а свора злобных псов. Продолжалась эта какофония около часа. Беляк сделал один круг, другой, а на третьем «вышел» на лаз Берендеева. Слева от него прозвучал еще выстрел — это «взял» другого зайца Пырьев. Когда Найда преследовала гонного зверька, на ее пути оказался еще один, который и выскочил на машиниста. Сверхудачная охота!

Пережевав мощными челюстями-жерновами и проглотив пазанки двух зверьков, голодная Найда вновь исчезла в лесу. И снова сама нашла косога.

И снова над лесом звучал залиvistый оркестр: флейта, гобой, барабан, скрипка. На этот раз беляк попал на мушку Николая Дмитрича...

Когда наши охотники подошли к удачливому стрелку и сюда же подбежала Найда за своими пазанками, главный милиционер дороги с вымученным смешком сказал:

— Что же это такое, господа-охотники, твориться... Я — генерал, а... без трофея... Непорядок, сержант Горбатенко...

— Сейчас восстановим справедливость, товарищ генерал, — одевая ошейник на Найду, виновато улыбнулся Николай Дмитрич. — Соберем со всей округи зайцев,

построим их в две шеренги и прикажем скакать на ваш лаз... А не то... спустим с них шкуру...

Кусакий, когда требовалось, умел и шутить. Покончив с бутербродами и запив их чаем из термосов, охотники зашагали еще глубже в лес. Николай Дмитрич повел своих гостей на самый-самый «зверовой» участок — к широкому, густо заросшему кустами, оврагу, переходящему в болотистый распадок, из-за которого и была раздвоена железная дорога. За оврагом, с левой руки, начинался косогор, а справа, в полукилометре, блестели рельсы. Пространство между косогором и железнодорожным полотном было как на ладони. Вот на этот косогор и расставил охотников Горбатенко. Лаз генерала, как и положено, был в центре. И спустил с поводка Найду.

Собаке, видимо, пришлось пробежать по оврагу и распадку не один километр — долго молчала. Когда же заголосила — запричитали (подняла зверька с лежки) мужики на своих номерах взвели курки ружей, затаились, напряглись. А вот появился и долгожданный беляк. Вел он себя спокойно, даже вальяжно — не торопился «рвать когти», делал «скидки» (двухметровые прыжки в сторону), упоминавшиеся мной «двойки» и «тройки» (пробежки в сторону собаки по своим следам). Как будто не понимал из-за чего за спиной у него нервничает и беснуется гончая.

Всему бывает конец. Из распадка вырывается разгоряченная своим голосом Найда. Ею управляет «верхнее» чутье. Она на махах идет прямо на зайца. Увидев его, собака захлебнулась злобой, визгом; серым пластом растелилась на белом снегу и вихрем полетела за зверьком. Но какой бы паратой (быстрой, ловкой) ни была собака, зайца ей не догнать и не схватить. Охотники каждый на своем лазу надеялись, что Найда беляка «нагонит» именно на него. А тот, будто игрушечный, ловко маневрируя среди кустов и кочек, скачет и скачет между косогором и невысокой насыпью. Все так же недоступный ни для собаки, ни для выстрела. И тут, неожиданно для людей, зайца и преследующей с разрывающим душу воплем Найды, появляется грузовой поезд. Он утробно сигналил и мчит со скоростью пикирующего стрижа. По логике зверек должен был напугаться грохочущего монстра, изменить направление бега, броситься в сторону косогора... Но этого не произошло. Вопреки здравому смыслу и чувству самосохранения, беляк метнулся туда, где трясась земля под тяжелогруженными вагонами, жутко гудело и громыхало. И в полуметре передних колес электровоза благополучно перескочил рельсы...

В этот миг собака была в десяти прыжках от поезда. И она, как будто не слышала леденящих сердце гудков локомотива, не видела надвигающуюся громадину, не почувствовала отвратительный запах горелого машинного масла, не изменила курс и скорость бега-полета, не затормозила, не остановилась на границе смертельной опасности.

— Стой, Найда! Назад, Найда, — осевшим голосом прокричал Николай Дмитрич.

А потом дважды простонал:

— Най-да! Най-да-а-а...

И крик, и стон человека потонули в грохоте металла. Собака, гонимая неистребимым запахом зверька, совершила эти последние прыжки и нырнула под уничтожающие все живое блестящие вагонные колеса...

Генерал с «юбилейной» охоты привез двух зайцев. Свою добычу ему отдали Николай Дмитриевич и Берендеев. А вот «праздничный ужин» больше походил на поминки. И жаркая баня, и ледяная водка, и ароматнейшие шашлыки, сотворенные Опалевым из молодого барашка, подняли, естественно, гостям настроение. А сам хозяин был «как в воду опущенный». Он вместе со всеми ел и пил, слушал здравицы и соленые шутки в свой адрес, благодарил за добрые слова — но все это делал как-то вяло. Как будто он был в компании и в то же время где-то отсутствовал. Глядя в его жалкое лицо и пустые глаза, готовые вот-вот заплакать, радость в сердцах сотрапезников была не полной.

— Да не журись ты так, Митрич... Эка потеря — собака... Еще не одного гончака заведешь и вырастишь, — успокаивал подобревший от еды и водки генерал. — И будут они не хуже Найды...

Но гончаков Николай Горбатенко больше не держал. Много лет во дворе у него жила кавказская овчарка — трехпудовый лохматый и черный, как декабрьская ночь, кобель Дружок. Сверхзлобная и коварная тварь. С хриплым голосом и налитыми кровью глазами. А когда Дружок от постоянной жизни на цепи взбесился и немного покусал ветерана-путейца, зашедшего к Горбатенко перехватить до пенсии сотню-другую, Кусакий кавказца без сожаления застрелил. И больше у него не было никаких собак. Найду же, ее музыкальный голос, природный охотничий дар, ее «верхнее» чутье, вспоминал всю оставшуюся жизнь... На зайцев с ружьем он больше не ходил. Но продолжал «уважать» зверьков. Каждую зиму, как и пять лет назад, в пору заячьего мора, на «ферму» завозил соль-лизунец, в большом количестве рубил молодые ивы и осинки, «патрулировал» и «заворачивал» из межпутья городских охотников...

г. Челябинск

Валерий Кузнецов

Дорога

Я на дорогу трачу два часа —
Миасс—Челябинск и без канители
Ныряю в ночь, как в темные леса;
Садись в машину, брат, садись и полетели...

Век двадцать первый, ты большой шутник,
Неправедно тасующий колоду;
Сейчас в санях бы — пусть за воротник
Снежинки падали и превращались в воду.

Но словно вехи — сотнями подряд
Плакат в плакат, и мысль во мне двоится —
Сейчас с плакатов этих позвонят
Или попросят с ними созвониться...

Как под водой дорога голуба,
Шершав язык рекламного агентства.
Нет, нет, эпоха, ты не так глупа,
И для тебя мы — транспортное средство.

Тебя узнал я, встречный. Ну а ты?
Не одного ли мы с тобой колена...
Но трубный гул летит из темноты,
И выхлоп сушит мертвые цветы,
И крутит лист из полиэтилена...

Кризис жив

Кризис жив, но есть в самом высоком,
В замысле заметное едва,
Что-то от всевидящего ока,
Что-то от природы ведовства.

И тогда, по правилу сложенья,
По строке закона и рожна,
Обретает сердце убежденье,
Что кому-то лирика нужна.

Временем насытится — и снова
Ждет невоплощенного опять.
Царство как-то отдал я за слово —
За другое нечего отдать...

* * *

...Рукописи не горят...

М. Булгаков

Привалило творческое счастье,
И теперь бездействию — каюк...
Остаются шрамы на запястьях
От пожатий дружественных рук.

Не лечу фанерой над Пари жжем
И готов показывать клыки,
Заживают лучше, чем на рыжем
На душе и теле синяки.

Свистнул рак по щучьему веленью,
И, вражина, больше не свистит.
Плохо продается вдохновенье —
Хуже только рукопись горит...

Кастанеда

*...Мы — ничто по сравнению
с этими силами...*

К. Кастанеда

Давно весь мир на атомы разъял
Сам Кастанеда — повелитель дури,
Но тайный смысл доходчивей не стал,
И мой наив все также правит бал
В моей почти языческой натуре.

Хитро как повязали шельмецы:
Без демонов ни шагу по полянке;
Бесовский мир там смотрит из поганки,
О чем не наши ведали отцы.

Промыв укроп и выровняв концы,
И никому не делая подянки,
Жена солит на зиму огурцы
И вместе с джинами закатывает в банки...

Агава

*...В жизни только раз
цветет агав.*

Г. Суздалев

Триста лет лелея это право,
Соблюдая джунглевый закон,
Может быть, распустится агав
На одном из маминых окон.

Тайну жизни прячешь ты в щетину,
Но однажды выдуришь — и в срок...
Все равно я выдумал причину
Оборвать твой дерзкий хохолок.

Кактус мексиканский, я украдкой
Цвет сорву и сок пушу тебе...
В жизни будет меньше на загадку —
Их и так достаточно в судьбе.

Твоего внезапного цветенья
Жду с ножом, как сумеречный тать.
Зацветай, проклятое растенье,
Я устал надеяться и ждать...

Рыбалка

Один залив, другой залив до Волги
Одела осень воду в камуфляж;
Огонь чуть жив, но хлеб и дух отволгли.
И берег пуст. Соседний пуст и наш.

Вот чешет катер. Слава браконьерам!
В нем местный «бич» — под задницею снасть;
Сегодня он сомнительным примером
Не даст мне от уныния пропасть.

Друг-другу мы — Онегину — Печорин?
Не сват, не брат, не пара сапогу...
Но ловим мы на горсть каких-то зерен
И жжем костер на желтом берегу.

Над нами лайнер ангелом в тумане,
И я п од ним, как вензель на платке,
С разряженным мобильником в кармане
И с пластиковой удочкой в руке...

Моцарт

Среди других ненужных мне вещей
Я телефон кладу среди бумаг.
И в нем живет сам Вольфганг Амодей.
Маэстро Моцарт — тот, который маг.

И даже в день, когда хватает сил,
И в тот, другой, что горек, как минадль,
Он по звонку включает клавесин
И нежно жмет волшебную педаль.

И крепко держит ласковая сеть,
И в языке слова горят опять.
Играет он. И хочется мне петь.
И я молчу — положено молчать...

Гром

Бабочек бесшумное порхание,
Облаков бескрылое парение,
Солнце золотое полыхание,
В вазе ежевичное варение.

У природы час отдохновения,
Гром перекатился в отдалении,
То ли по кому-то сожаление,
То ли вдох народонаселения.

То ли зародилось где-то мщение,
То ли где-то умерло желание,
Получить за что-нибудь прощение,
В веке поголовного стяжания.

Может это знак про то послание,
Что полюбишь паче вдохновения.
Может, это притча про желания,
Может, это правда про uspение...

Летчик Нестеров

*...Преодолеть
пространство и простор...*

Гимн авиаторов

Турель грохочет, пули жгут перкаль,
Багровый «Фоккер» целится в упор...
Но русский ас ушел на вертикаль,
Преодолев пространство и простор.

Барон Кирхгофен графа де Плеси
Догнал и сбил. Но в кодексе проран.
И Бог дуэли здесь, на небеси,
Имеет честь и званье — капитан...

Сага о продуктовой корзине

В сад «Любитель» уходит дорога,
А другая уходит в «Рассвет»,
И вот этой стези, для народа,
Ничего прогрессивнее нет.

В затрапезных штанах и беретах,
Отдохнув и умаявшись в дым,
Как язычник своим оберегам
Бьет поклоны он грядам своим.

Словно сало растит в шоколаде,
Тем статистику бодрую зля,
Продуктовой корзины не ради,
А, единственно, крепости для...

Руна

Выпала мне руна —
Словно знак Нептуна.
А к чему удача
Знак не говорит.
Бросил ее в воздух
Маг из Камеруна,
А она как птица
В воздухе парит.

Мне колдун — кагора,
Сам из мухомора
Выпил злого зелья,
Ядом закусил...
— Жребий твой не скоро,
Ты хотел простора.
Следуй и не сетуй,
Как ты сам просил.

Что ж ты, Калевала,
Мне наколдовала?
Мельницу желаний,
Счастье на века?
Рубанул наотмашь —
Руна не упала.
Все-таки, чужая —
Пусть висит пока...

Проповедь

... Се человек...

Ев. от Марка

Он Иордан восславил, вроде, сам,
Войдя в него, как будто бы, по пояс.
— Се человек! — И голубь, как удвоюсь,
Задел его по влажным волосам
И турманом вознесся к небесам,
О вящей славе, видно, беспокоясь.

А бродом шумно шли себе быки,
И овцы задевали за тенета.
— В нем что-то есть! — сказали рыбаки.
Как будто вход в какие-то ворота.
Скажи, мужик, а будет ли работа
Помимо той, что дергать поплавки?

— Да, выход есть... — Но привкусом своим
Похлебки запах властно звал к обеду.
Он так похож на тот священный дым,
И вкус ухи почти что уловим,
И в заводах размножился налим,
Что мало вдохновляет на беседу...

Клен

Клен канадский, резной шевелюрой
Ты погост наш украсил зело.
И какую такой увертюрой
На Урал тебя, друг, занесло?

Ну, какой ты, приятель, уралец?
Рыжей хной позолоченный перс.
Как на образе поднятый палец,
Про который сказали бы: перст...

г. Миасс

Поминки

(быль)

Баба Нюра открыла дверь и, медленно перешагнув через порог, вошла в дом. Белый холодный пар, опередив её, ворвался клубом и тут же растаял в тепле натопленной комнаты.

— Здорово, кума! Как живешь-поживаешь? — громко спросила она, разматывая конец шали, туго обернутый вокруг шеи.

В комнате никого не было. Она, крихтя, расстегнула «молнию» на пуховом китайском пальто, подаренном одной из дочерей. Затем медленно стянула его, вывернув узкие рукава, и бросила на скамейку. Встряхнув шаль, покрытую капельками растаявшего снега, положила сверху.

Мария, хозяйка дома, отдернув занавеску, выглянула из кухни и, кивнув головой, указала на табурет:

— Садись, Аннушка. Я щас.

Прогремев посудой, она снова появилась в дверном проеме, вытирая руки фартуком, который давно уже потерял первоначанный цвет, но служил ещё хозяйке верой и правдой.

— Живу вот, — хлеб жую, да квасом запиваю!

Морщинки, лучиками расходившиеся из уголков глаз, совсем не старили Марию, а придавали солидный и, одновременно, добродушный вид. Прямая осанка, крепкие развернутые плечи. Только руки с крупными ладонями и узловатыми пальцами выдают возраст. Несмотря на годы, походка у Марии плавная и легкая, хотя и ноги мозжат по ночам, и спина беспокоит. Всегда прибранная, аккуратная, с приветливой улыбкой на лице, Мария выглядит намного моложе своих лет и этим вызывает у некоторых своих ровесниц обыкновенную бабью зависть и неприязнь.

— Иль не видишь, жива ещё, слава Богу! Вот картошку поросенку сварила. Да такая хорошая, хоть сама ешь. Слышь, какой дух аппетитный?

— А чего? Я не брезгую. Картошечка в мундирах, она того, полезная для сердца, — согласилась баба Нюра. Внешне она полная противоположность Марии: высокая, худощавая. Сутулая, уже чуть сторбленная спина, опущенная голова с маленькими глазками-буравчиками из-под тяжёлых надбровных дуг, придают ей вид неприветливого, малообщительного человека. А на самом деле, нрава она весёлого и неунывающего.

Любит в горькие минуты посмеяться и над собой, и над теми, кто попадётся под руку. А вот шутки у неё злые, с поддёвкой. И бабы знают: не дай Бог попасть в немилость к Нюрке, — затюкает, до слёз доведёт.

— Ну, рассказывай, подруга, какие новости принесла? А то я уж дён пять из дому не выхожу. Приболела. Хлеб вот, кончился. Чай утром пила с сухарями. А поросёнок-то, он ведь, как дитя малое, есть просит. Чаем не накормишь. Так что, хвораи — не хвораи, а варить да кормить его, окаянного, надо.

Баба Нюра крихтя, достала из клеёнчатой сумки с ручкой, перевязанной синей изолентой, круглую булку хлеба и положила на стол перед Марией.

— А я как раз в магазине была. Взяла вот две, как знала, — сказала она, опускаясь на лавку, и вздохнув, продолжила:

— Да, какие новости? — Верка вот померла. Слыхала, поди?

— Кака Верка?

— Да, кака-кака? Подружка твоя бывшая, что за Васькой тетки Марфухи была.

— Да когда же это она? — всплеснула руками Мария. — Я её недавно видела на почте. Она посылку дочке отправляла. В Мурманск. Ещё мне название лекарства своего обещала принести, какое ей дочка-то прислала. От него, говорит, ноги у ей полегчали, ночью не болят тепер...

— Да уж, теперь точно, ниче у ней не болит, — вздохнула баба Нюра. — Отмучилась, родимая.

— Она ж и не болела, вроде, — задумчиво протянула Мария, приподняв удивленно плечи. Потом присела к столу, положила руки, разглядывая их, как будто в первый раз видела, умиротворённо сказала: — А чё ей не помирать? — Гроб-то у ей давно уж припасен. Ищё када она с Васькой жила. Ой, и мастеровой мужик был! И крышу на доме перекрыл, и ограду поставил. Ворота, вон каки, — высокие, да с навесом. За что не возьметса, бывало, все у него в руках играло.

Баба Нюра, поерзав на лавке, уселась поудобнее, приготовившись к долгому разговору. Она привычно сцепила пальцы на животе и вытянула ноги, обутые в старые подшитые валенки, на которых уже выступили темные пятна растаявшего снега. Потом откинулась спиной на стену и, пошарив глазами по стенам комнаты, согласилась:

— Да-а-а! — Он еще ей бухвет сделал. Не бухвет, а памятник. Мы с Танькой Першевой смотреть ходили. Ой, и красивый! Глаз не оторвать! Ты-то видала?

— Ну, а как же? Я и гроб видала, какой он ей сделал. К дню рождения, как раз подгадал. А ей тогда еще только полтинник стукнул, с хвостиком.

— А хвостик-то длинноватый, однако, был. Лет семь прибавь, не ошибешься! — съехидничала баба Нюра.

— Прибавляй-не прибавляй, а заботливый был мужик. Хоро-о-ший гроб смастерил! Большой такой, глубокий.

Ложись и лежи, как барыня, — с завистью в голосе сказала Мария. — Видать, любил шибко!

— Люби-и-л?-хмыкнула баба Нюра. — Любил как душу, да лупил, как грушу! — Забыла? Бывало, нагваздат ей под оба глаза, кулаки-то знатные у него были, а Верка потом до самого носа укутана ходит. Синяки прячет. И все ведь мимо шастануть норовит. Как мышь полевая!

Подумав немного, она со злорадством в голосе, добавила:

— А то мы не знаем, что сама скребла на свой хребет! Неча бало с чужими мужиками вожжаться!

Мария возмутилась:

— Да, че ты, Нюськ, напраслину возводишь? Сроду она не гуляла. Вон кака, серьезная, да гордая была. По улице идет, бывало, нос воротит, да здороваается через губу. Как же, нужны ей наши мужики! Она ими брезговала. Больно, говорит, вонючи, да оборваны. Итикету не понимают. Сморкаются прямо под ноги, а пальцы — об штанину. Она и за Ваську-то вышла, что он сроду слова матерного не сказал прилюдно. Обходительный был, вежливый.

— Ве-ежливый! — передразнила баба Нюра. — Кабель! Котяра блудливый! Забыла, что ли, как он с Петькиной бабой гулял после войны? Она и парня-то от него родила, больше не от кого!

— Ну ты скажешь, не от кого! А мужик-то у ей для чего был?

— Да, Петька-то с войны без ноги пришел и с первого дня пить взялся, как очумелый.

Мария засмеялась:

— Ой, Нюра! Жизнь прожила, а того не знаешь, что ноги-то в этом деле — не самое главное! У них деток-то трое еще народилось потом.

Баба Нюра, сощуриив и без того махонькие глазки, собрав все свое морщинистое, как печеное яблоко личико к длинному хрящеватому носу, протестующее громко воскликнула:

— Ну, не знала бы, так и не говорила бы! Верь слову — Верка погуливала! А мне не веришь, хоть у баб наших спроси!

— Да брось ты, Нюрка, языком зря молоть! — отмахнулась опять Мария. — Не было этого, не брещи понапрасну. Вот те крест, — не гуляла она! — И Мария перекрестилась на большую потемневшую икону.

Баба Нюра настырно не соглашалась:

— А ты-то почему знаешь? Не гуля-а-ла! Свечку, что ль держала? Аль исповедалась она те перед смертью? Так, я те, подруга, вот че скажу. Уж не хотела я, видит Бог. А теперь, не буду боле молчать! — и выдержав паузу, выдохнула: — Она, ить, и с твоим Федором крутила. А поди-ка, утай шило в мешке! Видала я их вместе, да не раз! Они, бесстыжие, прямо днем канитель крутили. Ишшо, када ты в районной больнице лежала с младшенькой. И бабы их у речки видали, там, где трактор-то увяз весной, помнишь?

— Ну, Нюрка, не боишься ты бога! — всплеснула Мария руками. — Поди, проверь теперь. Да и када это было? Феденьки моего уж двенадцать лет, как нету, а Верка, вот, тоже померла, говоришь. Да и знала бы я, кабы он гулял от меня. Бабье сердце не обманешь. Не было этого, не ври! Это ты от зависти наговариваешь. Я ить помню, как ты смотрела на него в девках. Да на свадьбе нашей белугой в сених ревела. И-и-их! Все не успокоишься, что не тебя он взял замуж!

— О-о-о! А ну, еще чё скажешь? — нацелила баба Нюра свои буравчики. — Вспомнила, дура старая! Да я, если хочешь знать, свое-то урвала! Еще до вашей свадьбы!

Ох, и сладко погуляли мы с Федькой! — мечтательно вздохнула она и, уже спокойно, примирительным тоном продолжила: — А ведь он ко мне сперва сватался. Это батька мой виноват, не отдал за него. Позарился на Кузьминское добро. Они, Кузьмины-то, почитай, самое справное хозяйство имели. А Федька твой голодранец был, ни кола, ни двора. Все по собраниям шастал. А уж ревела-то я, по-настоящему, када просвтали меня Кузьмины, а отец не посмотрел, что мне и шестнадцати не было, — отдал. Да ещё выпорол за Федьку!

Помолчав, со злостью в голосе добавила:

— А потом уж муженек изгалялся всю жизнь надо мной. Он на пятнадцать лет старше был. Я первого своего парнишку только на третий год родила. А так, все скидывала. Он, как напьется, бил меня смертным боем. Да все по животу старался, изверг. До самой смерти не мог простить, что не любила его.

Она вытерла концом платка отсыревшие глаза и замолчала.

— Ну, а ты-то что? Теперь-то простила его?

Баба Нюра подняла голову и уставилась куда-то в угол. Вздохнула:

— А чего уж теперь? Простила... Мужики-то, они — народ слабый, обидчивый. Не забывают, коль самый хороший кусок мимо носа пронесут. Вот и бесятся потом всю жизнь, да на бабах злость свою срывают. — Перевела печальные глаза на Марию и махнула рукой: — Чё теперь вспоминать? Жизнь-то прошла. — И, помолчав, добавила: — А Бог-то все видит! Мужика моего рано прибрал, значит, было за что!

— Его-то прибрал. А тебе одной сколь ртов пришлось кормить?

— Да уж, никто не позавидовал. Пять их у меня осталось. Слава Богу! Всех подняла, всех вырастила. А ты что, жалеешь меня?

— А как не жалеть? Мне всех наших баб жалко.

— А ты лучше себя пожалей. Тоже ведь, как сирота, при живых детях.

— А я, Нюра, и себя жалею. Так жалею, что спать не могу. Ночи-то, ой, каки длинные теперь стали! А кто нас с тобой ещё пожалеет?

В комнате повисла тишина, в которой только мерно тикали старые настенные часы, да слышно было, как где-то в конце улицы отчаянно лаяла чья-то собака.

— О-о-х! — вздохнула баба Нюра. — Вот и Верка померла-а-а... Это ить лет на шесть она Ваську-то свово пережила?

— А че не пережить? — мирно ответила Мария. — Он ей все хозяйство в справности оставил. Дом, как игрушка. Коровки — обе молокоастые. Она, почитай, больше всех сметаны да масла в город возила. Зягтя-то, вон каки стога намечтывают каждое лето. Самые большие в деревне. И покос у них богатый. Дочка старшая не зря в сельсовете сидела столько лет. И с трактористом договорится, и с машиной у их проблем не бывает. Муж-то у ей — шофер. И чё не жить, када детки рядом. И по хозяйству помогут, и воды принесут, када занеможется. Это я одна, как перст, при живых детях. Девки мои замуж повыходили, так и поминай, как звали! Только в отпуск и навещаются. А так,

не дождёшься. Был бы сыночек жив, я бы уж и невестку любую стерпела. И внуков бы нянчила. Лишь бы рядом были.

Вздохнула:

— Го-о-род! Медом им там, что ли, намазано? Вот, помру, домишко-то мой продадут, поди. Расфyrкают денежки на всякую ерунду. Мебель им подавай, машины, санатории. Да еще моду взяли — за границу ездить. Ну, вот скажи ты мне Нюр, че они там не видали, в загранице этой?

— Да, молодые! Мир охота посмотреть, себя показать.

— Да че смотреть там? — отмахнулась Мария. — Ты сама-то в телик глядишь? Они там все худые, как щепы для растопки. Что сзади, что спереди — обглоданные кости, что мой Тарзан за будкой прячет.

— А наши-то буренки? Как тесто с опары! Жми-не жми, а все равно выпирает!

— А еще моду завели, в штаны телеса-то запихивать! Ну, ладно Наталка, внучка! Она как стригунок еще, тоненькая да длинная, на парнишку фигурой похожа. А штаны-то эти узкие, мужичьи. Жинцы, каки-то... Обтянут зад, аж смотреть срамотно! Тьфу, заразы! Я им говорю: «Сымите, бесстыжие!» А они мне: «Ничего ты, маманя, не понимаешь!» А че тут понимать, скажи мне, Нюр? Я уж думаю: мужик-то нынче квелый пошел. Пиво дуют, как бычки. А от него, сама знашь, слабость одна. Что в ногах, что в голове... Вот девки-то, шалавы, и выставляются, чтоб раззадорить! Детей, и то нарожать не могут, как следует. Чуть что — в больницу. Высигивают, как наседки.

— Не высигивают, а вынашивают, — поправила баба Нюра.

— Да какая разница? — с досадой махнула Мария. — Вынашивают! А их ище потом и режут. Как будто забыли, как по природному рожать надо! Или уж че в организмах у них поменялось да расстроилось? Я вот слыхала... Слово, како-то мудреное... Забыла...

Она свела брови к переносице и по слогам выговорила:

— Мун-тан-ция какая-то, говорят, происходит. И голова, говорят, скоро как тыква будет у людей, большая. Потому, видать, что работают мало, а думают много. Некоторые учатся всю жизнь. Сосед вот мой, Иван Андреич, одних газет целую прорву выписывает. Светка-почтальонша живот надорвала сумкой своей. Ить, каждый день полнехоньку несет. Аж назад прогибается. А сноха у него в институте учится. Все посылки с почты таскает Я думала, может, чего доброе. А она эти книги выписывает из Москвы. Мало ей книг в библиотеке нашей! И когда только люди читать успевают? У всех ведь хозяйство... Да и вредно, поди, учиться всю жизнь?

— Ну, учиться и нам с тобой не вредно. С умным человеком поговоришь, как водицы целительной попьёшь, и сам умнее станешь. Даже телевизор смотреть не надо! Умный-то все тебе расскажет, да объяснит. Вон, как выборы-то объявили, сколько эти кандидаты наобещали всего! Аж, голова кругом пошла! За кого голосовать? Поди, разберись! А мне учительша наша, Татьяна Семёновна, говорит: «Кому сердцем веришь, за того и голосуй!» Како тут сердце? Головой-то ничё не надумаешь, а тут — сердцем. Так опять же, как им не верить? Такие слова правильные говорят. Послушаешь, ну, прямо все беды мои рукой разведут! Только голосуй! А как пройдут выборы, так ищи-свищи их, кандидатов этих. Ты вот, хоть одного видала после выборов, а, Нюр?

— Ну, да! У нас дорога-то еще при царе Горохе насыпана. И не дорога уж, а одно название осталось. А ремонт-то сколь раз сделать обещали? Они на своих машинах сроду сюда не доедут! Один попробовал позапрошлым годом, помнишь? Трактором вытаскивали... А дорогу-то новую обещали. И автобус пустить до райцентра. Ни в больницу съездить, ни лекарства нужные купить. Вот и думай, как жить...

— А че думать? Живи, как Бог дал. Работай. Детишек рости да землицу люби. Вот и вся дума.

Помолчали опять.

— А руки, говорят, совсем отпадут у людей! — после паузы продолжила Мария. — Всё машины делать будут... Вот для чего ж тогда жить? Скажи ты мне, подруженька? — с болью в голосе спросила она.

— Да-а-а... Сиротинушкой земля скоро станет — поддержала её баба Нюра. — Некому будет сеять, некому пахать. Не хочет молодежь спину гнуть да надрываться. Не хочет на земле жить — запрочитала она.

— Молодые в город едут. Учиться. А как образование получают, так всё — и не жди! Не едут обратно. Брезгают в земле рученьки марать. А ить ты только глянть! Красотищца-то какая! И дуга у нас, и лес, и речка еще не обеднела: и карасик есть, и окунек. Щучками сосед вот, балует. А я не отказываюсь. Люблю ущицу! А картошка у нас кака родится? Ну, прямо загляденье! И ровненькая, и крупненькая. А сварить, так она развалится, разнежится на тарелке. Только масличком полей, да кропчиком зелененьким сверху посыпь. Да с хлебушком свежим...

— А я, грешным делом, с огурчиком малосольным уважаю, да со сметанкой, — мечтательно пропела Мария. — А ежели рюмочку налить, так и сольцо не лишним будет... Люблю тоненько порезанное, с морозца...

— Не-е., — возразила баба Нюра. — Я толстое люблю, с прошвой розовой. Да када оно с чесночком посолено, да с перчиком красным...

Мария вздохнула: — Феденька мой такое любил. Перед смертью просил: «Дай, — крик, — Маруся, мне рюмашечку со скибочкой черного хлебца. Да сольца потоньше порежь. И лучку сверху положи».

— Уважила, поди? Дала?

— Да я и рада бы... Да, какое там, — Мария безнадежно махнула. — Он уж ниче есть не мог, не принимало нутро. Поставлю тарелку перед ним, а он посмотрит и заплачет. «Убери, — говорит. — Сами ешьте, пока можете...» Уж так он боled, сердечный, аж высох весь. Как помер, я его сама, на своих рученьках, в гроб-то отнесла. Словно ребеночка малого. И не тяжело мне было. — Мария всхлинула.

— Конечно... Болезнь-то, она, никого не красит. Уж так причешет, что мать родная не признает.

— А давай-ка мы с тобой, Нюра, помянем Федора моего. Да и Верку заодно!

Мария встала, мгновение постояла задумчиво у стола. Потом выпрямила спину и медленно, шаркая по полу тапочками, двинулась к печке... Неторопливыми, размеренными движениями собрала на стол. Квашеная капуста, соленые пупырчатые огурчики, с крапинками укропа, бело-желтые груздошки, один к одному. На округлой дощечке, выщербленной в середке ножом — нарезала тонкими пластиками сало, предварительно соскребя налипшие крупинки соли. Прижав к груди круглую булку, Мария привычным движением распластала её на большие ноздреватые ломти. По деревенской привычке, согнув ладошки лодочкой, собрала со стола крошки и стряхнула в посудину под столом. Скрипнув дверцей платяного шкафа, осторожно опустилась на колени и, пошарив где-то внизу, под пропахшей нафталином одеждой, вытащила литровую банку с тёмной, тягучей жидкостью. Плеснув в стеклянные граненые рюмки, указательным пальцем провела по раю горловины банки и слизнула сладкие капли.

— Ой, хороша наливочка! — причмокнула она губами. — Уж, почитай, года четыре стоит. Малины в тот год много уродилось. Я и варенья наварила. В город девкам отправила. Витамины. И наливочку поставила. Вот осталась ещё баночка. А то, мои-то, как приедут летом, в баньке намоются, а потом за стол. Зятек уважает наливочку.

— Да он у тебя не только наливочку уважает!

— Что верно, то верно! Любит выпить. Ну, так, не каждый же день. И то, в отпуске-то чего не погулять? Здоровьюшком бог не обидел. Вот и позволяет себе. А дочка не обижается. Пусть, говорит, расслабится. Больно работа у него нервная.

— Чё это она у него нервная?

— Сантехником работает в ЖЭКе. Ни днем, ни ночью покоя нет. То краны чинит в квартирах, то в подвале по колено в дерьме трубы меняет. Говорит, что он — инженер человеческой жизни! От него зависит, како настроение будет у людей. А если у тебя над головой вода капает с потолка, или из раковины бежит, тут уж не жизнь. Ну, Бог с ним! Айда, Анна Федотовна! Садись к столу-то. Помянем усопших рабов Фёдора и Веру.

Она задумалась. — Как её по отцу-то?

— Петром отца у ей звали. Я помню.

— Ну, давай Анна Федоровна, помянем Феденьку моего.

Помянули.

— А теперь, рабу божию, Веру Петровну. Царство ей небесное и вечная память.

Помянули и подружку. Было им кого помянуть и за кого выпить.

Уж почти все, с кем они росли, дружили, кого любили и не любили когда-то, ушли из этого мира. Кто — тихо, незаметно. Кто — долго, мучительно, отдав последние силы привязавшейся хвори. А кому-то повезло: не болели, не лежали в кровати, не обременяли родных лишней заботой. А как-то так, на ходу — между печкой и столом, или, еще лучше, — во сне. Лег спать, да и не проснулся. Уж, чего ещё лучше и желать?

Зарделись щеки, расправились морщинки, заблестели глаза у подружек, то ли от вина, то ли от слез, то ли просто от теплой беседы. Давно они так не сживали, не вели душевные да приятные разговоры. О детях, редко навещавших своих стареющих матерей. О скотине, заботы о которой скрашивали одиночество. О болезнях. Слава Богу, их-то много! Так что, есть о чем посудачить да на что пожаловаться друг дружке.

Уж и сумерки подкрались к окошку, занавешенному коротенькой тюлевой шторкой, а они и не думают расходиться. Как-то сама собой затянулась песня. Давняя, почти забытая. Та ещё, из молодости, улетевшей далеко-далеко лёгкой белокрылой птицей. Мария поёт высоко. Голос, ослаб, но все еще чистый и приятный для слуха. Она выводит мелодию, а Нюра вторит, более низким, ставшим от возраста глухим и хрипловатым. И кажется им, что все так же хорошо они поют, как когда-то в юности.

— А помнишь, Мария, как мы выступали на смотре самодеятельности? Я тогда платье себе у Клавдии-портнихи из Ключевки сшила. Мне премию как раз дали. Крепдышин-то, помнишь, вместе брали в магазине? Синенький такой с колокольчиками...

— Это где? В районе, что ли? Так, это когда было?

— Когда-никогда, а грамоту заработали. Она в клубе сколь лет висела!

— А помнишь, председатель меня в щечку поцеловал? — захихикала, как девчонка, Мария. — Он тогда молоденький был, да стыдливый, как молодка. Мы с девками на ферме, бывало, как начнем над им подтрунивать, да глазки строить. А он, покраснеет, засмущается. Да и забудет, зачем приходил. А мы потом хохочем... Вот дуры-то были!

— Поцелова-а-л! Ключнул, как гусь! Поцелов-а-а-л. Помер он давно.

— Это уж сколь лет-то прошло с тех пор? Не помнишь?

— А че вспоминать? Вспоминай-не споминай, а не вернешь уже!

Со двора послышался редкий ленивый лай Тарзана. В окне, подернутом морозной росписью, мелькнула голова. Кто-то пошаркал ногами по крыльцу, потом постучал ими о дверной косяк, отряхивая снег. Дверь распахнулась, и в клубах пара возникло лицо. Синие прищуренные глаза весело оглядели комнату, накрытый стол с ополовиненной литровой банкой и раскрасневшихся женщин.

— Да, я прямо к столу поспела! Ну, здравствуйте, подруженьки! А чё это вы тут веселитесь в будний-то день?

Подруженьки замерли, оборвав песню на полуслове. Баба Нюра сидит с открытым беззубым ртом и ошарашенно хлопает редкими ресницами. Мария, втянув голову в плечи, замерла, уставясь на вошедшую.

Минута молчания затянулась. Баба Нюра начала икать, так и не закрыв рот.

Мария опустила глаза и стала лихорадочно шарить взглядом по столу. Потом решительно ухватила правой рукой большую деревянную ложку, которой картошку раскладывала по тарелкам и, не говоря ни слова, со всего маху брякнула бабу Нюру по лбу. А сама крепко зажмурила глаза.

А та, от неожиданности, взмахнула руками и, еще громче икнув, опрокинулась на пол. Только мелькнули в воздухе старые растоптанные валенки с подшитыми подошвами. И наступила тишина...

— Девки, да вы че? С ума походили, что ли? — продолжая улыбаться, воскликнула Вера Петровна.

Мария повернула голову к лежащей на полу и не подающей признаков жизни бабе Нюре. Потом молча сползла с табурета и, встав на колени, приложилась ухом к её

груди. Да так и застыла. Вера Петровна обошла стол и с недоумением смотрела сверху вниз. Потом, опомнившись, метнулась к большой эмалированной кастрюле, стоящей на табуретке у входной двери. Звякнув крышкой, почерпнула ковшом холодной воды и шагнула к столу. То ли из-за спешки, то ли из-за полумрака, царившего в избе, она не заметила кошачьей миски, наступила на неё и со всего маху рухнула на пол. Прямо на бабу Нюру и Марию.

И тут, наконец, все очнулись. Вой и крик, который поднялся в доме, слышно было, наверное, на другом конце деревни. Бабки повскакивали, кряхтя и отряхивая воду, ругаясь на чем свет стоит. Откуда и прыть взялась?

— Верка, да ты че? Добить меня хочешь? — возмущённо взвывла баба Нюра, прижав сухонькие ручки ко лбу. — Мало, эта дура старая мне лоб расшибла? Так ты меня раздавить решила. Бурёнка! В тебе весу-то сколь? А? Боле центнера! Не пушинка, поди!

И она, еще раз икнув, стала всхлипывать чаще и чаще, а потом и вовсе разревелась. Плюхнулась на табуретку, уронила голову на руки, согнутые в локтях, и жалостно запричитала.

Слов не разобрать. Только вздрагивают остренькие плечи да седые волосенки, выбившиеся из-под белого платка с веселенькими цветочками.

Мария, охая и сокрушенно вздыхая, присела рядом. С жалостью глядя па Нюру, тоже заплакала. Тоненько и с подвывом. Так, что кошка выгнула спину и, с торчащей дыбом шерстью и с диким мяуканьем, бросилась с лавки к дверям. Проскочив между ног у Веры Петровны, она ткнулась со всего маху в дверь и, отскочив мячиком, взвизгнув, юркнула в дыру у печки. Постояв немного в задумчивости, Вера Петровна вздохнула, придвинула к столу табуретку и присела рядом с подругами. Подперев подбородок кулачком, она тоже заплакала. Так ей стало жалко этих старых, больных и таких, по сути, одиноких женщин.

Сколько они так сидели, всхлипывая да шмыгая распухшими носами, никто не знает. Только совсем уж темно стало в избе, да холодно. Дверь-то приоткрылась, когда кошка в нее шибанула головой. А на дворе — не лето красное, зима.

Наконец, хозяйка встала, утерла покрасневшее от слез лицо фартуком, в него же высморкалась, громко и смачно. Ещё раз шмыгнув носом, подошла к двери, захлопнула. Кряхтя, поправила собранный в гармошку половик. Достав из шкафчика стопку, поставила перед Верой Петровной. Налила, и, подняв свою, проворчала примирительно:

— Ладно, девки, хватит уж хлюпать-то! Чего рассупонились? Неча сырость разводить. Давайте выпьем.

Девки подняли головы. Не глядя друг на друга, привели себя в порядок. Не спеша пригубили наливочки. Потом ещё.

— Да, а вы че тут празднуете? Вы ить, мне так и не сказали, — снова спросила повеселевшая Вера Петровна, с явным удовольствием хрустя соленым огурцом.

— Да так, решили вот Федора помянуть, — пряча глаза, нарочито спокойным голосом ответила баба Нюра.

— А че это вы зимой поминки устроили? Он ить летом помер? Иль путаю я? А, Мария?

— Не путаешь... Как раз на Петровки и помер.

Мария отвела глаза.

— Ну, и каки же поминки вы тут справляете? — допытывалась настырная Вера Петровна.

— Каки, каки? Твои! — выпалила в лоб баба Нюра.

— Ты уж, прости нас, подруга. Бес попутал на старости лет! Наврали, видать, бабы. Сказали, что померла ты. Вот мы и... того. — оправдывалась Мария вежливо-елейным голосом. Вера Петровна, вытаращив глаза, глубоко вдохнула и, поперхнувшись, зашла кашлем. Отдышавшись, она шумно набрала полную грудь воздуха, а потом громко и отчаянно заорала:

— Я-а-а? Померла-а-а? Ну, вы, девки, дае-о-о-те! Померл-а-а-а... Я ж моложе вас на целых три года! А вы меня без очереди, вперед себя пропустили! Ах, вы,

ведьмы старые! Ну, спасибошки, заботливые вы, мои! — встала и нарочито-низко поклонилась в пол.

— Да ты не сердчай, Верка! Мы ж не специально! Что мы, злыдни каки? Живи, нам не жалко!

— Не, ну, вы видали? А? Не жалко им! Ой, спасибо! Век благодарить буду! — она опустила голову и обиженно засопела.

— Ве-е-ер... Ну, правда, не обижайся. Зато, как говорится, долго жить будешь. И гроб новый закажешь. Старый-то, поди уж сопре! — попробовала перевести разговор в шуточное русло баба Нюра. Но попытка не удалась...

Вера подняла голову, свела брови домиком, и ехидно пропела: — Гро-о-б новый? А кому какое дело до моего гроба? Он есть-пить не просит. Стоит себе и никому не мешает. И еще сто лет простоит! Васенька-то доски два года сушил, что б не повело.

— Ну ты че, Нюра? Ну кто тебя за язык-то тянет? — Мария толкнула бабу Нюру в бок. — Ну, зачем ты про гроб-то? — Я ить, знаю, у тебя самой уж лет двадцать, как гроб на подложке болтается.

— Да откуда? — наигранно удивилась Анна Петровна.

— Да, оттуда же, откуда и у меня! Я как узнала, что ты себе гроб заказала у Василия, сразу к нему пошла. Давай, говорю, Василий Степаныч, уважь, делай и мне! И чтоб не хуже был, чем у Нюрки. Об одном прошу, чтоб никто не знал. Вот он мне его вечером, затемно приволок, на крышу помог затянуть. А я уж прикрыла соломкой, да одеялом старым. Никто и не видел. Рублёвку сверху пришлось дать за помощь.

— А сколько ж он с тебя за работу взял? — заинтересованно спросила баба Нюра.

— Четыре пол-литры «Московской.» Деньгами брать не стал. Все равно, крик, Верка забарабастает. А пол-литра, она всегда мужику пригодится.

— Ну, значит, мой гроб лучше! Я пять отдала. Да не «Московской», а «Столичной». А она подороже была!

Мария обиделась: — Чем это твой лучше? Размалевал он его тебе, что ли?

— А, может, и размалевал! Тебе-то что? — вызывающе подбоченилась бабка Нюра.

— Ну-у-у, всё ясно! — Вера Петровна хлопнула руками по коленям и медленно встала из-за стола.

— А я все думала, чего это мужик мой стал выпивать часто? Какая это зараза его потчует? И, главное дело, дома-то не пьет, в гости тоже не ходит, не замечала. Как на пенсию пошел, все в сарае с утра до ночи столярничает. А вечером, как завалится спать, ну, хоть святых выноси! От него разит, как из бочки. Я его ругать, а он морду кривит: — Зубы болят. Водочкой полощу.

— А не выпадут они у тя от водки-то? Ишь, барин выискался! Чо, самогонка для тебя — второй сорт, чтоб зубы полоскать?

— Так это, значит, вы-ы-ы, подруженьки, мужика моего спаивали?

— Ну, нашла крайники! Спаивали! — засмеялась Мария. — Да он, почитай, пол деревни гробами-то снабдил. Все и поили. А то ты не знала? Не тебе одной память-то он оставил. И нам есть, за что добрым словом Василия твоего помянуть!

— Ой, девки, и правда, мастеровой был мужик! Я его всё со своим Кузьмой сравнивала. Куда там? — Небо и земля! — сладким голосом пропела баба Нюра, стараясь сгладить накалившуюся обстановку.

— А мой-то гроб, все равно самый лучший! — хвастливо подытожила Вера Петровна. — Крышку с вензелями мне Васенька сделал.

— С какими еще вензелями? Врешь ты все! — встрепенулась баба Нюра.

— Да че мне врать на старости? Могу показать.

И Вера Петровна уперла руки в бока, гордо выпятив грудь.

— А покажи! Поглядим вензеля твои! — вскочила баба Нюра и в воинственной позе встала напротив.

— Да вы че, старые? Сдурели? Ночь уж на дворе! — попыталась отрезвить распетушившихся старушек Мария.

— Нет, раз не верите, пойдём, покажу! — не унималась Вера Петровна. — Только уж вы на подложку-то, поди, не взлезете.

— Чё это не взлезем? Взлезем. Я там лук сушу каждую осень. Сама корзинок втаскиваю да сымаю. Помоги-то от кого ждать? Не от кого.

— Ну и пошли тогда! Мария, у тебя фонарик есть?

— Какой фонарик? Чтoб свалиться да кости собирать в сенцах? Песок уж сыпется из-под подола, а туда же! Лезьте, дуры старые! А я на тот свет не тороплюсь. Поживу ещё.

— Ну, ладно. Завтра посмотрим, — наконец, согласилась баба Нюра. — Да и домой уж пора. Засиделись мы чего-то...

— Посидите, девки, ещё чуток. Куда вам торопиться? — попросила Мария.

— А и действительно, куда?

Никто возражать не стал. Снова уселись за стол. И пошли разговоры о житье-бытье, о детях, о скотине, о весне, до которой дожить бы ещё...

За окном плыли синие зимние сумерки. Редкий снежок слегка припорошил следы на крыльце. Серо-голубой месяц, одиноко висящий в небе, с любопытством заглядывал в окно сквозь кружевную занавеску и прислушивался к нестройному пению. А старый Тарзан, высунув из будки черную лохматую морду, прикрыв глаза, улыбался чему-то во сне.

г. Коркино

Александр Поповский

* * *

С утра запасаясь терпением.
Даст Бог, наконец, соберусь
И через все заросли с тернием
Я к цели заветной прорвусь.

И будут по ходу движения
Клочки хаотично висеть.
Невольню и вольню растения
Уменьшат мне тело на треть.

Лишь мысли останутся прежними.
А если совсем повезёт,
То — муза ко мне с белоснежным
Платком носовым подойдет.

Улыбкой порадует светлой,
Что сразу захочется жить
И — мир без пожара и пепла.
Почти с кондачка, изменить.

* * *

Всё как всегда — зимуют раки —
Идет невидимый процесс.
Кот с крыши удаляет накипь —
Блюдет интимный интерес.

Погода кажется обычной.
Вагагой, с четырёх сторон,
Весь день, без неприязни личной,
Гоняет ребятня ворон.

Переосмысливаю строки,
А вместе с ними — каждый миг.
И, как сквозь пальцы, руки в боки.
На это смотрит снеговик.

* * *

Не просто цепь событий,
Случайностей набор
Подёргиваньем нитей
Воссоздаёт актёр.

Являя суть вопроса
Простым движеньем рук,
Он — два в одном — философ
И человек-паук.

Застенчивый немного,
Но тут он не причём —
Его талант от бога.
Откуда же ещё?

Монолог

Ты не умеешь с наскока —
Не всемогущий кудесник.
Хочешь мгновенного прока
То — постарайся и тресни.
Или — разбейся в лепёшку
До назначения пенсии.
Но не бросайся на кошку
Чёрную, с кучей претензий.

* * *

На ровном месте угодил в историю.
Что говорить, когда такое было —
Снега облюбовали территорию,
Но видеть это я уже не в силах.

Желанья нет испытывать конечности,
Устал от травм и жизненных комедий.
Лежит судьба на глянцевой поверхности.
Вся из себя — манеры первой леди.

* * *

Готовится главный набег.
Я чувствую запах добычи.
Хрустит по-особому снег,
Гостей выдавая столичных.

Я думал — мы все заодно
В глухих деревнях и столицах.
Но видимо, не суждено
Моим ожиданиям сбыться.

Зачем сотрясать небеса —
Пугать зря живые мишени?
Два яблочка видят глаза.
И нет на раздумья мгновений.

* * *

Е.

Бросаюсь мысленно с моста —
Столкнуться с залежами ила.
И, как ни странно, красота
Меня толкает за перила.

Осталось — в пустоту шагнуть —
Узреть контрасты Тьмы и Света.
Чтоб следом потянулась муть,
Как хвост сгорающей кометы.

Здесь нерешимость не нужна.
Тут, в сущности, необходимо —
Достичь, не размышляя, дна
И воспарить в глазах любимой.

* * *

Согласен — твоя взяла,
Что в мире таком продажном
Предательствам нет числа.
И это — уже не важно.

Не любим ни Крым, ни Рим.
Не ждем, что Господь подскажет.
И ведаем, что творим.
Участвуя в распродаже...

* * *

Скрываюсь от вывертов ветра.
Иду на любые уловки.
Печально — на сто километров
Вокруг ни одной остановки.

Пророчит мне чувство шестое —
Он вряд ли утихнет под утро.
И днём не оставит в покое.
Не степь, а какая-то тундра.

Становятся волосы дыбом,
И сердце трепещет как птица.
Ну, ангел-хранитель, спасибо
Тебе за возможность взбодриться.

* * *

Весь народ у книжной лавки
Взмок от страсти и дождя.
Я распят в безумной давке
Без единого гвоздя.

Будоражат всех сомненья.
А за каменной стеной
Вновь кончаются творенья,
Как всегда передо мной.

Я понуро с белым флагом
На поклон иду к судьбе.
И теряю — шаг за шагом
Уважение к себе.

* * *

Памяти...

В пустой подсобке гну баранки.
Работа кажется непыльной.
Две даты на консервной банке,
Почти как на плите могильной.

Воспринимаю жизнь превратно
И прячу по углам акценты.
Слюною затираю пятна,
Как всё друзья-интеллигенты.

Туда-сюда снуют миряне.
А мне бедовому обидно.
Что балансирую на грани,
Где просветления не видно.

* * *

Всё замечаю подспудно.
Вижу ещё о-го-го!
На горизонте безлюдно,
Можно сказать никого.

Пусто на западном склоне.
В принципе ясно без слов —
Нечего тут посторонним
Наших кормить комаров.

Только следы от ботинок
Всюду на влажной стерне.
Может в союз невидимок
Нужно податься и мне?

Сразу исчезнут интриги
И одолеет тоска.
Буду дочитывать книги,
Строить дворцы из песка.

* * *

Шерсть дыбом на спине.
Лицо от злости потное.
Не улыбайтесь мне,
Я — хищное животное,

Причина всех икот.
Вас, будь оно неладное,
До ручки доведёт
Когда-то чувство стадное.
И если не судьба —
Во мне бытует мнение.
То даже удоба
Не повод для спасения.

* * *

Швырял налево и направо
Всё, что годилось лишь в подмётки.
Вослед плелась дурная слава.
Но как-то без былой охотки.

Победы прежние не грели —
Минуло время золотое.
Принцессы на бобах старели —
Проспали дело молодое.

Не было счастья. И быть не могло.
 Незачем рьяно тянуть одеяло.
 Только на миг от души отлегло.
 Можно сказать, что чуть-чуть полегчало.

Не спохватился лет тридцать назад.
 И вот по этой по самой причине
 На загляденье не вырастил сад,
 И никого не провёл на мякине.

Не проявил козырной интерес
 К замысловатой системе пропорций.
 Только теперь намечается всплеск
 Мирно дремавших доселе эмоций.

г. Коркино

Вячеслав Саломатин

Пришла прозрения пора...

Мания

К суициду влечёт... или дальше куда-то?
 Не пора ли уняться:
 В горячке ночной
 Убиваться опасно над каждой утратой,
 А тем паче — над каждой строкой!
 Вот уж истинно, господи,
 Страсти-мордасти!
 Где разумный предел моему куражу?
 И опять я над рифмою
 К скользкому счастью
 Сам себя же тайком извожу...

Панель

Так себе, росточка небольшого.
 Статус тоже не ахти какой:
 Мелкая торговка, словом! Снова
 Вышла торговать сама собой.

О морали не её забота.
 И как мир расчёт плутовки стар:

По дешёвке точно купит кто-то
Ходкий, но подержанный товар.

Грех, не грех, — витийствовать излишне.
Уж такая бабья благодать:
То, чем одарил её Всевышний,
Можно сколь угодно продавать.

За Державу стыдно? Не беда!
Слышала не раз она, в угаре,
О таком, сверхприбыльном товаре, —
Им торгуют только господа!

Отчизна

Лес люблю. Берёзовый — особо!
Но признаться, Отчизна, позволь:
Не ходок я по твоим чащобам,
Где живёт всегда такая голь.

Не страшны мне разных леших рожи:
Сам не Аполлон, господь со мной!
Просто все они ужасно схожи
С уличною сирой голытьбой.

Горечью пропитан роковою
Нищеты твоей извечный хлеб.
Насмотрелся вдоволь на неё я
И при этом как-то не ослеп?!

Улицы. Дремучие, как чащи,
Где и жизнь не шибко дорога.
Глянешь: что ни пьяный, —
Настоящий
Чёрт! А что ни баба, то Яга...

Отчина. Внимаю втихомолку
Свисту ветра, словно ворожке.
Дай мне обернуться
Серым волком, —
Вот уж я повою по тебе!

Опыт

У деда в хате не было зеркал.
И мне казалось: как-то мудрено.
А дед в ответ лукаво толковал:
Мол, зеркало, оно же — не окно!

Смотрю на мир и млею: Красота!
А зеркало и вправду — не окно.
Хоть круть, хоть верть,
А только ни черта
Хорошего не видно, всё равно.

Зима

Вот и ко мне прозрения пора
Бог знает как пришла, мерцая зыбко.
Смотрел на зиму холодно вчера,
А нынче принимаю всё с улыбкой.

Скользит у ног позёмка. Как змея...
А я ей солнце на снегу рисую!
Чудно, но точка зрения моя
Вдруг стала многоточием втихую.

Зима, зима... Есть женщина одна:
Как будто всем и славна и пригожа.
Да просто ангел, говорят, она!
Но почему — такой мороз по коже?

Затворник

И говорит и плачет разом.
Звенит обида, как струна...
На свете много грустных сказок
О счастье. Вот ещё одна!

Ну, как привыкнуть милой даме,
Что счастье бродит меж людей
И, всех дразня, гремит ключами
От потайных своих дверей!

Но не настолько я и сирий...
Пускай лукавое бренчит:
А мне от собственной квартиры
Куда привычнее ключи.

И бог и царь я — за порогом,
Хотя совсем-совсем ничей.
На свете глупых сказок много,
Но эта вышла всех глупей.

г. Коркино

На дежурстве

Все произошло на моём дежурстве. Наша бригада хирургов, из трех человек, была достаточно опытной, но молодой. Доверялось многое, но с подстраховкой старших товарищей. Если случалось нечто из ряда вон выходящее, молодёжь имела право вызвать на себя опытного специалиста. Дежурство складывалось, как обычно. Прооперировав двух больных с аппендицитами, мы сидели в ординаторской, потягивая кофе. Время коротали за рассказами о прошедших выходных. Вечерело.

— Может быть, на этом и поставим точку, не люблю дежурить в понедельник. Завтра большой операционный день, поспать бы ночью.

— Постучи по дереву... Хорошо бы... Мы вчера в преферанс играли, и, естественно, закончили уже около четырех утра.

— Ну, ты даёшь! Знал же что дежурить.

— Конечно, знал! Пулька затянулась, так что если будет тихо, прошу пару часиков отдыха.

— Ладно, отдохнёшь первым, потом мы покемарим.

Беседу прервал настойчивый звонок.

— Алло! Да, это я. Когда? Да!.. Мы готовы. Хорошо... Отдохнули!!

— Что случилось?

— Из приёмника звонили. Везут ребёнка из детсада... Стеклом порезался, говорят, в тяжёлом состоянии...

— Ничего себе... Как это можно порезаться, чтобы в «тяжёлом состоянии»?

— Не знаю! Сказали, что бы операционная была готова. Виктор, дуй к операционным сестрам, Коля, звони анестезиологам, я в приёмник... Мужики, работаем... Да что я говорю, вы сам все прекрасно понимаете, ребёнок же...

Через пятнадцать минут к приёмному отделению подлетела машина скорой помощи с включенной мигалкой и сиреной. В дверь осторожно протиснулся врач с ребёнком на руках.

— Что случилось?!

— Воспитательница сказала, что мальчика толкнули, он налетел на аквариум, уронил его, разбил, а сам упал и поранился стеклом. Я его даже не раздевал. Кровотечение и ранение в области сердца.

У меня все похолодело внутри.

— Может, «скорая» паникует... Спокойно, сейчас посмотрим, — промелькнула мысль.

— Данил, мальчика Данилом зовут, а фамилию я забыл спросить. Как увидел его без сознания в луже крови, схватил и сразу к вам. Заведующая вас предупредила? Обещала позвонить!

Я только тут заметил, что врач скорой помощи почти мальчишка, студент, наверное. Рассказывает, а у самого губы дрожат. Странно! Но именно это наблюдение привело меня в рабочее состояние.

Ребёнка уложили на кушетку, осторожно раздели. В голове мысли застучали, как метроном. Резкая бледность, кровопотеря — раз, рана грудной клетки в проекции сердца — два, пульс на сонной артерии чёткий, на руке не определяется — три... Рентген, ЭКГ надо, но можем не успеть.

Похоже он прав,.. ранение сердца исключить нельзя,.. но у нас в бригаде на сердце никто не оперировал.

— Спасибо, доктор, что сидишь, ты своё дело сделал, теперь наша очередь, — говорю, а в голове как гвоздь: «Что делать? Что делать? Оперировать самому или... вот именно или... это же ребёнок... не дай бог, что случится, я же себе этого никогда не прошу... нет, надо вызывать. Так! Ребенка я сам отнесу в операционную, там всё готово, анестезиолога ждем, пока он им занимается, срочно дежурную машину за Артёмом Михайловичем, только как можно быстрее.»

Время часто непредсказуемо в своем течении, а тут оно словно взбесилось. Минуты полетели с бешеной скоростью. Ребёнок на операционном столе, уже начали наркоз, а Артёма Михайловича нет. Всё! Больше ждать нельзя! Анестезиолог торопит. Давление падает. Начинаю мыть руки. В этот миг дверь предоперационной распахнулась и в её проёме показался Артём Михайлович. Но, боже мой, в каком виде!!! Его качало. Он, вцепившись в косяк, еле шевеля языком, промямлил:

— Се-ме-ных! Чо на-да? Чо ты меня дёрнул?!

Я, потеряв дар речи, молча глядел на своего кумира, на одного из лучших хирургов города. За спиной Артёма маячил шофёр дежурной машины. Для подстраховки, вдруг упадёт. На него я и набросился.

— Назарыч! Ты кого привёз? То есть я хотел сказать... ты зачем его привёз... такого?

— А я что? Мне сказали Михалыча доставить, я и доставил... Еле растолкали, у них там какая-то встреча фронтowych друзей.

— На-за-рыч! Всё в порядке! Всё о кей! Се-мё-пыч, что за а-а-аврал! Я долго ещё бу-у-уду ждать ясности, — говорит, а сам тихонько сползает на пол. Назарыч еле успел подхватить под мышки.

— Артём Михайлович... это... вам поспать надо, а мы сами... вы же не в форме.

— Что!? Я не в ф-ф-форме? Как это хирург мо-мож-т быть не в форме? Ты что, до-ро-гой, несёшь? Кто-о-о в опера-цион-ной?

— Там... ранение сердца... ребёнок!

— Что-о-о!

Он так заорал, что все вздрогнули.

— И ты мне тут мозги пудришь... в форме... не в форме... ладно, с тобой я после разберусь. Переодеваться, быстро!

Артём Михайлович оттолкнул Назарыча и, пошатываясь, прошёл в раздевалку. За ним шмыгнула санитарка. Я почти механически надел стерильный халат. Ко мне подскочил Виктор.

— Может ещё кого-нибудь вызовем?

— Не успеем! Сам буду оперировать. Мойся, мне ассистент нужен.

Из раздевалки Артём Михайлович вышел с мокрыми волосами и уже более уверенной походкой направился к тазам с растворами для обработки рук.

Я молчал, не зная, что предпринять. Родилось облегчение, будет оперировать Артём, а внутренний голос терзал меня вопросом: Как же его остановить, сможет ли он в таком состоянии?

Артём Михайлович молча вымыл руки, перешагнул порог операционной, встряхнул головой, передёрнул плечами и вдруг улыбнулся хитрой улыбкой:

— Здорово я вас разыграл... Трухнули? Ну, игрушки закончились, начинаем работать.

Все облегчённо вздохнули.

У ребёнка, действительно, оказалось ранение сердца с массивной кровопотерей. С большим трудом рану удалось ушить. Помогая Артёму, я не верил собственным глазам. Работал он быстро и красиво. Чёткие выверенные движения, никакой суеты, предельно рационально и эффективно. Вдруг он отошёл от стола и, бросив на ходу, — Рану на груди ушьёте сами, — вышел. Мы переглянулись, вновь ничего не понимая. За дверью что-то грохнуло.

— Виктор, ушивай, — крикнул я и вылетел из операционной. Артём лежал на полу, свернувшись калачиком. Я кинулся к нему, нагнулся и окаменел. Артем спал и даже слегка похрапывал. Я пощупал у него пульс. Как же это может быть! Какая-то фантастика! Примчалась санитарка с каталкой. Мы погрузили Артёма Михайловича и, закрыв его простышкой от посторонних глаз, доставили в ординаторскую, где и уложили на диван. Он продолжал спать, благоухая дорогим мужским парфюмом вместе с перегаром. Виктор закончил операцию, ребёнка увезли в реанимацию. Мы всю ночь не отходили от него, хотя, честно говоря, необходимости в этом не было. Реаниматологи у нас профессионалы, что надо. Ночью поступило еще трое больных. Их не оперировали, но

все равно, было не до отдыха. В шесть часов утра я сидел в ординаторской и оформлял истории болезни. Артём Михайлович завозился, что-то пробормотал и открыл глаза.

— Фу!? Где это я? Семёныч?! А ты что тут делаешь, — он огляделся, — я что, в больнице что ли!?

— В больнице, Артём Михайлович!

— А чего это меня сюда занесло? Ой!! Вчера мы хорошо посидели... Друзья прилетели... дальше... ничего не помню.

Он встал, умылся, привёл себя в порядок, а потом, пряча взгляд, тихо спросил:

— Я тут ничего не... ну, в общем,... краснеть не придётся?

— Что вы, Артём Михайлович! Всё отлично и ребёнок в порядке. Ребята говорят, что дня через три его из реанимации можно будет забрать. Мама уже звонила, я ей всё рассказал, успокоил, скоро должна приехать.

— Какой ребёнок, ты что несёшь Семёныч, я что-то не того.... Вот перебрал, так перебрал... Впервые такое... старый хрен...

— Артём Михайлович, к нам поступил ребёнок с ранением сердца, мы вас вызвали, вы его прооперировали, а потом... уснули... вот и всё.

— Ты шутишь? Я что, совсем уж без головы... как это — прооперировал?!.. Я же... а вы куда смотрели, черти полосатые?..

— Вы сказали, что разыграли нас... Не волнуйтесь, вы всё отлично сделали, а потом... уснули.

Артём Михайлович сел па диван, помолчал, а затем, громко крикнув, поднялся и заявил:

— А ну-ка пойдём, покажи мне этого пациента.

Спасая ребенка, у человека могут появиться силы, о которых он даже не подозревал. И совершаются чудеса.

г. Челябинск

Анатолий Кухтурский

Голубая кровь

Жил давным-давно когда-то
Хан киргизский буюндук.
Был он знатный и богатый,
Равных не было вокруг.

По степи огромной всюду
Пасся тучный ханский скот:
Овцы, лошади, верблюды,
Многочисленный приплод.

Средь кибиток закопченных
Юрта хана — лучше всех.
Войлок в блестках золоченых,
Белый, мягкий, словно снег.

В юрте — чудное создание,
Дочка хана — Зайтуна.

По всеобщему признанию
Словно юная луна.

Обаятельна, воздушна,
Стан, как стебель камыша,
Поведением послушна
И обличьем хороша.

Темноглаза, круглолица,
С тонкой ниточкой бровей.
И родством, как говорится,
Голубых была кровей.

Хан своей гордился дочью,
Но от глаз людских скрывал.
Разрешал лишь темной ночью
Выходить ей за дува.

Зайтуна любила очень
В степь умчаться на коне

И в объятых темной ночи
Погрустить наедине

У оплывшего кургана,
Где под грузом валуна
В куцах желтой караганы
Мать была погребена.

Поначалу хан сердился
За прогулки по степи,
Но со временем смирился
И помалу отступил.

Лишь велел своей прислуге
Охранять незримо дочь,
Хоть и был покой в округе,
Только все же ночь есть ночь.

А наездница лихая,
Выждав ночь, в степь стремглав
Мчалась, радостно дышая
Полной грудью запах трав.

Часто с древнего шихана,
Проскакав немало верст,
Распластавшись в травах пряных
Любовалась морем звезд.

Иль сидела молчаливо
У ночного костерка,
Где склонила ветви ива
В гладь степного озера.

Ночь внимала, словно сказку,
Сердце благостью пьяня,
Иногда пускалась в пляску
В бликах шалого огня.

И однажды ночью лунной,
В час, когда в забвеньи мир,
Пред наездницею юной
Молодой предстал батыр.

Одного хватило взгляда,
Чтоб забились враз сердца,
Знать судьба под звездопадом
Их свела у озера.

Словно сон промчалась ночка,
Возвращаться нужно в стан.
Ничего не скажет дочка,
Если спросит старый хан.

Скроет в радостном смятении
Сокровенные мечты,

Ожидая с нетерпением
Наступленья темноты.

А когда прольет сиянье
Долгожданная луна,
В степь на тайное свиданье
Вновь отправится она.

Но недолгим было счастье,
Что два сердца обрели.
О ночных свиданьях страстных
Хану вскоре донесли.

В гневе хан велел джигита
Бросить в бездну вод тотчас.
И уже несется свита
Страшный выполнить приказ.

Только статного батыра
Оказалось взять не вдрут,
Как поленья у тандыра
Разбросал он ханских слуг.

Но холопы не сдаются,
Лезут в драку с молодцом.
Злыми коршунами выются,
Окружив его кольцом.

С каждым мигмом наседают,
И аркан волосяной
Злое дело довершает
В лиходейский час ночной.

Мчатся всадники поспешно
Весть владыке донести.
Плачет дева безутешно
В белой юрте взаперти.

Гневу в сердце нет предела,
От немой тоски — невмочь.
Что ж ты хан-отец наделал,
Погубил родную дочь?!

Ту, что с малых лет лелеял,
Как цветок в саду берег.
А теперь не сожалея,
На страдания обрек.

Не удержишь дочку силой,
Сторожи, не сторожи.
Без любимого постылой
Станет юной девы жизнь.

Говорят, что так и случилось.
Выждав время, в степь тайком

На коне она умчалась,
Навсегда покинув дом.

Обнявшись с заветной ивой
У потухшего костра,
С горькой думой сиротливо
Простояла до утра,

А когда денница нежно
Озарила небосвод,
Дочка ханская неспешно
В глубь ступила синих вод.

Дни и годы миновали,
Умер в горе старый хан.
Озеро же люди стали
Называть с тех пор «Куккан»,

Что толкуют в переводе
«Голубая кровь». Слышны
Будто в нем при непогоде
Плач и стоны Зайтуны.

И летят на берег низкий
Под протяжный ветра вой,
Словно капли крови, брызги,
Отливая синевой.

с. Чудиново

Александр Кульпин

Любимая мелодия

Полна необъяснимой тайной силой
Мелодия любимая моя
Я вспоминаю нежный голос милой,
Последний взгляд, ночные тополя.
Щемящей жуткой болью отзовутся
Её аккорды светлые в груди.
Невольно в юность мысли окунутся
В то лето прошлое, что где-то позади...
Припомню стужу лютую, сугробы
И ветер, что насквозь нас прошивал.
Как я, дрожа, сутулясь от озноба.
Тебя как мог от ветра прикрывал.
Вот снова вижу звёзды голубые...
Была осенняя счастливая пора,
Мы шли одни, мы обо всём забыли.
Так мало оставалось до утра.
Тревога в сердце пламенном стучала,
Я обнимал тебя в последний раз.
Разлукой ночь осенняя звучала
Влюблённость губ, прощанье милых глаз.
...А музыка всё льётся и волнует,
И плачет, и смеётся, и зовёт,
Как ветер памяти о прожитом тоскует,
Струну души единственную рвёт.
Ты ждёшь меня с надеждой и тревогой.
С любовью ждёшь, дыханье затая,
Но я давно иду не той дорогой,
Туда, где юность вольная моя.

Где ветер над весенней тишиною
В ночи легко качает тополя,
Где звёзды, упиваясь вышиною,
Зовут, непокорённостью плена.
Я там давно, за той далёкой гранью,
В незримой затаённости души
Слепого времени не властно расстояние.
Там льётся музыка в волнующей тиши.

* * *

На вахте стою, штормовая
Кружится со свистом пурга,
Нерадостное навевая,
Родные сокрыв берега.
Зима замедляет дороги
И ветер колючий чужой,
Не весть о родимом пороге,
Раздуку несет за собой.
Природа как будто взбесилась,
Весь мир застилают снега.
Ты мне этой ночью приснилась
С весёлым огнём очага.
Как в доме тепло и уютно,
Когда ты со мною, мой друг.
Лишь о тебе поминутно
Я думаю здесь среди вьюг.
Прости за бессонные ночи,
За то, что ты так далеко.
Люблю тебя, милая очень,
И верю, как вам нелегко.
Быть может, от этих вот строчек
Станет жарче огонь в очаге.
Расти нашу крошечку дочку;
Не думай о здешней пурге.
Снега между нами растают,
Натешутся шторм и ветра,
Окончится вахта морская.
...Дожить бы скорей до утра.

* * *

Мы уходили в белые метели
В разгар февральской Таллиннской зимы.
Деревья снежные печально в след смотрели
Огням во льды затёршейся кормы.
Мы шли через заторы и торосы,
Сквозь ледяные белые поля.
Нам снились лета голубые росы.
Нам снилась тёплая весенняя земля.

Шторма неистовые, бури, ураганы —
Всё позади, не долгов был наш путь.
Лука Британии, равнины и курганы,
И вахты, вахты, вахты - не вздохнуть.
Летело время, день за днём мелькали.
Незгоды — прочь, обид ненужных вздор,
Работа до смертельного накала,
Волны и ветра непрерывный спор.
Земля дохнула свежим ароматом,
Знакомым запахом родных моих лесов.
И ты походкой робкой угловатой
Идёшь ко мне из тех далёких снов.

* * *

Вернулся, но всё повторится,
Полгода пройдёт или год,
Поманит меня за граница
В солёную хлябь темных вод.
И жизнь мне покажется скучной,
Привычно в груди защежит,
Но буду с тобой неразлучно,
Забудется, переболит.
Пройдусь по Фонтанке знакомой
Во сне ленинградских ночей,
Их шёпотом тайным влекомый
Счастливый, и в общем ничей.
Раскроюсь для новых приятий,
Как призрачный мост разводной,
Пьянея от белых объятий
В последней морской проходной.

* * *

Море, море до самой границы,
Одинокая вольность стихий,
Наш кораблик не больше блохи.
Дней бегущих чредой вереница.
То нагрянет в неистовстве буря,
То разбалует солнечный штиль,
Расплеснувшись на тысячу миль,
Будто в знойной пустыне Меркурия.
Вся планета моя — океан,
Океан без конца и без края,
И родная она и чужая,
В ней я вижу далёкий Уран,
Если тучи туманом безликим
Опускаются к самой волне,
И пейзаж превосходным, но диким,
Неземным, словно кажется мне.

Море

Сколько мощи, величия, буйства,
Сколько властности в звуке родном!
Помню шторм и стихии безумство,
Как мечтали мы все об одном.
Поскорее б утешились страсти,
Усмирил свою прыть океан.
Нам пора разворачивать снасти,
Догонять ускользающий план.
Но не стихнут ревущие волны,
Только ветер усилит их бег.
...Помню шторм и спокойствие помню,
А теперь я земной человек.

* * *

Целая жизнь за спиной — бездна времени.
Дом и семья — мой последний итог.
Слабый росток «чудотворного семени»
Праздной душой развить я не смог:
Где-то сомненья на долю творителя,
Где-то надежда на волю творца,
Бремя нужды — дань чужим покровителям,
Недосягаемость славы венца...
Изо дня в день всё твердишь озабоченно:
Чем ты прославил свой прожитый век?
А иногда, словно лошадь рабочая,
Пашешь, забыв то, что ты человек.
Может быть слишком крутые условия?
Духа не хватит, иссякнет заряд?
Жизнь то всего лишь — одно предисловие.
Вечного сна и забвенья обряд.
Но образом странным пришло озарение.
Корни пустив, пролучился росток —
Благое дитя чудотворного семени
Свежим порывом стучится в висок.
Вновь позабытые ночи бессонные,
В судьбах иных открываю себя.
И до утра лишь душа невесомая
Парит, о растроченных годах скорбя.
Пусть не далек тот порог преткновения,
Грань, за которой лишь царство теней.
Не предаваемый смысл назначения
Станет утехой предсумрачных дней.

* * *

Что бы я ни придумал — вторично.
Всё исполнено было до нас.
Эх, родиться б в период третичный,
Вот тогда показал бы я класс.
Среди девственных джунглей планеты,
Между древних реликтовых скал,
Раздавался бы голос поэта,
И пленил бы он всех и ласкал.
Там снискал бы я славу и почести
У рептилий и прочих бродяг,
И сбылось бы одно из пророчеств —
Для вселенной никчёмный пустяк.

* * *

Весь ученый народ — бедолаги,
Несмотря на свирепый мороз,
Собрались на конгресс в Копенгаген,
С потепленьем бороться всерьёз.
Нам того потепленья глобального
В самый раз бы сейчас хоть чуток,
Чтоб труба отопления центрального
Грела, как оренбургский платок.
Где-то в Дании длится полемика
В мягких креслах уютно, тепло.
Сколько ж вам, господа академики
Нынче платят за это фуфло?
На борьбу с потепленьем глобальным
Миллиардные средства идут,
А у нас за окном на Урале
Замерзает в термометрах ртуть.

* * *

Зарядили сухие морозы. Звонко
Снег хрустит и трещат тополя.
Словно выстрел уносится тонко
Звук поломанной ветки в поля.
Минус сорок. Аллеи пустынь. Дико
Озираясь, шныряют бомжи
Между урн и прохожих безликих,
От озноба шипя, как ужи.
Что-то нынче и мне не уютно. Ветер
Зябко, стыло, обидно до слез.
Истоплю-ка я баньку под вечер.
Позабавлюсь с морозом всерьёз.
Словно друг, ожиданьем томимый. Банька,
Источая живительный жар,
Проберёт, разухабит осанку
И начнётся весёлый кумар.

Из парной, потерявши рассудок, шумно,
Диким вепрем рыча и кряхтя,
Упаду прямо в снег, как безумный,
Самоварною страстью пыхтя.
Эй мороз, покажи свою удаль, где ты?
Выходи, видишь, я налегке.
Но старик заскулит без ответа,
Мокрым снегом блестя в кулаке.

* * *

Однажды, из соснового жердочка
Я баньку временно построил во дворе.
Семнадцать лет стоят, как папа с дочкой
Мой дом и банька — всё в одной поре.
Я не люблю железный лязг трамваев,
К казачьим песням с детских лет привык.
В Верхнеуральске сам себе хозяин —
Я, властный барин и простой мужик.
Верхнеуральск, душой такой же вольный,
Стоит на берегу Урал-реки,
Приветливый, родной и хлебосольный,
Живут в нём мои братья казаки.
Мне не найти другого уголочка,
В галактике не сыщешь ни в какой
Ту баньку из соснового жердочка
И тихих улиц будничный покой.
Пусть мегаполис травит нас бензином,
Зловещим дымом газовых атак,
Цветной рекламой манят магазины,
Но что-то там чужое, всё не так.
...Услышишь звон, к заутрене зовущий
И на душе такая благодать,
Как будто жизни истинную сущность
Ты только начинаешь понимать.
За полем — лес, за пастбищем — околки,
Заросшие овраги, озерца...
Бродить по свету — много ль в этом толку?
Останусь здесь до самого конца.
Где до сих пор на праздничной гулянке
Поют «Как при лужке» и «Ямщика»,
Кто помоложе — заведёт «Таганку»,
И дед, поддавши, ударит «Гопака».
Где крепким словом и казачьей песней
Взращённые поднимутся хлеба.
И возродится город мой чудесный
Моя обитель совесть и судьба.
Мне не найти такого уголочка
Нив этой во вселенной, ни в другой,
Где банька из соснового жердочка
И улочек купеческих покой.

Не для меня...

Не для меня спокойствие и скука,
Блаженство лени, размеренности тишь,
Какая жизнь загадочная штука,
Вот так порой в раздумьи стоишь.

Твоя любовь стоит с тобою рядом,
Та, о которой столько лет мечтал.
Еще свежи венчальные наряды,
Но я уже о море заскучал.
А, помнится, летел, как очумелый,
Расчет последний с морем получив.
От трудного рыбацкого удела
Счастливый, что возможность улучил.

Но не прошло и года — снова снятся
Пароходы, уплывающие в даль,
Где волны дикие и пенятся и злятся,
Круша непотопляемую сталь.

Приходит день

Приходит день и раннею весною,
Когда свободой дышат тополя,
И звёзды, упиваясь тишиною,
Зовут, непокорённостью пленяя.
А где-то там, в тоскующей вселенной,
Среди чужих блуждающих миров,
Займется жизнь и свет её нетленный,
Не нарушая таинства покров,
Ласкает нас лучом звезды знакомой.
Пленит, неся тепло из пустоты.
И этим светом с детских лет влекомый,
Я растворяюсь в облаке мечты.
И вновь надежда теплится в сознание:
Быть может там счастливее, чем мы,
Не обречённые порочным кругом знаний,
Рождаются вселенские умы.
Их светлый помысел и сила вдохновенья
С лучом звезды к нам в душу западут.
И люди под весенним дуновеньем
Другую летопись правдивую начнут.
Не будет громких слов и дифирамбов.
Реальность нам покажется иной.
Придёт весна космических масштабов
И засквозит по жизни новизной.

г. Верхнеуральск

Тайны Катькиной дороги

Наказ

Село Фомино, как перед грозой, затаилось в тревожном ожидании. Все от «мала до велика» настороженно ждали, что вот-вот каждый ощутит на себе природное наказание за грехи земные, что вот-вот грянет непоправимый урок возмездия. Людям казалось, что время замерло, будто взведенный курок или как настороженный на зверя капкан.

В сусеках поселка Фомино, пометенных гражданской войной под крылышко, осела пыльная паутина. Призрак голода, как предполагал Луконин, входил в каждую семью. Желудок требовал хоть какой-нибудь, но еды. За лето 1921—1922 годов не упало ни одного дождя. Посеянное весной зерно так и не взошло. Земля от засухи трескалась щелями шириною в ладонь. Щелястым ртом она просила пить. Над черными полями висела адская жара. Пересохшая травенка трещала под ногами. Вся живность от кур до собак исчезала с подворий. Люди ели все что можно было есть. Вырывали из земли закопанную падаль. В районе местами вспыхивало людоедство...

И только лицо старого казака Антипа Молявкина, лежащего на смертном одре, отражало матовую стылость готовности к вечному покою. Мелкая дрожь оголенных ступней, торчащих из-под старенького нагольного полушубка, по всем видам говорила о том, что душа Антипа прощается с телом. С последним хриплым выдохом Антип испустил дух. Холод без душевного тела, отощавшего еще при жизни без пищи до костного хруста в суставах, выбил слезу у его сына Федора Антипыча Молявкина...

За неделю до смерти Антип наказывая Федору: «Ты, сынок, Рыжуху пуще глаза береги. Штобы воры не украли — голодных-то много — спи рядом с ней в кормушке. Для охраны карабин с подловки сними и под бок клади. Найдешь там ево, черноземом он присыпан да всякой шараборой закидан. Токо будь осторожен, штоб вялстя не пронюхали. Причислят тебя к повстанцам, и заметут не за понюшку табака. А Рыжуха из-за всегдашней хромоты одна на весь поселок из лошадей-то осталась. Ласковая она кобыла, Я ить, Федя, сам хлебушко не ел, а Рыжухе скармливал. Токо не жалею я об этом, што помог Рыжухе на сухариках выжить. Без лошади, Федя, казаку хана! Лошадка, сынок, после жены, конечно, наипервейшая кормилица и помошница.»

Антип, обессиленный наказом, закрыл веки, но продолжал говорить:

«...Скоро я своей смертушкой людской мор распечатаю. Люди с голода, как осенние мухи начнут умирать. Живые мертвым завидовать будут. Чать видел, Федя, што люди обессилены от недоеда. Да и ты, сынок, не шибко могутной. На рытье моей могилы тебе одному не справиться, а помочь будет некому. До упаду-то себя не утруждай, глядишь и выживешь. Штоб. полегше было, Богом прошу, сынок, с меня начни. Труп-то м.ой свези в пещеру по Катькиной дороге на гору Амбаруху. Этим самым ты оберегешь себя от людских пересудов. Так што ты ко мне на новоселье и других фоминцев доставляй...»

Страшен был наказ старого казака Антипа сыну Федору. Страшен, но правдив. Бывали дни, когда Федор Антипыч Молявкин свозил на Рыжухе в пещеру на Амбаруху семьями по 8—10 человек...

Слушая наказ отца, сын плакал, а Антип, едва ворочая от слабости языком, говорил: «Не надо, мой хороший, плакать. Не смерть страшна, а её ожидание».

Призрак Амбарухи

Легенда

Они жили но соседству. Каждое новое утро она через ивовый плетень дразнила парня:

— Федя, Феденька, Федул
Губы бантиком надул.
Обуяла Федю лень.
Он молчит, как будто пень...

Её незамысловатая дразнилка вначале мало волновала парня и он отвечал девушке с усмешкой:

— Подь ты к чемеру, стрекоза фоминская...

Поскольку это легенда, назовем девушку Аксинья, но пусть у читателя (или слушателя) от имени Аксинья не возникнет ассоциация образа актрисы Элеоноры Быстрицкой из кинофильма «Тихий Дон» с ее броской внешней красотой. И все же Фоминская Аксинья Прохладова казалась Федору Молявину девушкой красивой .статной, а главное из-за вариативности умной. Коли так, то спорить с Федором не было резона, поскольку влюбленная зашоренность очевидна во все времена.

Их сближение происходило медленно, а точнее сказать, по мере взросления Аксиньи. По его глубокому убеждению, внутренняя красота Аксиньи Прохладовой была под стать ее фамилии, наверное поэтому не сразу пронзила ему сердце, а постепенно. Зато, как бы густеющей тенью заполонила навсегда сознание парня юной любовью. И он начинал думать, что нашел ту самую единственную, лучше которой более не сыскать на всем белом свете. На его слуху, после каждой новой встречи, возникал певучий голос Аксиньи:

— Федя, Феденька, Федул
Губы пухлые надул,
Стал сердитый, как медведь
И не хочет разговеть...

Намек был прям, но юному парню не понятен и он, как обычно, отвечал:

— Подь ты к чемеру, стрекоза фоминская...

При этом сердце парня заливала платоническая нежность. Ему хотелось закричать на всю округу: «Аксинья! Ты — радость моя и счастье мое! Ты — свет в моем окне! Несмотря на голодуху, я живу и дышу одной тобою. Я делаю ту страшную работу ради людей, но боюсь: вдруг ты осудишь меня и возненавидишь. Как открыть створки моего сердца, чтоб ты поняла мои сомнительные мучения? Как мне признаться в любви? Нет и нет! Разве можно теперь, когда вокруг, как плотный туман, одна беда на всех, даже заикаться о любви! Разве можно сейчас метать «стрелы Амура», когда желудок каждого фоминца съедает сам себя!? И ты, Аксинья, разве можешь полюбить меня, фоминского могильщика?..»

Так ежечасно, ежеминутно, с привкусом сомнительного страха думал юный Федор.

Аксинье же казалось, что Федор молчит от черствости характера, что она «нисколечки» не нравится ему. И все же настойчиво продолжала подначивать парня:

— Федя, Феденька, Федул,
Губы, как бутуз, надул.
Посмотри, какой денек...
Неужели невдомёк?

...В одно скорбное утро 1921 года на Федора Антипча Молявкина обрушилась страшная весть? Мать Аксиньи Прохладовой, утканная лицом, наклонилась через

плетень во двор Молявкиных. «Беда!» — сразу подумал Федор и пересохшим от волнения голосом спросил:

— Кто? Аксинья???

— Она, Феденька, она! И в одночаску с ней вся семья. Ведь во рту у всей семьи с неделю не было маковой росинки. Соборовать бы надо, а у меня ноги подгибаются, силушка наиссох иссякла. Помоги ты мне, родимый, отвези на Амбаруху. А на Аксинью за дразнилки не сердчай. Любила она тебя, Федя, без памяти любила. Говорила я ей...

Что говорила Аксинье мать, осталось тайной «за семью печатями». Старая женщина внезапно замолчала. Федор понял, что она умирает. В отчаянии от горькой вести об Аксинье и произошедшей на его глазах смерти от недоеда он растерялся, не зная, что делать.

Будто от падения давления, закружилась голова, помутнел белый свет, в глазах поплыли тысячи горячих искорок. Готовый упасть, он все же нашел в себе силы, чтобы вернуться к привычной уже работе. Как в тумане, грузил он на одровку семью Прохладовых и вез в пещеру на гору Амбаруха. Слезы застилали ему глаза. Рыжуха медленно плелась без понукания привычной Катькиной дорогой. Подъем в гору давался ей нелегко. Федор берег силы Рыжухи. Держась за край телеги, он тащился рядом с одровкой. Изнуренная работой и недоедом кобыла, натужно дыша, еле-еле тянула одровку, готовая упасть на колени. Этого больше всего боялся Федор, потому что предвидел непоправимые последствия отката похоронной процессии к подошве горы Амбарухи...

Сотворенная природой пещера на Амбарухе, по мнению Федора, как нельзя лучше подходила под общую братскую могилу, без отдельной на каждого домовины...

Возникает мысль, что упрощенный способ похорон умиравших от голода людей по нынешним меркам благополучного времени смотрится с некоторой долей кощунства. Но стоит ли брать на себя ответственность, чтобы обсуждать и осуждать выбранный Федором Антипычем Малявкиным нелепый способ захоронения покойников в пещере? В обстановке массовой смертности Федор не мог поступить иначе. Ничего нет крамольного в том, что обряд похорон был вынесен Федором за рамки православного канона.

К утру, после мучительно-кошмарной ночи, Федор услышал, как сатанинское наваждение, загробный и насмешливый голос Аксиньи:

— Федя, Феденька, Федул
Новы чесанки обул,
Сел охлюпкой на Рыжуху,
Поскакал на Амбаруху!

Федор испугался: «Что за чушь мне мерещится? Похоже, что с похоронной канителью я уже умом тронулся! Не иначе, как это оборотень в образе Аксиньи скребется в оконную раму...»

В его воспаленном сознании возникает признак реальности, который противится странному звуковому наваждению.

А голос Аксиньи все ближе, все отчетливей:

— Эх-ма! Кутерьма!
Пляшут избы и дома.
Пляшет Федина Рыжуха,
С ней на пару Амбаруха!

«Точно! Бесы разыгрались!» — итожит он, и возмущенно дополняет: «Каждый роток издает свой хохоток!»

Федор встает, подходит к переулочному окну, отодвигает в сторону задергушку. Серая муть рассвета мешает рассмотреть под окном фигуру распластанного на земле человека. Федора охватывает дикая волна озноба: «Нет-нет! Не может такого быть! Это не она! Я же её сvez... Оставил в пещере... Мертвые не воскресают!»

Федор отказывался себе верить, но это была она, живая Аксинья.

Многие фоминские старожилы слышали о хороших делах Федора Антиповича Молявкина, но не многие помнят и знают о его жене Аксинье, в девичестве Прохладовой...

Коротка человеческая память...

Не поэтому ли реальная история 1921 года воплотилась в легенду?

с. Кидыш

Владимир Волков

Со службы

Порой, себе-любимому в угоду,
настрой души влияет на погоду:
Со службы шёл я раз домой морозной стужей.
Ещё, мне помнится, слегка простужен был к тому же.
Что поразительно, сапог в глубокие сугробы погруженье
воспринималось, будто лёгкое скольженье...
Хотя была весьма заснежена дорога,
довольно весело дошёл я до порога.
А за порогом диктор сообщил опять,
что на термометре — аж минус сорок пять!
Ну что ж, — подумалось, — тем крепче буду спать...

Две метели

Как обычно, смелый дед-старожил
непривычно белый свет сторожил.
И, конечно, белый свет излучал
бесконечное начало начал.
В той крошечной тишине и глуши
закружили две метели-души...
Что касается метели одной,
то плясала она вместе со мной.
Ведь дуэтом нам хотелось успеть
все куплеты недопетые спеть.
Всё летели и мели те метели
по постели из земли две недели.
Разделяя суеверную страсть,
вместе с первой вторая вилась.
В этом суетном кружении вновь
сокрушалась и крушила любовь.

Охота

Фонарных столбов впереди покосившийся ряд.
Но, всё же, темно, фонари еле-еле горят.
В избушках селенья, где свет остаётся зажжён —
безбожное пенье мужей и брожение жён.
Бегу, обонянием чую волнение собак.
А спустят дворняг на меня — мое дело табак.
Таинственный дым, да за дымом не видно огня.
Тут станешь седым: темнота, словно та западня.
Простая задача — пробежка по царству теней
на встречу удаче, а может, в погоню за ней.
Скорее иное... гляжу — ни спины, ни лица...
Она же за мною, стремится настичь беглеца.

Вязаная шапка

Моя зимняя панама безразмерна и тепла.
Мне вязала её мама, то вязала, то спала.
Пребывая в сновидении, снова видела меня,
как бродил я, всех на свете ненавидя и вина.
В каждой петельке панамы мне отправлено тепло.
Я ношу её упрямо, я же, мама, не трепло.

Лыжня

Закат сверкает и горит, искрит, пылает, но не греет.
Лыжня скрипуче говорит и на пригорке розовеет.
Несёт морозный ветерок дымок затерянной избушки
на курьих ножках. На порог выходит дочь Яги-старушки.
Гора несётся под уклон, и скорость ветра нарастает.
Пусть занавешен небосклон, но скоро занавес растает.
Теперь бы мне с лыжни не сбиться...
А та кидает и виляет,
под горку к дому лихо мчится и силу духа закаляет.

Морозов

Красиво сложен, свеж и розов,
вошёл вальжно дед Морозов.
Ядрёной свежестью пахнуло из распахнутых дверей.
Вошёл со свитой добрых сказочных зверей.
Я их впустил, прикрыв за ними двери,
хотя глазам едва ль своим поверил.
Пришлось неловкости всецело уступить веселью,
не задаваясь ни мотивами, ни целью

Покупка

А на дворе печально-холодно...
 И не случайно — середина ноября.
 Но холод мы воспринимаем молодо,
 скрипя обновами с нуля.
 Мой пуховик, изрядно ношенный,
 карман для плеера внутри,
 вот в этот самый срок положенный
 я скину месяца на три.
 Зелёный плащ с двойной подкладкою
 меня нисколько не прельстил.
 Гляжу на вещь сию украдкою:
 Как много я в нём упустил!
 А день сегодня знаменательный,
 я открываю свой пакет...
 Как человек непритязательный,
 роняю чеки на паркет.
 А там Аляска — не Аляска.
 Бушлат? Да тоже не бушлат.
 Сегодня будет свистопляска,
 покупке как не будешь рад!

Игорь Ильиных

Монолог парашютиста

Легкий купол парашюта
 Над моею головой
 Не раскрылся почему-то,
 И лечу я сам не свой,
 С высоты семь тысяч футов;
 Из архангелов конвой
 Наготове. Полминуты
 Им меня осталось ждать.
 В детстве я мечтал летать:
 Быть хотел парашютистом,
 В облаках орлом парить...
 Камнем падаю, со свистом.
 Лучше б стал аквалангистом:
 С глубины есть шансы всплыть.

* * *

Она шла мимо, длинноногая,
 Очаровательно стройна.
 Узнать хотел совсем немного я —
 Где ног кончается длина.

На мой вопрос логичный: «Где?»
 Она ответила: «Везде
 Хватает чокнутых нахалов!»
 И безобидно замахала
 Ресницами, покруче ног.
 Я устоять, увы, не смог —
 Влюбился, в женихи стодился,
 И чувством трепетным влеком,
 Я незаметно очутился
 Под беспощадным каблуком.

* * *

Шут нужен в свите Короля
 Не только развлеченья для.
 Кто, лезть слащавую отбросив,
 Вдруг скажет то, о чем не просят.
 И, о себе не беспокоясь,
 Его Величеству про совесть
 Напомнит, в ухо прошептав
 О том, что и Король не прав
 Бывает иногда, увы.
 Пусть отсеченьем головы

Грозит неслыханная дерзость,
Но, отвергая лести мерзость,
Шут ради истины готов
Быть Королем в толпе шутов.

* * *

В стойле заржали встревожено кони,
Гуси гогочут, коровы мычат.
Лик исказился на старой иконе,
Тать на пороге, а люди — молчат.

Кто-то оболган, а кто-то — напуган.
Кто-то не может подняться с колен.
Многие совесть пустили «по кругу»,
Сдавшись без боя стяжательству в плен.

Тать торжествует.
Он, названный зверем,
Вторгся непрошеным гостем на Русь,
Он уничтожил десятки империй.
Очередь наша? — Подавится пусть!

* * *

Словно кровью невинной набрякшее,
Завершая по небу свой путь,
Солнце в озеро черное брякнулось,
Чтоб от распрей людских отдохнуть.
Воцарилась на небе кровавая
Бледно-розовая луна.
Не щадит ни виновных, ни правых
Термоядерная война...

Будет именно так, без сомнения,
Нас, как вид, приближает к концу
Безоглядное поклонение
Человека Златому Тельцу.

* * *

Я нарисован мелом на асфальте.
Я доживу до первого дождя.
Тем, кто сожжен
в проклятом Бухенвальде,
Неведом тайный замысел Вождя.

* * *

Из какого далека
Мне протянута рука?
И куда несут меня
Крылья белого коня?
А любовь зачем дана,
Что другому отдана?
В сердце чьем останусь я
За границей бытия?
Для чего я жизнь прожил,
Если путь не проложил,
По которому пойдет,
Тот, кто вслед за мной придет?
Тьма вопросов. Дать ответ
Ни малейших шансов нет...

* * *

Слова — всего лишь пена.
Мир чувств намного глубже.
В бездонной той вселенной
Без слов банальных — лучше...

* * *

Вы видели, как плачет Бог?
Не торопитесь дать ответ.
Я был уверен — Бога нет,
Но все же убедиться смог —
Наш Бог все время вместе с нами,
Он плачет нашими слезами.

* * *

Из пророков, коих немало,
Ни один объяснить не смог —
Что есть Бог.
Лишь любовь доказала:
Человек человеку — Бог.

* * *

Алкали влаги облака,
Из рек, озер, морей лакали,
Жаровня солнца свысока
Палила, рты пересыхали,
И жажда мучила людей,
Что шли по выжженной пустыне,
Там повстречались мы, но где
Была ты с тех времен доньне?
В каких мирах и лихолетьях
Любовью всех с ума сводила?
Я чувствую — прошли столетья,
Но только это с нами было:
Теряли разум бедолаги,
Перо скользило по бумаге,
И облака алкали влаги...

* * *

А Снег хотел быть белым-белым,
Пушистым, чистым, до весны,
Когда кружился он несмело
Вокруг Зимы. Благие сны
Сменились будничным ненастьем,
Пыль грязно-серая легла
На белый Снег, он стал несчастным,
Зима его не приняла
За своего, и отвернулась,
И он растаял, без следа.
Она к нему потом вернулась,
Но Снега — нет, и никогда
В былое им не возвратиться,
Падет на Зиму новый снег,
А тот, наивный, будет сниться
Ей весь недолгий, зимний век.

Диалог

В художественной мастерской,
В простой квартире городской
Художник и поэт сидели,
Курили, пили, в ночь глядели...

Спросил художника поэт:
«Какой ты предпочел бы цвет,
Задумав написать Любовь?»
Дугою вскинутая бровь,
Изгиб в молчаньи сжатых губ
И дыма выпущенный клуб
Перезабитой папиросы...

Не игнорируя вопроса,
Художник тихо произнес:
«Не передать любовных грез
В материальности картины.
Не будут краски объективны,
Застыв мазками на холсте.
Как можно брэнной красоте
Придать свечение души?
Цвета бывают хороши
Для передачи настроенья.
Любви, вне всякого сомненья,
Аналогов в палитре нет.
Любовь чиста, а чистый свет
Не воплотить в полутона.
Неосвязаема она».

Поэт в ответ: «Как ночь тиха.
И я не раз в размер стиха
Пытался ауру Любви
Вдохнуть. Как хочешь, назови
Мои никчемные попытки,
Все — ерунда. Ни в рифме приткой,
Ни в содержании, ни в форме
Нет ничего, бахвальства кроме.
Для бездны чувств не хватит слов.
Неописуема Любовь».

Забрезжил между тем рассвет,
Ночь незаметно увядала.
Художник пил. Курил поэт.
Любовь

За ними
Наблюдала.

* * *

Любил. Люблю. И верить буду.
Нет, не в Аллаха. И не в Будду.
Не в воскрешение Христа.
Моя религия проста —
Прожив уже почти полвека,
Я верю в душу человека.
Любовь — вот мой иконостас,
Люблю ее.

Весь мир.
Всех вас.

* * *

Природу человеческой души
Постигнет в будущем дотошная наука.
Все объяснить сверхточно поспешит,
Но Боже мой, какая будет скука
По трафаретам жить, любить, грешить.

* * *

В море синем красавица яхта
Познакомилась с ветром шальным,
И встречались они очень часто
Между морем и небом ночным.
Ветер яхте шептал: «Я люблю
Больше жизни твои паруса.
Перестань быть послушной рулю,
Я тебя унесу в небеса».
И ответила яхта тогда:
«Я с рожденья мечтаю летать.
Но удел мой — морская вода,
Мне «Летучим голландцем» не стать».
И тогда полетел вольный ветер к богам.
Он просил их исполнить желание одно:
«Вы вдохните все силы мои в ураган,
Пусть я после умру — без любви хоть на дно».
А когда он к любимой спустился
Ураганом по воле богов,
В небо звездное лебедем взвился
Белокрылый размах парусов.
Не гигантский, как слон, дирижабль,
Не эскадра воздушных шаров.
Плыл по небу крылатый корабль
И царила над миром любовь.

В час, когда вольный ветер уснет навсегда,
Суждено ей о скалы разбиться,
Только с давних тех пор всем влюбленным всегда
Будет яхта крылатая сниться.
Не гигантский, как слон, дирижабль.
Не эскадра воздушных шаров.
Взвился в небо крылатый корабль,
И с тех пор миром правит любовь.

г. Челябинск

Мой дом, наш двор**Дорога в Троицк**

Мой отец по натуре был очень непоседливым, подвижным человеком, наверное, сказывалась его профессия инженера-строителя. Когда отца пригласили на строительство крупнейшей тепловой электростанции в Троицке, он долго не раздумывал: уже через неделю с нового места работы от него пришло письмо: «Этот милый, тихий городок живет по патриархальным обычаям. Створ двух скальных берегов Уя будет перегорожен большой бетонной плотиной, а выше по течению реки уже началось строительство невиданной по мощности тепловой электростанции. Здесь добрые люди и отличная рыбалка, вишен в колках и степи растет видимо-невидимо! Приезжайте на лето!»

Через несколько дней на перроне Челябинского вокзала мама провожала меня и мою сестру Тamarку к отцу. Поезд отходил поздно вечером, но задолго до его отправления все вагоны его были забиты пассажирами, мешками, корзинами, тюками. Кто-то с хрустом жевал баранки, кто-то грыз семечки, а кто-то уже закусьивал... Мама с трудом нашла место около грузной тетищи и препоручила нас под ее неусыпное бдение.

— Не волнуйтесь, женщина, мы тут все свои, троицкие, до дома как-нибудь и дотащимся на этом Троицком барыге.

— Почему «Троицкий барыга?»

— А то как же, потому все мы тут троицкие барышники. В Челябину-то зачем нас черти носят? За дешевым продуктам и товаром, кто для семьи везет, а чаще для базару, чтобы навар иметь. Вот и прозвали наш поезд Троицким барыгой, — чистосердечно призналась тетища и... немедленно заснула. Мама помахала нам с перрона, «Троицкий барыга» дал последний гудок.

Потом прошла, ругаясь (что, вагон закурен, хоть топор вешай, и пройти-то совсем негде, что чулков-то из-за этих холер с корзинами и ведрами не напасешься!), заспанная угрюмая проводница, зажигая в переходах между купе свечи, спрятанные за стеклянными закопченными дверками. И, наверное, от этого неуверенного анемичного их света вагон дружно захрапел кто фистулой, кто тенором, а и кто-то мощным шалапинским басом. Вместе с перестуком колес, с железным рычанием сцепов, вместе с запахами угля и пьянящих неизвестных степных трав, задуваемыми в окна и ревом паровозного гудка, — все как-то слилось в добрую, древнюю песню огромного железного коня, скачущего сквозь сажу ночи, летящего неведомо куда.

Мне показалось, что «барыга» так мчался всю ночь. Проснулись мы с Тamarкой оттого, что поезд стоял, а в вагоне никого не было. Зато на перроне, освещенном единственной лампочкой, освещавшей Ильича с протянутой рукой, шла суетня, остро пахло навозом и ржали лошади, тархтели моторы редких машин, и перекрикивались люди.

— То-оля! То-ома!! — услышали мы встревоженный голос отца. — Где вы, черти? — Сонных с большими рюкзаками за плечами он подхватил нас обоих на руки прямо из тамбура. — А ну, марш в машину!

Он усадил нас на скамейку в кузов старенького грузовика, заботливо прикрыл брезентовыми плащами.

— Поехали!

Нет, мы не поехали, а поплыли! В самом деле! Черный, необычный бархат степного неба явственно шевелился над нашими головами, и мы, невольно вжимая их в плечи, обжигали глаза об ослепительное сияние знакомого и совершенно незнакомого вечного созвездия Большая Медведица.

Мы раздавили Большую Медведицу колесами грузовика в вводе Увельки, переправляясь через нее вброд. Чисто пахнуло теплой водой, йодом и рыбой. Еще немного и...

— Вылезай! — снизу командует отец, и чьи-то теплые руки бережно передают нас полусонных с Тamarкой в его руки. Свет карманного фонаря в подъезде, перестук деревянных ступеней.

— Ложись! — по-военному командует отец, и мы, не раздеваясь, валимся с сестрой на матрацы, брошенные прямо на полу.

Я проснулся от Томкиного воя. Она сидела на матраце и со страхом глядела в окно, закрытое подвижной сереющей мутью, за которым что-то неистово ревело и бесновалось, стучало в стекла песком. Балконная дверь содрогалась от ударов и, казалось, вот-вот ее сорвет с петель. Отец посадил Тamarку на колени.

— Ну что ты, дочка, — утешал он ее. — Это же буря, ветер-казахстанец, а еще ее называют «Троицким дождем». К рассвету продует, и день обязательно будет солнечным и тихим.

Утро и впрямь было безмятежно и солнечно, о ночной буре напоминали лишь причудливые песочные барханы-свеи, разбросанные по двору. У соседнего подъезда махал лопатой дворник, потому что дверь изнутри невозможно было открыть, так крепко занесло ее песком.

Отца не было, он уехал на работу. На кухне мы нашли несколько яиц, сваренных вкрутую, в чугуне горячую картошку, а на блюде рдела гора редиски и кололись острыми шипами молоденькие огурцы.

Футбольная команда

С балкона мы оглядели большой двор, ограниченный двухэтажными светлыми домиками с эркерами и остроконечными крышами над ними, с разболтанными качелями и перевернутыми лодками у подъездов.

— Зачем лодки? — спросил я жилистого мальчонку, лихо перебрасывающего с ноги на ногу футбольный мяч.

— А то, как же, — ответил пацан и, сделав особенно лихой финт, забросил мяч на наш балкон. — Весной лодки спасают, ведь вода в половодье к самым подъездам подходит, улицу Малышева и базар к чертям топит. Меня Сашкой зовут. А ну, слазь мяч пинать, или слабо?

Мне было не слабо. Тamarку поставили вратарем меж двух кирпичей, потом в нашу игру ввязались Сережка, Вовка, длинноногая нескладеха Линка, подвижная как ртутный шарик, Лидуха, а уж потом во вторые ворота встала важная толстуха Инка — все из нашего дома. Поручили судейство самому младшему из нас — Шурке. Он свистел в мильтонский свисток, останавливал игру и то и дело назначал пенальти. По совести, и без нее.

Тогда мы дрались и тут же мирились, потому что уж очень захватывающей складывалась игра. Мне кажется, в тот самый первый день жизни в Троицке у нас сложилась футбольная команда нашего дома, сложилась бескорыстная и крепкая детская дружба.

Отчаянный голод остановил игру.

— Чего бы пошамать? — спросила Лидуха. — А ну, пошаримся по домам! В большой закопченный казан собрали все, что у кого было: хлеб и заварку, молодые огурцы и вареные яйца, луковицу, крупу и кусок ржавого сала. — Остальное в поле найдем, — сказал Сашка, и мы двинули гурьбой на реку Увельку.

Пока пацаны, засучив штанины, удили вертких брусковатых пескарей, Томка и Инка чистили ворованную картошку, бесстрашная Лидуха и долговязая Линка, крадучись, набрали в городском плодпитомнике недозрелой смородины и вишни, Гамаль и Шурка стояли «на шухере» и тихим свистом предупреждали девчонок о приближении сторожа-обходчика. Пока в казане доходил кулеш из свежей картошки, перловки, сала и рыбы, мы излазали каменистый левый берег реки и наловили с полведра черных дремучих раков. Надо ли говорить, какое пиршество у нас получилось!

До дома было рукой подать, и потому мы не спешили выходить из реки. Вернулись, когда на востоке робко высветился молодой серпик луны, а в городке дизельного завода

(так он назывался) уже во всю шел родительский переполох. Конечно же, досталось мне, как самому старшему, досталось Сашке, Сережке, дылде Линке. Томке не досталось: она сказала, что все это Толька затеял, с него, дескать, и спрашивайте. Отец спросил...

Здравствуй, город

Утром меня разбудил разбойничий свист и щелчок камешка в окно из рогатки. Под балконом собралась вся наша футбольная команда.

— Толям, забирай Тамарку-предательницу и, айда в город гулять!

«Гульбу» мы начали с базара, что и по сей день находится через дорогу.

Вначале мы попытались вывести из себя здорового двугорбого верблюда, что презрительно оглядывал людское базарное месиво со своего колокольного роста. Гамалька закручивал ему хвост, а Шурка все пытался отдавить верблюду тупые изогнутые когти на ноге. Верблюд равнодушно убирал ногу, а когда ему это, наконец, надоело, он наступил на Шуркин ботинок, Шурка заорал благим матом и в тот же момент Гамалька получил увесистый плевок в свою татарскую ракчинку. Мы больше не трогали верблюда, а его хозяин, старый казах в войлочной островерхой шляпе мирно пил под навесом чай из пиалы и беззвучно смеялся, утирая щелки глаз рукавом халата.

Потом были «семенники», огромный ряд торгашей с подсолнуховыми семечками на любой выбор. Тетищю, нашу соседку по купе, я увидел сразу.

— Каленые, соленые, жаренные на масле! Налетай!

И налетали, и брали: каленые, соленые, жаренные и впросьрь, с гнильцой...

— Толя, Тома, душеньки мои! Пробуй на выбор, выбирай, покупай, чай недавние соседи мы были по «Троицкому барыге!»

Я пробовал из разных мешков, отводя глаза тетищи, а в это время девчонки ссыпали жменями в карманы отборное семя. Нет, мы не жулики и не жмоты.

Тут же на базаре, вспомнив свое «челябинское умение» я разгромил вчистую троицких картежников в «очко», и мы немедленно благоразумно утекли. Деньги я разделил по-братски, а часть отдал полуголодным пацанам-шарамыжкам, как и мы, шастающим по базару в поисках «чего бы пошамать».

Потом были площадь и дивный Михайловский собор, белой свечой ввинченный в лазурное небо. Была мечеть по улице Ленина и заунывный древний голос муллы, взывающий прихожан с многогранника высокого минарета к вечерней молитве. Был величавый золоченный столп с державой и крестом Свято-Троицкого собора, многократно пробитые навывлет красноармейскими пулями, а он все равно державно высился и плыл в выгоревших от зноя небесах над степями, над зелено-синими струями тихого Уя-реки.

Мы опять вернулись очень поздно, но не оживленные, как вчера, перемазанные сажей, а какие-то притихшие, просветленные и, наверное, оттого ни у кого из наших родителей не поднялась в тот день рука, ни у кого с уст не сорвалось бранное слово.

«Наша команда»

Мы отлично научились владеть мячом и хорошо сыгрались. Дворовые пацаны (кроме нашего дома) — все, как один, члены сборной юношеской футбольной команды города, откровенно презирали нас и называли не иначе, как «бабьей командой». Чего тут скажешь, коли половина футболистов у нас, действительно, были девчонки. Хотя, когда мы сражались подвезд на подвезд, «дворовые» (мы их так называли) частенько глядели нашу игру, и, мне казалось, учились у нас.

Впрочем, самые главные «финты» мы разучивали на берегу Увельки, в стороне от посторонних глаз. И ждали вызова. Он пришел. Это был Пашка, кривоногий крепыш, виртуозно владевший мячом и капитан дворовой сборной команды.

— Мы вызываем вас на матч. Или слабо?

— Не слабо! — ответил я.

— Ну вас всех к чертям! — немедленно заныла Тамарка. — Так они же нас сотрут в порошок и каждого подкуют на все четыре ноги.

— Не подкуют, — сказала решительная Лидуха, — потому что мы — команда!

— Пусть только попробуют! — сказала Линка-долговяз, мы тоже умеем лгаться!

Сомневаться в этом не приходилось. У Линки были такие длинные ноги, что обвести ее с мячом было невозможно, куда не направь мяч, везде его доставали Линкины лапы, и лягалась она ими со страшной страусиной силой.

На матч собралось много людей. Пришла делегация из местного ЖКО, пришли жильцы из соседних дворов, чтобы поглазеть на разгром «бабьей команды», целиком приперлась амурская футбольная команда, судейский свисток доверили ее капитану, справедливому и невозмутимому Олегу.

С первой же минуты «дворовые» смяли наши ряды, перешли в жесткое наступление по всему полю и били, били по нашим воротам. Тяжко пришлось Гамальке, он отражал удар за ударом, едва успевая смахивать с лица пот тубетейкой. Гол! Его вцепил кривоногий Пашка.

— Го-ол!!! — тотчас же прокатился по двору рев болельщиков. — Лупи бабью команду!

Мы начали с середины поля, но не успели выстроить защиту: длинная диагональная передача и второй мяч влетает в наши ворота. При счете 2:0 мы уходим на перерыв.

— Мы проиграли, мы проиграли, — редела Тамарка, размазывая по лицу грязные слезы.

— Нет, мы обязательно выиграем! — зло кусая кулаки, сказала решительная Лидуха.

У Сережки болела нога, его незаметно подковал кривоногий Пашка.

— Учтем! — эхом отозвалась Линка.

— Толька, а давай с нашего финта начнем? — предложил Сашка.

Мы опять разыграли мяч в центре поля и, подняв его в воздух, я принял его на свою лысую башку, передал мяч на лысую башку Сашки, он снова передал его мне на голову, и вот они чужие ворота... скатил мяч под правую ногу. Удар!

— Го-ол!! — это уже орут наши девчонки. — Лупи дворовых!

Еще раз нам с Сашкой удалось повторить этот финт. 2:2! Дворовые разъярились и потеряли контроль. Пашка в открытую подковал Линку, а она, падая, так лягнула дворового капитана, что тот расшиб лоб и больше уже не мог играть. Судья Игорь справедливо удалил обоих с поля до конца игры.

Удаление виртуоза мяча Пашки стало невосполнимой потерей для дворовых, игра их расстроилась. А когда в штрафной площадке снесли с мячом Лидуху, Олег назначил пенальти. Короткий неукротимый Лидухин разбег и... мяч влетает в левый верхний угол.

— По-обеда!!! — это громче всех орет Тамарка. — 3:2!! Я же говорила, что мы победим!!!

За победу от ЖКО мы получили почетный вымпел, а потом выступил начальник ЖКО. Он сказал, что не стоит делиться на «бабью» и «дворовую» команды, потому что мы все из одного — НАШЕГО — двора и предложил назвать общую футбольную команду «Наша команда».

— Даешь «Нашу команду»! Ур-рааа! — дружно прокатилось над двором. Но и это не все. Женщины нашего двора приготовили сюрприз — испекли два огромных пирога — один с картошкой и луком, а другой с изюмом и урюком. На всех хватило!

ЕЖОВЫ

Во втором подъезде нашего дома поселилась семья Ежовых. Водитель «пятитонки», грузовика ЗИЛ-164, — дядя Миша работал на строящейся Троицкой ГРЭС. Это был

кряжистый неразговорчивый человек с руками-кувалдами и лохматой черной головой, которая почему-то напоминала кудлатую спину нашего дворового барбоса Джека. У него не было глаз, потому что они всегда скрывались в невероятной чащобе черных бровей и, казалось, удивительным, как он мог видеть сквозь них дорогу.

Совершенной противоположностью дяде Мише была его жена тетя Катя, — подвижная, несмотря на свою полноту, с добрым большим лицом и мягким хохлацким говорком. У нее не закрывался рот с утра до ночи, и до всего-то ей было дело.

Ну, а их дети — «ежата», как немедленно стали называть Вовку, Катюку, Светку, Ритку, Ваньку (уже и не помню, сколько их там было) — как один смуглые, черноволосые, не только внешностью, но и своей настырностью — скорее походили на цыганят.

Вовку, моего годка, опробовали в нашей футбольной команде и сразу исключили. В первой же игре против амурской футбольной команды он забил два гола в свои ворота и тут же в назидание, как сказала моя сестра Томка, Вовку «подковали на все четыре копыта». Словом, как игрок он был совершенно пропащим, зато враль и фантазер — каких поискать. Сумерки собирали пацанву на здоровенной плоскодонной лодке, что лежала вверх дном у нашего подъезда. Чем больше темнело, тем страшнее становилась Вовкина брехня, и вот что странно: черные его глаза начинали посверкивать жутким холодным огнем.

Он мог без устали рассказывать про Уйский собор, про подземный туннель-переход под рекой, он якобы начинался под одной из гранитных плит храма и выходил в степи, в районе бывшего Менового двора. Вовка рассказывал, что под нашим домом на случай атомной войны построено секретное бомбоубежище, что охраняют его «резиновые мужики», а еще он знает, где закапывали тела людей, расстрелянных в Троицкой тюрьме, и где зарыл свое золото Емельян Пугачев, которое до сих пор охраняет его бессмертный воин. Девчонки от страха ахали и жались друг к другу. Пацаны тоже поеживались и... молчали. Ну, что возьмешь с брехуна!

«По Муромской дорожке...»

Как-то раз в конце рабочей недели дядя Миша пригнал к дому свой грузовик.

Он заглушил мотор, проверил крепление бочки с бензином в правом переднем углу кузова, попинал и подкачал колеса ручным насосом, вытер обильный пот с лица и сказал, нет, хрипло проворчал, ни к кому не обращаясь:

— Ну, кто со мной завтра в Челябину поедет? Сбор в пять утра.

Захотели поехать мы, Столяровы, захотели немедленно поехать Макеевы, Садовниковы, Парфеновы, Салецкие и... чуть ли не все «ежата».

В четыре мы уже сидели на холодных от утренней росы деревянных скамейках, перекинутых от борта к борту дяди Мишиной машины. Ребяшня щипалась и хохотала, мужчины курили, женщины, нервно позевывая, кутались в шали, тетя Муся и моя мама штопали на электролампочках носки, — путь предстоял не ближний.

...Колеса «пятитонки» осторожно перебрали бревешки хлипкого мосточка через болотистый ручей у села Клястицкое, дядя Миша поддал газу, и машина с ревом понеслась по спящей деревенской улице. Где-то невпопад заорали петухи, взмыли ввысь тонкокрылые стремительные стрижи, с тревожным гогогом расплескалось сонное гусиное стадо. И сразу же за селом мужчины загрохали кулаками в железную крышу кабины.

— Эй, Миша, тормози!

Дядя Миша ошалело вылез на ступеньку.

— Чево случилось, мужики?

— Позавтракать надо, стало быть...

Женщины растелили на траве скатерть, нарежали колбасу и хлеб, открыли банку малосольных огурцов, мужчины загремели стаканчиками, а мы, ребята, достали футбольный мяч и разделились на две команды. Очень здорово было бегать по поляне. Росистая трава обжигала голяшки, мяч вымок и оттого удар получался особенно крепким.

— Эй, пацаны! — это орет дядя Миша. — Голос у него стал не таким хриплым и заметно повеселел. — Кончай игру, айда в машину!

В кузове запах свежего сена, его набили между лавок и теперь можно было ехать лежа, глядя в аквамариновую высь. И снова в лицо то туман низин, то попеременно дух ржаных полей и аромат чабреца и полыни — все это дыхание молодого утра.

По Муромской дорожке
Стояли три сосны...

Это поют женщины. И, хотя наши рытвины и ухабы очень приблизительно можно назвать «дорожкой», и нет вдоль нее сосен, а все березы да осины, тальники да до одури цветущий шиповник, женские голоса очень красивы и слажены, — все это наша дорога.

Потом женщины расстелили скатерть-самобранку на берегу крохотного безымянного озера, что возле села Ясные поляны. Здесь мы до посинения купались, а наши отцы старательно и дружно выводили мою любимую «морскую» песню:

Прощайте скалистые горы,
На подвиг отчизна зовет.
Мы вышли в открытое море...

Скалистых гор не было, вдоль плоских берегов стеной стояли рогаз и ежеголовка, а вот дно было настоящим морским, с бархатным песочком, а кристальная вода в солнечном свете отдавала йодом и небесной лазурью. Потом была деревня Половинка, где мы выпили несколько кринок парного молока, потом — деревня Ключи, где я в пруду, покрытом рдестом и кубышкой, поймал здоровенного окуня-горбача. Потом дядя Миша полностью опустил стекла в кабине, а наши матери больше скатерть не расстилали: дяде Мише до Челябинска надо было хорошо «выветриться».

В Челябинск приехали во второй половине дня. В центре, на улице Елькина, дядя Миша остановил машину, вылез на ступеньку и осмотрел себя в боковое зеркало.

— Чево это, ребята, у меня сегодня рожа красная, ровно светофор запрещающий горит. Видно, я сегодня крепко на солнце загорел...

Еще он сказал, что сейчас немедленно поедет на базу за «метизом», а завтра он будет нас ждать на этом же месте в шесть утра.

Возвращение

В шесть утра дядя Миша уже покурил в кабине своей «пятитонки». Он был особенно хмур, его брови сомкнулись в самую невероятную чащобу, а небритая рожа стала походить на разбойничью. «Метиз» — два ящика болтов и два ящика гвоздей — сиротливо ютился в левом переднем углу кузова, и мы напрасно опасались, что из-за этого груза всем не хватит места в машине. В путь!

Первую скатерть-самобранку мы расстелили вынужденно — едва ли не у самого поста ГАИ, что на выезде из Челябинска, потому что у дяди Миши «на выстрел шарахнуло колесо». Дядя Миша хлопнул дверцей и, будто дворового пса Джека, озадаченно почесал свою черную кудлатую голову.

— Эй, ребята! — он приподнял чащобу бровей, и я впервые увидел его глаза. Они неожиданно оказались ярко-рыжими, а райки глаз вдруг вспыхнули добрыми веселыми огоньками. — А ну, скидавай запаску!

К дяде Мише подошел мильтон, потянул носом, но мужчины отвели его в сторону, пошептались с ним, побулькали, и вот сержант расслабленно подошел к нам, смачно хрустя малосольным огурцом вприкуску с колбасой.

— Ладно уж, товарищи, ремонтируйтесь и закусывайте. Но только, чур, без безобразия мне!

«Безобразив» не было ни у Коркино, ни у Еманжелинки, ни у Красноселки, только всякий раз после этих остановок песни становились все шире, все раздольнее, а на подъезде к Кичигино дядя Миша на ходу вылез по пояс из кабины и совсем весело гаркнул, заглушая рев мотора:

— А чево, ребята, не заехать ли нам по грибы?!

— По грибы! По грибы! — дружно заорал ему в ответ кузов.

В Кичигинском бору наломали груздей.

...Мы въехали в Троицк, в неподвижную его пыль, поднятую городским стадом, в его раздольный сиреневый закат, когда на востоке уже заискрилась робкая звездная пыль. Колеса грузовика побежали по песчаному дну Увельки, сиреневый отраженный водоем свет лег на лица женщин, и они оттого внезапно помолодевшие и красивые затянули:

Над широкой рекой
опустился сиреневый вечер,
И катилась луна,
доголая в просторах степных...

Река была неширокая, а луна — объединенная и размытая. А просторы... да вот же они вокруг нас!

Девчонки притихли и жались к матерям. Меня обнял отец. Было тепло и уютно под сильной его рукою, горло перехватил спазм и почему-то... мучительно хотелось тихонько заплакать.

Мой дом, наш двор

Квартира № 9 в нашем доме была коммунальной. Две комнаты в ней занимала семья Шарамыгиных — плечистый и рослый монтажник дядя Коля, его жена малярка Лиза с вечно заспанной дочерью Иркочкой, в третьей комнате жила вдовья тетя Дуся, наш дворник. Лизу за глаза звали Лиской, наверное, за ее пронырливость и лисьей сытую мордочку с острым носом. Тетю Дусю звали за глаза Дульцинеей, но почему? Никто толком ответить не мог, уж очень не вязалась ее дубовое обличье с утонченной внешностью придворной дамы испанского гранда.

Женщины часто ссорились на кухне. Деятельная кипучая натура Лизы, как утлое суденышко, налетало на каменную невозмутимость уютной тети Дуси.

— Отстань, Лизка! — мрачно говорила тетя Дуся.

Лизка не отставала и все насакивала на Дульцинею.

— Отлипни, сатана!

«Сатана» не «отлипала» и ввертывала матюк. Меж соседок проскакивали искры, и буйно вспыхивало пламя ссоры. Мужики на лавочке, что под окном коммуналки, вкручивали в землю окурки и с восхищением слушали забористую ругачку женщин.

Из-за чего сыр-бор? Из-за Лизкиного пристрастия к стирке. Два раза в неделю она перестирывала постельное белье и скатерти, мужнины рубахи и подштанники, свои платья и ночные рубахи, ковры и половики, фуражки и тапочки, пальто и одеяла. Стирала велюровые шляпы дяди Коли! Замачивала Лиза белье в общей ванной, и день-два под страхом ужасного скандала в нее не было ходу никому. А еще через день двор расцветчивался разноцветными тряпками, словно на Севастопольском рейде сошелся на празднество и разукрасился приветственными вымпелами весь Черноморский флот.

Ну, а если небо хмурилось и накапывал дождь? Тогда жизнь для обитателей квартиры № 9 превращалась в сущую пытку. Обе комнаты Шарамыгиных, общая кухня и коридоры неизменно переkreщивались веревками, по ушам и плечам хлопало мокрое белье и перемещаться по квартире можно было только в полуприсяд.

Однажды Дульцинея, пробираясь ночью в туалет, спросонья не справилась с таким вот способом передвижения, нечаянно закрутилась в мокрую простынь, и, матюкнувшись, грохнулась на пол.

...Это была суцая Варфоломеевская ночь. На дикие визги Лизы, на басовитую ругань тети Дуси, поминавшую Лиску и всех чертей, сбежался едва ли ни весь подъезд. Дульцинею с трудом вывинтили из пододеяльников, на лбу у нее наливался здоровенный фингал, а Лиска орала благим матом, что ни за что не допустит еврейский погром и била, все била тети Дусины суповые тарелки. Погром остановил дядя Коля, как тать, неслышно появившийся на кухне в семейных трусах ниже колен.

— Молчать! — рявкнул он медведем и... дал жене в глаз. — Это чтобы всем поровну было!

Стало тихо. Соседи, вошедшие в раж и разделившиеся на два лагеря, судившие: кто прав, а кто не прав, разочарованно расходились по своим постелям.

Представление кончилось. Но уже через час их вновь разбудили. Из квартиры № 9 грянула песня.

Каким ты был, таким и остался...

Это ревел свою задушевную песню дядя Коля. В тон ему попискивала Лиза, мужским басом поддерживала их тетя Дуся. Они пили самогонку, что в век не переводилась у Лизы, и мир был навеки восстановлен. На утро Дульцинея прикрыла фингал старым беретом, надела дворницкий передник и взяла в руки метлу. А Лиска пудрой «Красная Москва» обильно присыпала фонарь под глазом и спешно двинула в свою бригаду маляров. У них «синим пламенем горел квартальный план».

Впрочем, дело не в одной только стирке. Лиза, по неистребимой привычке, натаскивала с работы известь, шпатлевку, масляную и эмалевую краски и, как минимум раз в месяц перебеливала, перекрашивала всю коммунальную квартиру. Тетю Дусю просили «на час-другой выйти из дому», но из подъезда первыми вылетали коты с горящими, как факелы глазами, воя, словно наступил их последний час. И на день-два пропадали бесследно.

Вслед за котами покидали свои квартиры жильцы, даже выползала, потерявшая чутье из-за фронтальной контузии бабушка Рейтузова. Мужики держались дольше. Запах ацетона заполнял оба этажа, а отец стучал в двери квартир и просил, чтоб не разжигали примусы, и не дай Бог, кому закурить, чтобы не взлететь всем домом к чертям, в какие-то там «тарары».

Дульцинея очень сердилась, но после очередного «примирения» на кухне, простила Лиске, как она говорила ее очередной «фортель». Да и как не простить, коли полы в комнате у Дульцинеи всякий раз после того лоснились королевским лаком, а стены сверкали снежной голубизной. Так и жили в девятой квартире, любя и матерясь, помогая друг другу в труде и горе.

Горе

Я увидел однажды Дульцинею в панихидном платке. Он наполовину закрывал ее мужское лицо, а грубый нос в оспинку почему-то выпер на особинку.

— Теть Дусь, что случилось?

Дульцинея приоткрыла платок, скрывающий вторую половину лица, и я обмер, — она была черна, как черен деготь, которым Лиска красила двери в подвальные кладовки, чтобы не было мышей и тараканов.

— Теть Дусь, — только и мог ошалело выговорить я. — Так где ж тебя так утوراзило?

— Не говори, Анатолий! Это все Лиска, пасть ей порву до самой задницы. Понимаш ли, покрасила мою тумбочку на кухне. Высохло. Она и говорит, сатана:

«Можно, Дуся, открывать». Тянула я дверцу, тянула, — ногой прижала, было, а дверца — жахх!!! И по мордасам меня хлестанула! Нет уж, на этот раз я ей, собаке зашпаклеванной, не прощу!

Тетя Дуся по стыдливости своей неделю не выходила мести наш двор. А чтобы у нее не было прогулов, за нее мели мы, пацанва. Моя мама и Лиза прикладывали к ушибу то лед, то траву бодягу. А когда в нашем городке помер общий друг Дульцинеи и Лиски — Ленька Павлюк, — завзятый троицкий барахольщик и пьяница, тетя Дуся и Лиза возвращались с его поминок домой вдребезги пьяными, и здесь же во дворе насмерть разодрались, им дружно помогали соседки.

Дядя Коля, как атомный ледокол «Ленин», что раскалывает дремучие арктические льды, развел в стороны Дульцинею и Лиску и миролюбиво протрубил:

— Ну, будя вам, бабы, биться, ровно на Ледовом побоище! Лучше споем в память моримана Леньки Павлюка, ведь, мы с ним на одном крейсере служили:

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет,
Мы вышли в открытое море...

А женщины, вздохмаченные потасовкой, в миг отряхнувшись и оправившись, вдруг дружно и красиво его перебили:

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного пусть поспят...

Женщины шли волной, обнявшись, а мне вдруг увиделось, как перед гробом забулдыги Леньки Павлюка шли эти самые женщины и несли чередой на черных подушечках ордена Славы, Красной звезды, Красного знамени и медали: «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Берлина». Уж мы-то пацаны знали тому толк!

Лиза и тетя Дуся остановились на момент, а потом:

— Девчата, а вы помните Ленькину любимую?

Я знаю, в тот миг как будто бы приподнялись и особенно дохнули нам в лица ветви цветущих холодных сиреней и тотчас смолкли ночные птицы:

Вернулся я на Родину.
Шумят березки встречные...

Я вспомнил ту, самую песню, что по вечерам пел наш дворовый друг и увечный инвалид войны Леонид Павлюк.

Питомник, огород и тетя Лампа

Вдоль правого берега реки Увельки и под боком с городком дизельного завода в то время были разбиты плантации городского плодпитомника. А между городком и питомником узкой полосой тянулись наши огороды. На огородах кое-где стояли шалаши, в которых коротали лето старики «для догляду» за репой и огурцами, морковью и арбузами, что обильно родила земля.

«Догляд» за огородами нашего двора вершила Евлампия Митрофановна Рейтузова или тетя Лампа, как звали ее запросто мы — ребятня. Это была тучная, но очень подвижная старуха с озорными глазами, полными лукавства. Говорили, во время войны она партизанила на Брянщине, в одиночку брала «языков», а в один из боев получила сильную контузию, после чего у нее начисто пропал нюх, но, сказывают, нет худа без добра — после контузии видеть она стала лучше, чем в трофейный «цейсовский» бинокль.

Мы в этом не раз убеждались. Стоило неосторожно задеть подсолнух, или шевельнуть арбузную плеть, как вот она тетя Лампа, — стоит над тобой горой этакое партизанище и радостно хохочет, будто очередного фрица в плен взяла. Бежать? От нее не убежишь, пробовали...

— Попался, сорванец? А ну, дай сюда ухо!

Дернет тетя Лампа ухо, не больно, скорее для порядка, потом тебе арбуз сорвет, что поспелее, или шляпу подсолнуха открутит, а напоследок скажет:

— Чтоб без фулиганства, не смей топтать огорода! Лучше ко мне приходи, я сама тебе нарву акkuratно.

И обязательно нарвет, всегда со своего огорода.

У Рейтузовой все росло, кроме малины и смородины. Эти ягодники почему-то особенно хорошо росли только на территории плодопитомника, отделенного от огородных участков шатким дощатым забором. Хозяином питомника мы считали не его директора длинного и скучного, как школьная указка, Ивана Сергеевича Жердева, и, конечно, не грозного сторожа Трофима Гаврилова, вечно под хмельком обходящего по периметру питомник и время от времени орущего в заросли:

— А ну, брысь отседова, жулье! А то, как жажну по ж...пе!!!

Он поднимал стволы и «жахал» по облакам. А однажды и впрямь «жахнул» солью по Сашкиной заднице. Сашка был до вечера и отмачивал неглубокие солевые ранки в целительной воде Увельки.

Хозяйкой питомника все считали агрономшу Александру Ивановну Василькову, хрупкую женщину в очках тяжелой роговой оправы на тонком лице и тяжелым узлом каштановых волос на тонкой высокой ее шее. Казалось, тяжесть волос чуть горделиво клонила назад ее голову и, наверное, это придавало лицу молодой женщины особую пригожесть и одновременно строгий начальственный вид.

Лазы и проказы

Конечно же, у нас были свои лазы в плодопитомник, но их то и дело отыскивал бдительный Трофим.

— Та-а-ак! — победно орал он в небо. — Еще один воровской ход!

Матерясь и жутко дымя махрой, он заделывал лаз колючей проволокой и для надежности вплетал в нее еще и жгучую крапиву. Мы делали новые лазы, но Гаврилов быстро находил их и опять заплетал дыры в заборе «колючкой», которая у него никогда не кончалась и хранилась в крепком амбаре возле Трофимовой сторожки. Это была бесконечная, упорная борьба, но, все равно, мы не оставались без горсти-другой ягодного лакомства.

Самый надежный и всегда открытый лаз был в огороде у... тети Лампы. Он выходил в дикую гущу конопляника и череды по ту сторону забора. Гаврилов обходил гущу, потому что однажды, будучи пьяным в дым, он упал рожей в коноплю и мертвецки проспал в ней до обеда. А после обеда питомник огласился такой забористой руганью, что перепуганные сороки поднялись в самые верхушки высоченных тополей и, волнуясь, и покачиваясь на тонких ветвях, долго наблюдали оттуда, как Трофим мучительно выковыривал из дремучей бороды семена череды.

Мат прекратился только к вечеру, и то после того как обессиленный злобою Трофим не отхватил садовым секатором приличную часть своей бороды. Срез получился чуть наискось, и потому рожа Гаврилова стала кособокой и походила скорее на разбойничью.

Грозный сторож побаивался старухи Рейтузовой. Как-то раз Трофим, крепко погуляв в пивной, решил скоротать дорогу, двинул в питомник не через ворота, а — напрямик, через огород тети Лампы, собирая по пути сапогами длинные огуречные плети. На его пути встала тетя Лампа.

— Уйди, — отмахнулся, как от мухи, грозный сторож.

Старуха стояла как памятник.

— А ну, брысь с дороги! — угрожающе сказал Трофим и выдернул помидорный кол. Но воспользоваться им он не успел, потому что в следующий миг Гаврилов лежал на земле.

— Ты чего это, Митрофановна, дерешься? — растерянно спросил он, не поняв, как все произошло.

Старуха не ответила, подняла кол, чтобы поставить его на место, но моментально протрезвевший сторож воспринял это однозначно, — он уже несся назад, испуганно охая и подвывая:

— Ох, убивает! Ох, убьет, к чертям, партизанище-уркаганище, сумасшедшая эта старуха!

А партизанка беззлобно смеялась ему вслед и коричневыми ладонями все смахивала слезинки, скатывающиеся из ее «цейсовских» глаз.

После схватки с Трофимом тетя Лампа безоговорочно перешла на нашу сторону. Она зорко следила за передвижениями сторожа, а когда он уходил на безопасное расстояние, командовала:

— Сыпь, ребята!

Мы «сыпали» в питомник через ее лаз, а она стояла на «атасе», надежно прикрывая нас от внезапного появления Гаврилова. Наденет партизанка белый платок — знак, приближается сторож. Стоит простоволосая, — нам нечего опасаться, Трофим далеко.

— Только, пацаны, не фудиганьте, веток, чур, не ломать, — всякий раз напутствовала она. — Берите ягоду, чтобы только наесться. Мы очень дорожили ее доверием и выполняли наказ, хотя не забывали старуху, приносили ей в фуражке то малину, то смородину. Партизанка укоризненно качала головой, но от ягод не отказывалась, — тут же на тагане варила изумительное варенье, в которое добавляла духовитые травы.

Варенье мы ели вместе с тетей Лампой, угощалась лакомством за чашкой чая и агроном Александра Василькова, она уважала веселую старуху и, при случае, любила заглянуть к ней на участок.

Тетя Лампа хлопотливо потчевала милую гостью, а Александра не уставала записывать неисчислимые рецепты кулинарного мастерства старой партизанки. Агрономша не спрашивала, почему в огороде Рейтузовой не переводится восхитительное ягодное варенье, а, быть может, не догадывалась. Впрочем, когда Трофим «отлучался в город», обязанности сторожа переходили к ней, а тетя Лампа почему-то забывала про свой «атас». Александра, обходя по периметру питомник, разговаривала сама с собой:

— Та-ак, что здесь у нас? Опять тля навалилась, запишем — надо сделать обработку. А вот здесь самая крупная малина поспела, запишем... — Она чего-то отмечала карандашом в маленькой записной книжке. — Идем дальше...

Неторопливый спокойный голос агрономши служил для нас сигналом о ее приближении. Мы немедля замирали, а когда агрономша проходила, тотчас перебирались в малинник с «самой крупной ягодой».

Засада

Но однажды, когда тетя Лампа ушла в город за хлебом, а агрономша осматривала удаленные вишневые посадки, мы попали в засаду, хитро устроенную Гавриловым и директором Жердевым. Все удрали, только замешкался рахит Сережка Лалаев, а моя насмерть перепуганная сестра Тамарка угодила прямо в лапы Трофима. Их посадили в амбар возле сторожки, где хранился садовый инвентарь, минеральные удобрения и «бесконечная» колючая проволока. Задвинули засов, Трофим стал на стражу — «До прибытия мильтонов!», — сказал он.

Сережка-рахит, ревел, Тамарка выла белугой, приговаривая:

— Дяденьки, дяденьки, за что вы посадили нас во сыру-тюрьму? За что били по рукам белым? За ягодки? Так ведь я их уже съела, и Серега, он, паразит, гораздо больше слопал... Ну, освободите же нас, родимые, мы больше не будем их есть и лопать, клянусь — век свободы не видать!

Это бесило Жердева потому, что Тамаркины стенания отвлекали от четкости мысли: заявление в милицию получалось длинным и бездоказательным. Он рвал написанное и начинал снова.

— Во, и воровской язык ее родня, по фене ботает! — приговаривал он и, тоскливо глядя в окно, засиженное мухами, все грыз и грыз деревянный кончик ученической ручки. — Уж я вам пропишу, чтоб неповадно было тырить общественное добро...

Услышав амбарные вопли, на помощь подоспела агрономша.

— Иван Сергеевич, у нас беда!

— В чем дело, Александра Ивановна?

— На вишню напал долгоносик, нужна срочная консультация!

Директор отбросил перо, мрачно приказал Трофиму:

— Пуще глаза стеречь жуликов, мы на них всю коровью поправу от пьяного твоего недогляда спишем.

Он плюнул и поплелся вслед за агрономшей на дальние вишневые посадки.

А в это время тетя Лампа по-пластунски (лаз был слишком узок для ее грузного тела) одолела забор, конопляную гущу, встала памятником и окликнула Гаврилова.

— Как это?.. Как это ты, Евлампия, границу перешла? — изумленно спросил он. — И зачем?

На всякий случай сторож отступил к сторожке.

— На счет «Как?» мы, Трофим, говорить не будем, ведь ты знаешь, для меня тропинки не торены. А приглашаю я тебя на свой участок, для замирения, есть у меня на этот случай наливочка...

Гаврилов охотно, но чуть в отдалении от тети Лампы, поплелся через ворота на участок старой партизанки. Белый головной платок она держала в руке...

Мечь

Мы с Сашкой поняли условный знак. Отодвинули засов, выпустили рахита Серегу и замученную слезами Тamarку, из мешка вытряхнули в амбаре безобидного дворового пса Тобика. Потом подвесили под притолокой ведро жидкой извести, приготовленной для побелки сторожки, и привязали дужку ведра веревкой к дверной ручке.

В гуще конопляника сели наблюдать.

Трофим вернулся трезвым.

— Ну, и партизанище-уркаганище, — ворчал он. — Тьфу, к чертям! Вместо наливки чая грузинского налила! Чтобы, значит «кишки прополаскивать». — Подошел к амбару. — Ну, вы, ворье, почему примолкли, али уж покаялись, заср...цы?

Он грохнул в дверь кулаком. В ответ раздался волчий вой обезумевшего от темноты и одиночества нашего вольнолюбивого и независимого Тобика. Сторож отпрянул.

— Знать-го, не сносить нам с Иваном Сергеевичем головы, видать, от страха пацаны взбесились...

Он отодвинул засов, дернул ручку... В тот же момент на яркий свет пролетел черной молнией Тобик, а на голову Трофима опрокинулось ведро жидкой извести...

Простите, уважаемый читатель, но такими мы были в 1956 году.

Любовь Власова

Стая

Я в душе всегда мечтала
Белокрылой птицей быть,
Только в стаю я попала,
Где должна по-волчьи выть!

Чужды мне её повадки,
Но приходится терпеть,
Ухватиться в мертвой хватке,
И попробовать взлететь.

Волки могут выть и злиться,
Но такую мне не стать,
Я хочу взлететь, как птица,
Научиться бы летать!

Предавать мечту не смея,
Жду и верю, а пока...
Белых крыльев не имея,
Громко вою в облака.

Жаль мечтам моим не сбыться,
Слышу злобной стаи рык,
Отпущу мечту, как птицу,
Ощущая острый клык.

Безнадежно я мечтаю,
Белокрылой птицей быть,
Коль попала в волчью стаю,
То должна по-волчьи выть!

Нахлынули воспоминания

Нахлынули воспоминания,
Мелькают дни, как мотыльки,
Любви приятные страдания,
Уж так далеки, так редки.
А я все память будоражу,
И напрягаю, как могу,
Чтобы найти свою пропажу
На том далёком берегу.
Нахлынули воспоминания
В прозрачной дымке светлых грёз,
Судьба дала нам испытания,
Теперь задуматься в серьёз,
Казалось, было все недавно,
А ведь прошли уже года,
Когда мы думали о «главном»,
А попрощались навсегда.

Так получилось не нарочно,
А по иронии одной,
Я уезжала очень срочно,
Прощаясь с тёплой страной,
Глаза слезами наполнялись,
От огорченья и тоски,
Мы, не желая, расставались,
Мы даже не были близки.
Казались брызгами от моря,
Твои глаза при свете дня,
Я убедилась в этом вскоре,
Как ты тогда любил меня!
Нахлынули воспоминанья,
Как шквал несбыточной мечты
В порыве пылкого признанья,
Коленопреклоненный ты!
Ты умолял меня остаться,
А я, поверь мне, не могла,
Так больно было расставаться,
Но уезжать пришла пора.
Теперь я часто вспоминаю
Твой взгляд красноречивей слов,
В сердцах разлуку проклиная,
И славлю первую любовь!

Бескорыстная любовь

Жила среди хаоса Любовь,
Была в ней вера, страсть и сила,
Однажды сбив колени в кровь,
Она смиренья попросила.

Потом устало поднялась,
Не видя нашего участия,
И безнадежно поплелась,
Искать себе другое счастье.

Ведь мы не верили в неё,
Обидев с самого начала,
Но бескорыстнее её,
Я в этой жизни не встречала.

Любовь печально побрела,
Своей нелегкою тропью,
И может, где-то обрела,
Себе смиренья и покоя.

А мы Любовь не берегли,
Вернуть её не попытались,
Как мы могли, как мы могли,
Зачем нелепо так расстались.

Схватка со страстью

Вся жизнь моя, как на картинке,
Живу открыто, не ропщу,
Хоть на висках уже сединки,
Но старость в дом я не пущу.

Пускай сидит она в потемках,
От бурной жизни вдалеке,
Мне не нужны её котомки,
Бегу по жизни налегке.

Вся жизнь моя, как на ладошке,
Живу открыто, не таясь,
По правде, а не понарошку,
Успешно, честно и — сейчас.

Смеюсь над старою каргою,
Что не смогла меня сломить,
И не хочу я быть другою,
Когда могу еще любить!!!

Не уходи

Не уходи в плен мрачной темноты,
Когда душа так просит продолженья,
Когда не сожжены еще мосты,
Без горести, без слёз, без сожаленья.

Не уходи, когда в душе огонь,
Когда любовь фонтаном бурным льётся,
Ты нужную струну в душе затронь,
Пусть чувство эхом в сердце отзовется.

Не уходи, ни ночью и ни днем,
И не считай любовь за униженье,
Когда твоя душа горит огнем
И беспощадно просит продолженья!

Не уходи, прошу, не уходи,
Но ты остаётся повод не находишь,
И сердце так волнуется в груди,
Что ты во мрак безжалостно уходишь.

Вот и все

Ну, вот и все, ты остаешься в прошлом,
А мне держать перед судьбой ответ,
Прошу тебя не будь таким дотошным,
У нашей встречи будущего нет.

Ну, вот и все, так будет даже лучше,
Твоя любовь на сердце выжгла след.
Напрасно нас венчал счастливый случай
У нашей встречи будущего нет.

Но видит Бог, я не могу позволить
Себе наивно верить в этот бред,
И не хочу сама себя неволить,
У нашей встречи будущего нет.

Ну, вот и все разлука неизбежна,
Но расставанья наши я стерплю,
И посмотрю вослед тебе так нежно,
Ведь вопреки всему тебя люблю!

В душе моей еще вопросы будут,
Но знаю я заранее ответ,
Так пусть же меня строго не осудят,
У нашей встречи будущего нет!

Не задавай вопросов слишком много,
У нас с тобой готов на них ответ,
У каждого из нас своя дорога,
У нашей встречи будущего нет!

Ну, вот и все...

Уроки жизни

Вся жизнь сквозь пальцы, как песок,
В одно мгновение просочилась,
Когда в назначенный ей срок
Судьбы пророчество свершилось.

Когда-то я дала зарок:
Хлепать харчи из полной чаши,
Делить с товарищем кусок,
Благодарить за щи да каши,

За хлеб, за соль, за сахарок,
За вкус с годами утонченный,
За самый лучший уголок,
Мне в отчем доме отведенный,

Переступив родной порог
В час утренний или вечерний,
У мудрой жизни брать урок,
Чтобы исполнить долг дочерний.

Пусть не азартный я игрок,
Но видит Бог, что не кичилась,
Брала от жизни хоть чуток,
Да ничему не научилась!

И седину уже в висок
Мне жизнь намеренно вплетала,
И выпрямляла завиток,
Но в ней чего-то не хватало.

Попробую отпить глоток,
Из полной чаши вдохновенья,
Не замутился бы исток
Моей надежды и смиренья.

Любовный треугольник

Течет одиноко Река,
И манит к себе берега,
И оба они хороши,
В них Речка не чаёт души.

Один Берег крут и высок,
Но, кажется, так одиноко,
Что Речка все жметя к нему,
Не зная сама почему?

К подножью его припадет,
Холодной водой обольёт,
Да только высокий утёс,
Воротит от речки свой нос.

Другой хоть пологий и мил,
Но воду он речке мутил,
И кажется Речка сама
Была от него без ума.

И зная характер Реки,
Скрывал Берег все косяки,
Чтоб Речка могла хоть часок
Погреться о теплый песок.

К высокому встанет стеной,
Пологий погладит волной,
И мечется речка меж них,
И каждый для речки жених.

г. Еманжелинск

Татьяна Оленева

Бабулино счастье

Рдею,
Млею,
Таю...
До встречи минуты считаю —
Так растрёпанная, немного дурная,
Молодая бабуля смешная,
Бегу к центру мира я,
Лечу, растопырив крылья,
Переваливаясь, как утица,
С авоськами, где рыба и птица,
И хлеб насущный наш,
То ль лаваш, то ли матнакаш,
Туда, где мои птенцы —
Сами матери и отцы —
Но голодные, куда ж без меня?
И, последний этаж кляня,
Я взбираюсь в поту и пыли —
Далеко от грешной земли
Моё дитяtko свило гнездо!
Но усталость — на после, не до.
Волю ловко сожму в кулак:
Всё о'кей у меня, всё — так!
Ведь главное всего — она,
Опьяняющая без вина —

Нежность
К крохотному человечку,
Моей ласточке, рыбке, сердечку.
Моя внученька, мой малыш...
Ты пока только ешь да спишь...
Мой? Присвоила, как же. Наш!
Ты меня уже любишь, Саш?

* * *

От планеты прыжком оттолкнусь,
Тонко крылышками звеня.
Обещаю, я скоро вернусь,
Чувство неба в себе храня.

Буду помнить потом, как сейчас
Бесподобно легко дышать:
Отпустило — что мучило нас,
Все ушло, что могло помешать.

Между нами — незримая связь:
С высоты, глубины, темноты
Цель одну мне укажет компас,
Мне один лишь маяк светит — ты.

Мой единственный! Ты — мой покой
И тревога, и ночь без снов.
Знаю, был ты всегда вот такой —
Без удержу и без оков.

Трудно мне — но по тонкому льду,
Не боясь и Судьбу не кляня,
Я пройду — и тебя проведу.
Просто, милый, люби меня...

Я довольна

Я довольна. Я довольством до края налита —
Как в фужере хрустальном пьянящий напиток.
Я несу удовольствие, плавно боками качая,
Расплескать не боясь и споткнуться не чая.

Я сияю и всем улыбаюсь довольным лицом —
Так несущка-пеструшка довольна снесенным яйцом.
Так, наверное, зодчий, построивший сам Тадж-Махал,
От восторга краснел и от счастья немножко икал.

Я не просто довольна. Я — гений! Я, в сущности, — маг!
От Земли до Олимпа остался один только шаг!
Вы смеётесь?! Ну, что ж... Но... Не надо хи-хи!
Просто я только что сочинила «нетленку». Стихи.

Я мутирую... в бабу

Я мутирую... В бабу.
Со шваброй наперевес,
Волчицей, глядящей в лес,
Я охочусь за грязью.
Самбу

Танцую с веником,
Шлепанцем топоча,
Заговор древний шепча,
Мой договор с «нахлебником»,
Вором, сорванцом — Домовым!
Чтобы он был моим другом.
Устала.
И голова уже — кругом,
И хочется лечь, но — увы!

Еще не сделано Дело.
Но вот — последний рывок.
Зеркальной себе — кивок,
И можно расслабить тело...

Мартини налью или бренди,
И — нанеся маникюр,
Что-то надев «от кутюр»,
Я мутирую...
В Леди.

г. Сатка

Галина Бакалова

Философское

Вот так бы жить и жить,
Не торопясь, не плача,
Влюбляться и дружить,
Счастливых слёз не пряча.

С мечтой, что рвётся ввысь,
На беды без оглядки,
И песни чтоб лились,
И было всё в порядке.

А сон чтоб был цветным,
И ярким пробужденье.
Всем радостям земным,
Чтоб верить без сомненья.

И жить бы не тужить,
Друзей иметь немало.
И в вальсе закружить,
Когда затосковала.

Надёжный тыл иметь,
Чтоб дом, и муж, и дети.
Чтоб жить и жить хотеть
На этом белом свете!

Бессонница

Вот опять навалилась бессонница,
Тихо, кошкою, в дом мой вошла.
Передумаю жизнь, и припомнится
Вся тоска, что давила и жгла.

Лунный свет поспешил в изголовье
И лукаво щекочет глаза.
В разговоре с собой нет злословья,
Потому что лукавить нельзя.

Я к подушке прижалась щекою,
Сны зову, что ушли, не спеша.
В жизни хочется счастья, покоя,
И была бы спокойна душа.

Поизносилось любимое платье

Поизносилось любимое платье
Сердце устало, устали глаза.
Буду вздыхать, вспоминать, горевать я,
Что без потерь в этой жизни нельзя.

Детские вспомню забавы и споры,
Юности — бал выпускной,
Жизни семейной согласье и ссоры,
Маменьки голос родной.

Вспомню, что дорого, чем поступилась,
Вспомню друзей за столом.
Жизнь на добро никогда не скупилась,
Жаль, что всё это — в былом.

Прожито мною полвека, полвека,
Хочется жить не спеша.
Странно устроена жизнь человека:
Тело — старей, но не душа.

Стали другими мы в новой одежде:
В чудо не верим, не ждём.
Сладко мечталось нам прежде,
Думалось — вечно живём.

Свидание с Карталами

Маленький провинциальный город,
Еду на свидание с тобой.
Лет прошло немало, ты не молод,
Только сердцу моему родной.

Еду на свиданье с детством, с юностью
И волнуюсь — как-то встретишь ты?..
За окном — Урал с его угрюмостью
Гор и несравненной красоты.

В кашке белой летняя опушка,
Поездов далёкие гудки,
Мне здесь ближе каждая кукушка,
И роднее запах у реки.

Заволнуюсь: «Здравствуй, милый город!»
Выгляну в окно,
Дёрну у рубашки белой ворот...
Как же мы не виделись давно!

И пойду искать тот путь-дорогу,
По мосту, и прямо в отчий дом.
У крыльца его всплакну немного
И тихонько оглянусь кругом.

* * *

Мы в этот мир пришли не навсегда,
Сумей, как дар, свой каждый день принять.
И если вдруг нагрянула беда,
Сумей и ей отпор достойный дать.

Не оттолкни протянутой руки,
Не пожалей участия для несчастных.
Творить добро злым силам вопреки —
Удел лишь сильных, храбрых и прекрасных.

Любовь к Отчизне

Любовь к Отчизне — тихая любовь,
Она в душе без знаков восклицанья,
Как голос матери, тревожит кровь,
Как ждёт влюблённый час свиданья.

Любовь к Отчизне — это листопад,
И яблоч спелых стук в глубинах сада,
Над Жасыбаем огненный закат,
Осколки солнца в брызгах водопада.

Любовь к Отчизне — это твой народ,
Душою близок он к любой из наций,
Сильней и крепче Казахстан из года в год,
И всей планете только удивляться.

Разрыв

Разрыв. Ушёл. И всё забыто...
От жалости к себе заплакала душа.
Кто виноват? Шепчу: «Не я, а ты. Ты».
Измена к нам подкралась, не дыша.

Придётся к доле горькой привыкать,
И к холоду в глазах твоих, любимый...
Я никогда себе не смела лгать:
Мечталось о весне. А рядом — зимы.

Полустанок любви

Сонный лик луны обманул весь свет.
На обочине любви тебя рядом нет.
И грядущим днём, в заревом огне,
Мой единственный не придёт ко мне.

От одной версты, до другой версты
Я спешу, тороплюсь вдаль от суеты.
Мне шагать и шагать прочь от пустоты,
К полустанку любви под названием «Ты».

Мне сегодня приснилась весна

Мне сегодня приснилась весна...
Снились почки набухшие клёнов.
Мне сегодня приснилась весна,
Счастье встреч и улыбки влюблённых.

Мне сегодня приснилась весна...
Белый снег превращался в лужи.
Да! Мне снилась сегодня весна,
Ты не снился мне, ты — не нужен!

Ревность

Ты говоришь: «Не сдамся никому!»
А я тебя и не прошу сдаваться.
От наших встреч — ни сердцу, ни уму,
И сердцу только по свету скитаться.

Зачем скитаться в поисках того,
Что рядом, только руку протяни?..
Нет, ты не понял только одного:
Счастливые твои уходят дни.

г. Карталы

В каком виде брал, в таком и отдавай

Посвящается моей матери Евдокии Михайловне (Мукаевой) Ишмамметьевой (1926—1980 гг.)

Росла Ульяна сиротой, не пришлось ей в школе учиться, читать, писать, она не умела, но мало-мальски счет каким-то образом смогла все же одолеть. Замуж выйти ей не довелось, а без мужа родить посчитала величайшим блудным грехом, так и доживала век свой одна. Домик у нее крохотный, уютный, хоть и саманный, с земляным полом. Соседи как могли, помогали, по праздникам несли ей «табаки» (поминальные тарелки нагайбаков), к старости считали ее, чуть ли не святой. Чадолюбивая, нежная душа, не сумевшая по ряду причин, в годы мученического девичества, стать матерью, к старости частенько нянькалась с нами — с соседской детворой. Да и мы не особо-то ждали, когда наши мамы отведут нас к ней, сами от нее почти не вылезали. Ей-то уж, точно, тягостная одинокая старость не грозила. В ней была величайшая внутренняя, молчаливая сила, удерживающая в ее присутствии даже нас детвору от неугомонного, без причинного озорства. Словоблудства, ущербности, юродства, лености не терпела, спокойно, кротко скажет, как щёлоком вымоет дурь. Помню, когда уже я сам женился, моя сестра Полина, учила мою молодую жену с таким уважением, подобострастием обращаться со свекровью, ставя себя в пример, бабушка Ульяна тихонько произнесла:

— Чудно, Поля! Свою свекровь ты уже после ее смерти зауважала? Помню, по живой-то по ней, ты шавкой шмон наводила. Немало язык свой неугомонный об нее почесала.

Получала Ульяна колхозную пенсию в 12 рублей с копейками, долгими зимними вечерами пряла, сучила пряжу, вязала носки и варежки — тоже хоть какая-то денежка. Садила соток по тридцать картошки, с тем, чтобы излишки сдавать государству по 5 копеек за килограмм. Были у нее три гусихи, гусака не держала.

— Зачем кормить дармоеда? — заявляла старуха на досадливую доuku соседок.

Рано весной выпускала она своих к соседским гусям. Тут начиналась баталия! Каждый гусак считал своим долгом отвоевать хоть одну из Ульяниных гусих. Дрались-бились гуси жестоко, калечили-уродовали друг друга. Хозяйки пытались отбить своих гусаков, прогоняли Ульяниных гусей, тогда гусаки перебежали к ней. На все скандалы, журення она спокойно отвечала:

— Тебе, что, прибор гусака жаль? Не сломается, поди.

Чудодейница, подкладывала яйца под гусей вечером ко времени прихода табуна, со словами:

— Кильген, киткэн очон.

Балалар очон.

Уле тере очон —

кетеу булыб чыгыгыз.

— На долю гостей,

на долю детей,

на долю стариков,

на помин душ, выводитесь табуном.

Сколько яиц она подкладывала столько гусенят, и выводили ее гусыни, «болтунов» почти не бывало. У соседок — у кого по 4, по 5, по 2 на гнездо, а у нее не менее 9—10. Женщины зарились:

— Поди, ж ты, даже гусаки как кобели до чужих баб охочи. Ни одного незачатого яйца.

Но каким-то образом, в одно время гуси у нее все же перевелись. Неугомоша Ульяна завела двух уток и селезня. В бытность Хрущева, даже птиц можно было держать не более 10 голов. Имела она ещё 6 куриц и красного драчливого петуха. Уточки несли помногу яиц, она приловчилась эти яйца подкладывать под курей. Клаушки её по 2 раза парили утиные яйца, и только к августу выводили из куриных цыплят. Как сейчас, у меня перед глазами ее изможденные, исхудавшие страдалицы. Уже почти голенькие курочки, пригревающие к себе, шустрых, непоседливых разноцветных цыпущек. Ульяна успокаивающе-дипломатично приговаривала: — С матерью даже августовские цыплята вырастают.

И они у неё вырастали. В середине лета уточки, устав от несения бесконечных яиц сами начинали парить. Селезень от одиночества и безделья изнывал, начинал злодеяния, — топтал, озорник, подросших к этому времени соседских гусенят. На почин соседок к скандалу по этому поводу Ульяна в своей утомленно-примирительной манере, не злобясь, без запала вопрошала:

— Я тебя, Клаудия не поняла, тебе жаль орган моего селезня, или ты ратуешь за девственность своих гусенят?

Утят за лето со всех выводков собиралось голов под семьдесят. Кормила она их мешаниной из конского щавеля и песка, выгоняла на реку. После этого чудовищного корма, утки зубастые, выстроившись в ряд, в змеевидную цепь, вперевалку начинали шествие. Головные, дойдя до реки, разворачивались к дому, последние же только-только еще трогались со двора. Так они у нее целыми днями и курсировали — от дома к воде и обратно. Вечером, уставшие за день от своих рейдов, они затихали. Осенью бабы ходили из дома в дом щипать птицу. Приходили и к Ульяне, она себе оставляла мясо от двадцати голов, остальных распродавала.

Годам к шестидесяти стала Ульяна одной из самых состоятельных бабушек в селе. Когда кому-нибудь нужны были деньги, шли к ней. Никогда никому Ульяна в ссуде не отказывала, видно помня свое безрадостное сиротство. Не знаю я, чтобы кто-нибудь ей не вернул долга. Но всех изумляла не ее безотказная отзывчивость, скромная сердечность, а память. Принимая обратно деньги, она говаривала:

— Какими бумажками брал, такими и отдавай.

В таком возрасте она помнила кому, в каких купюрах и сколько давала. Принимала исключительно в тех же купюрах, замены не допускала. Видно в память о ней осталась поговорка в нашем селе: «В каком виде брал, в таком же и отдавай».

Село разбудил крик

В уютную, теплую тишину воткнулся острый крик отчаяния и разрезал, как скальпелем, ночь на «до и после» пожара. Злое завывание огня слышалось из сеновала учителя Алексея Александровича. Этот случай можно было отнести в «заслугу» неуча и двоечника, но пожар, случившийся три ночи назад у двух изработавшихся старых сестёр-дев, поставил людей в тупик. Беда сама собрала людей, и потребовали отчёта от участкового. От напора народа он не смог отмахнуться, и вынужден был признать, что подозрение во всех восьми поджогах ложится на Степана. Не миновать бы коллективного душегубства, да виновный пропал.

Его не было более пяти лет. Приехал уже с сыном и беременной женой — Елизаветой, при очень больших деньгах. Односельчане приняли их с большой опаской, и, казалось, поставили не видимую глазу стену отчуждения и недоверия к им, желание их к сближению не получали душевного отклика. Усердие Степана и его жены долго не признавалось, но их трудолюбие не осталось незамеченным, они рвали на себе жилы, показывая своё старание и радение в самой тяжкой работе. Люди поняли, что они на самом деле пытаются заслужить прощение. Лиза по натуре оказалась доброй и приветливой. Она приносила исправно по одному дитё через

каждые полтора-два года, как бы заявляя: «Люди, я вверяю вам своих чадушек в ответ на ваше доверие».

Стёпа и Лиза были очень привязаны друг к другу и отчаянно держались вместе. Это была сплочённая и крепкая семья. Он жену и не называл иначе как:

— Моя Соловушка!

или же:

— Журавушка моя!

Деревенским женщинам, не получавшим и малой доли того внимания от своих мужей, бывало завидно глядя на их любовь. Некоторые злословили и не верили этому, как им чудилось показному чувству, считая Стёпу неспособным к нежности и верности. Дети у них росли здоровыми, резвыми, приветливыми. Если и младшее поколение в селе их приняло, то старики не спускали настороженных глаз со Степана.

Весна в тот год была бурной, зимний обильный снег растаял враз, и река разлилась шумно и весело. При переправе молоковоза через Гумбейку трактор стал тонуть. Первым в ледяную воду прыгнул Степан, сумел спасти людей, выручить весь вечерний удой, сумел и технику спасти. Но сам тяжело заболел. Долго лечился и из-за немощи определился в кочегарку истопником. Работа эта очень тяжёлая, но подросли в помощь сыновья, да и считай, на пятьдесят процентов, жена справлялась с обязанностями, не жели он.

Зима была уже на исходе, старшие дети изводили себя подготовкой к весеннему празднику в школе, а у младших намечались утренники в садике и ясельках, так что Лизонька после работы на току шила по ночам новые платишки и костюмчики для детворы. Стояли трескучие запоздалые холода, приходилось топить сильнее обычного. Придя, домой со смены, Степан умылся, спешно переоделся, позавтракал, но был ещё час времени до утренника, куда он пообещался прийти. Сел в кресло, закурил. Не заметил, как уснул. Сигарета упала на грудь, на фуфайку и задымила. Степан задохнулся. Когда собрались домочадцы, он был уже мёртв, но одежда даже не догорела до конца.

Земля сильно замёрзла к весне, её долбили два дня. Народ на похороны собрался почти со всей округи, вспоминали кому, когда он помог, позабыли про его грехи молодости, кроме хорошего о нём и нечего было сказать. Вспоминали о нём как о герое. Жена сидела окаменевшей и раскачивалась из стороны в сторону и молчала. Не зря сказано: «Истинное горе молчаливо». На кладбище люди подходили прощаться к гробу. Вдруг со стороны села послышался звук сильного хлопка и тягучий вой «У-у-у», треск шифера, поднялся столб огня почти без дыма. Там начался пожар. Жуткий, душераздирающий вопль известил:

— Горит дом Степана.

Лизавета вмиг обмякла и потеряла сознание. Старший сын Степана закричал:

— Малыши остались дома, с теми, кто готовит поминальный обед!

Не знали люди — то ли закапывать тело, то ли бежать тушить огонь. Кто-то остался на кладбище, некоторые ринулись на машинах, тракторах и просто пешком в село. Ничего не удалось спасти, погибли все дети Степана, сторели заживо, пытаюсь помочь друг дружке...

Большеротая Зима

Лето выдалось просто сказочным! Ночами шли мягкие дожди, днём стояла тёплая погода. В огороде овощи росли, радуя глаз и душу. Нина начала засолку: вниз трёхлитровой банки укладывала семидневные завязи патиссонов, потом нарезала молодые кабачки и завершала огурцами. Когда набралось более тридцати готовых банок, муж сердито выговорил:

— Да хватит тебе эту дрянь солить, кто её будет есть?

— Худо не то, что плохо, а совсем худо, ежели нечем стол накрыть¹. У зимы рот большой, она всё съест.

¹ Худо — не то, что плохо, худо — когда нет ничего — нагайбакская поговорка.

Услышав такой расклад, четырёхлетний Саша и шестилетний Паша не очень обрадовались.

— Это что, мы полем-напальываем грядки, ползаем на пузе, а придёт какая-то Зима и слопает наши продукты? — возмутился Саша.

— Зима ничего не кушает, зима — это когда снег и холодно. Но почему она ест, я не знаю, — задумался Пашка.

— Пойдём у бабы Насти спросим.

Бабушка копошилась во дворе, но, прервав все дела, повела домой, усадила за стол и стала потчевать внучат:

— Ешьте, мои золотые, пирожки с капусткой.

— Баба, а Зима это баба или мужик?

— Она, мои хорошие, и не баба и не мужик, это время года.

— Но мама сказала, что у Зимы рот большой.

— О, ещё какой большой. Это образ... а-а-ап-апчхи... но... а-ап-ап-апчхи.

— Будь здорова! Два! — дружно начали счёт мальчишки.

— Спасибо! А-ап-ап-апчхи...

— Три, ещё здоровее будь! — заученно, хором выкрикнули внуки.

— Спасибо! А-ап-ап-апчхи...

— Четыре, здоровее здорового будь! — услышала бабушка.

— Спасибо! А-ап-ап-апчхи!

— Пять! Совсем здоровой будь! — сказал только Саша.

— Пошли, пока она прочихается, устанешь ждать, — потащил за рукав на улицу брата.

— Она только десять раз чихает, тебе, что жалко, что ли?

— Так, что у нас получается? Зима — не баба, не мужик, а рот-то большой. Баба Настя сказала, что это образ, но... и стала чихать, — размышлял Паша. — Образ — это икона. А иконы Зимы у нас нет. Пойдём к бабе Вале, может она чего растолкует.

— Ой, баба как у тебя вкусно пахнет! — воскликнул Саша, входя в дом.

— Чем это так пахнет-то у меня, — спросила она, хотя и знала про маленькую хитрость внучат, — уж не конфетами ли?

— Ага, конфетами.

Валентина достала из буфета кулёк и высыпала на стол карамель и жестом предложила угоститься.

— Баба Валя, а у Зимы рот большой? — начал старший внук.

— У неё не только рот большой, она ещё и длинная у нас.

— Что, длиннее дяди Вани Чучина?

Чучин был самым высоким на селе. Мужики обычно смеялись:

— Это мы высокие, до двух метров, а ты Ванюша — длинный, уж коль выше двух.

— Много длиннее, — сказала Валя и захохотала, ей понравилась шутка малышни — наша зима начинается с октября, и тянется до конца марта. Вашему дяде ещё надо постараться, чтоб её догнать.

Дети набили карманы сладостями, и пошли дальше думать над задачей.

— Выходит эта Зима длиннее дяди Вани, и рот имеет большой, так кто же это? — Но так ничего не придумали. Соседи диву давались, смотря на них:

— Нина, видно ты хорошо готовишь, твои даже крошки со стола сметают.

Если что и оставалось недоеденным, они переглядывались, кивали головой друг дружке и дружно брались за ложки. Теперь стоило кому-нибудь к ним зайти, они бежали и разглядывали, большой у него рот или нет.

— Нет, это не Зима пришла. Мама, а когда придёт Зима?

— Чего-то в этом году она припозднилась, уж и конец октября, а теплынь стоит. Не расстраивайтесь, придут и холода и снег будет, так что накатаетесь ещё на санках — успокаивала она.

Каждую субботу отец заносил из погреба ведро картошки, несколько свёкл, морковки, репы, брюквы, банку компота и банку солений. Из овощей готовили борщи, рассольники, винегреты, салаты.

После обильного снега мальчишки и на самом деле накатались с горок, на коньках научились держаться. Не забывали следить за дверью в ожидании прихода Зимы, но она так и не явилась.

В начале мая, к празднику Победы пошли с отцом в погреб, занесли заготовки и радостно заявили:

— Мама, мы принесли последние банки!

— Ну что я говорила? — обрадовано изрекла она, — говорила ведь, что у зимы рот большой, и она всё съест.

Мальчишки переглянулись и захохотали:

— Так вот как зима ест!!!

с. Фершампенуаз

Вячеслав Тюнькин

Уфология

Завиральное,
Сволочное в доску
НЛО.

1.

Эдакая вся
Паранормальная,
С негасимым пламенем в глазу
Ходишь ты
На место аномальное
И роняешь горькую слезу,
Как росу.
На место окаянное,
Где тебе однажды «повезло» —
Будучи дурманом майским пьяною
Довелось столкнуться
С НЛО,
В эту ночь
На этой самой просеке
Двое симпатичных марсиан,
Что твои земляне,
Поматросили,
Сгинули, как утренний туман.
Бабы на селе заели поедом:
«Не вдова —
Не мужняя жена...
Разве только этим
Гуманоидам
Ты теперь, брюхатая,
Нужна».
С этих пор опальная,
Печальная,
Ты молве докучливой назло
Еженощно ищешь

2.

С приبلудного, поди что,
Астероида
(Отмаялся — пришёл его черёд...)
Сошли весной на Землю
Гуманоиды.
А, может, летом —
Кто их разберёт?
Ухабиста она, дорога Млечная —
Грешно ли заплутаться невзначай.
Вот так и приземлились.
Делать нечего.
И забрели к Петровичу
На чай.
А тот —
Традиционно —
Рад товарищам
За эдакий подарок от судьбы:
Мечи на стол
Ведёрный самоварище
И четверть самогона,
И грибы.
Оно понятно —
Говоря по совести,
По «ящику» который раз на дню
Дают одни и те же
Теленовости:
Про кризис,
Катаклизмы да Чечню.

И как тут обойдёшься
 без поллитровки,
 Когда кошмары блазнят по ночам,
 Один цирроз и только! —
 От политики,
 Страшнее разве Ксения Собчак.
 А тут, представь:
 Такие собеседники!
 И каждый выпить,
 в общем-то, не слаб,
 И можно напрямую
 Без посредников
 Порасспросить
 про иноземных баб:
 «Что в модах:
 Мини,
 Нью
 Или бикини?
 Зело ли ублажают мужиков?
 Какие ко столу подносят вина?
 Семейный домострой у вас каков?
 Матриархат в Непале
 А в Рассее —
 Патриархат,
 А как оно у вас?»
 «...Двуполые,
 Как Боря Моисеев...».
 И разом всякий интерес угас...
 Какое испоганили застолье!
 Изгадили, мерзавцы, до кишок.

Послал он
 Гуманоидов
 На ... волю,
 Но первача подал
 На посошок.

Йети

Чудеса живут на свете,
 Надо только их найти:
 В глухомани бродят
 Йети
 Или — как их там? —
 Йети,
 Простодушные, как дети.
 А искатели —
 В пути:
 На Алтае ищут
 Йети
 Или — как их там? —
 Йети.
 Ищут йети и ответа —
 Надо ж правду обрести:

«Кто, откуда эти
 Йети
 Или — как их там? —
 Йети?»...

А на йетиной планете
 (До Центавры — полпути)
 Человеков ищут
 Йети
 Или — как их там? —
 Йети.

Второе пришествие

Греховным разумом скорбя,
 Встряхни души своей отстойник,
 Спроси —
 Любимого —
 Себя:
 А ты
 Спасителя
 Достоин?

...Смахнув космическую пыль,
 И, слава Богу,
 Не подсуден —
 Иисус Христос
 Возьмёт костыль
 И незаметно выйдет
 В люди...

* * *

Достойно —
 За собой сжигать мосты.
 Достойно —
 Вешать «Роджера» на мачту.
 Перед Собой и Совестью —
 Чисты.
 А люди?
 Люди вправе
 Ошибаться.

Я знаю цену людям
 И себе —
 По опыту, конечно,
 Не по слухам...
 Не лучше ли
 На «Праведном столбе»
 Гореть Свечой,
 Не поступаясь
 Духом?

А люди? —
Их Величество,
Народ! —
Пускай плодят
Кумиров и иконы...
А ненависть? —
Придёт её черёд! —
Пожрёт себя
Подобно скорпиону.

Нам не впервой
По лезвию ножа
Дорогу выбирать среди дорожек...
Нам не впервой стоять
У Рубежа.
Даст Бог —
Не у последнего, быть может.

«Любовь зла...»

Коня
И трепетную лань
Во славу Страсти
Я венчаю.
Ты удивлён? —
Я отвечаю
Знакомой хохмой
Про козла.

Heinrich Heine

Прощу тебе всё —
Потому как жена —
Корить никакими грехами
Не стану,
Но ты восхищаться должна
Моими — и только! —
Стихами.

Lorelei

Я всё равно тобой переболею!
Ты в юности с ума меня свела.
Спешу к тебе я,
Фройлин Лорелея,
Показывай:
Ну, где твоя скала?
Я жизни за любовь не пожалею.
Я сам себе налил
На посошок.

Вот это оценила Лорелея
И утопила в волнах
Гребешок.

* * *

Сыскали мракобесию замену,
Разложена на атомы
Любовь:
Генетика — ревнивая свекровь —
Сноху свою ни капельки не ценит.
Развенчаны и боги, и кумиры,
Кому теперь алхимия нужна...

А я вернуть надеюсь времена,
Где правят миром
Маги и Шекспиры.

* * *

Нет, не в коня, как видно корм:
Который божий век на дыбе —
То революций,
То реформ —
Народ угрюм
И нем, как рыба.
Удел рабов,
Приют невежд,
Закон продажен и бессилён...
Страна обманутых невежд —
Многострадальная Россия.

Шторм

Расколола молния
Безмолвие.
Такелаж порвал
Внезапный шквал.
Собралось
Нечистое отродие —
Тысяча чертей —
На карнавал.

Разгулялась пагуба
По палубе —
Океан
Поймал себе кураж,
Не щадя
Ни старого
Ни малого,

Океан
 Пошёл на абордаж.
 ...А наутро
 Где-то там поладили —
 В преисподней ли?
 На небесах? —
 Полетела собственность Голландии
 По волнам
 На драных парусах...

«Волкодлак»

Жить надоело втихомолку.
 Какая ставка на кону! —
 Надумал
 Обернуться
 Волком
 И выть с восторгом
 На Луну.

Быть может,
 Сам в успех не верил,
 Быть может,
 Дарвин намудрил:
 Хотел предстать матёрым
 Зверем,
 А получился
 Гамадрил.

Апокалипсис

Земля моя —
 Галактики жемчужина!
 Ты крутишься вокруг своей оси,
 Как деловая женщина
 Замужняя
 На позабытой Господом Руси.

Да тут ещё и мы своей беспечностью
 Подталкиваем —
 Экая напасть! —
 Споткнувшись однова
 О человечество,
 На солнце предзакатное
 Упасть.

Демонология

На деревне возле клуба
 На высоком берегу
 Так и шастают Инкубы¹ —
 наших девок стерегут.
 Я, конечно, недоволен —
 На троих тесна кровать —
 Я Инкубу
 Не позволю
 К бабам грязно приставать!
 Раскатал, гляди-ко, губы
 Да бесстыжие глаза:
 Если ты рождён
 Инкубом —
 На Суккубу полезай.
 Да не ври, как мерин сивый,
 Не поенный поутру,
 Что они, мол, некрасивы,
 Мужикам не по нутру,
 Что куда милей сугубо
 Есть безвинная душа...
 Видел я одну
 Суккубу —
 Очень даже хороша!
 Вот — ей Богу бы — утешил,
 Да нарвался на рожон:
 Оказался
 Слишком грешен,
 Значит — стерве —
 Не нужон.

ЮАНН IV

Насколько надо стать
 Великим,
 Чтобы падение твоё
 Ошеломлённые калики
 Святым признали
 Житием?

О, пагубная страсть
 С иконописным ликом!
 Насколько надо
 Пасть,
 Чтоб стать
 Великим...

г. Коркино

¹ Инкуб, Суккуб — сексуально озабоченные персонажи демонологии, соответственно мужского и женского рода, соблазняющие на грех людей противоположного пола, предпочтительно девственных.

Чудеса без чудес*(Рассказ)*

Моя мама выросла в доме под «образами в красном углу». Её деревня Орешки затерялась где-то в Максатихинском районе Тверской области. Жива ли эта деревенька теперь, мне неизвестно.

Девочке не было ещё и года, когда пропал на фронтах Гражданской войны отец, а к шестнадцати умерла мать. Пришлось оставить школу и устроиться работать в паспортный стол милиции посёлка Максатиха, который находился на углу двух улиц возле бывшего железнодорожного переезда.

Ей выделили маленькую комнату в том же здании на втором этаже. Растерявшаяся девушка первые сорок дней ежедневно посещала кладбище, соблюдая каноны церкви, завещанные матерью.

Атеистическое общество жило своей жизнью, воспитывая молодёжь в духе неприятия «пережитков прошлого». В парке играл духовой оркестр. Парни галантно предлагали девушкам себя в попутчики до местожительства...

- Только мне надо зайти в одно место.
- Нет проблем. Что за место?
- Кладбище.
- М-м, ночью?
- А что, боязно?

Да разве найдётся на свете мужчина, который сознается в последнем, тем более даме?! На небе сияет луна. Чертей давно отменили...

- Все мы атеисты. Пошли.

Войдя в калитку кладбища, среди освещенных луной крестов они вдруг увидели горящий костёр, свет которого мерцал всеми цветами радуги, то исчезая, то появляясь вновь. Сердце девушки оборвалось.

Но её спутник, несмотря на холодный пот, заструившийся за ухом, хрипло проговорил:

- Надо взглянуть.
  - Не надо. Это нечистая сила. Мне рассказывали...
  - Не трусь, ты со мной, — и он, пригибаясь, полез между могил поближе к костру.
- Девушка готова уже была упасть, когда он, смеясь, взял её за руку:
- Не бойся. Это луна отражается в цветных стёклах часовни. Вот тебе и нечистая сила. Скажи кому, не поверят.

В другой раз он уже сам предложил зайти на могилку.

Сидели, прижавшись, на скамеечке в ограде. Отрекшись от внешнего мира, плыли где-то в заоблачной выси рядом с луной, когда сверху что-то затрещало и шлёпнулось рядом.

Тут уже сердце рыцаря выпрыгнуло из груди, подняло обоих и вынесло на ближайшую улицу. Как они оказались дома, вспоминалось потом с трудом.

На другой день рядом со скамейкой оказалось большое (видимо, воронье) гнездо, упавшее с дерева.

Окончательно чашу веры в загробные чудеса переполнил случай, произошедший в сороковую ночь со дня смерти матери.

В этот субботний вечер она не пошла на танцы, чтя память матери. Окно комнаты задёрнуто занавеской. Девушка занята чтением при свете керосиновой лампы.

Ровно в двенадцать часов ночи в окно раздался дробный тихий стук.

На втором этаже?! Девушку захлестнула волна религиозного страха. Неужели мама пришла проститься?

Стук повторился.

Превозмогая огромным усилием страх, она задула лампу (благо на улице горел фонарь) и отдёрнула занавеску...

За окошком на задних лапах стояла Мурка — её кошка и барабанила лапами по стеклу. Форточка, через которую она обычно проникала в комнату, оказалась закрытой.

Рассказывая мне это, мама не могла понять, как она решилась взглянуть в окно. Неужто женское любопытство порой сильнее предубеждений? Или действительно толкнуло её на подвиг непреодолимое желание увидеть маму ещё раз?..

Как бы там ни было, даже будучи впоследствии членом КПСС, она никогда не отрекалась от мирских традиций, окрашивая на Пасху куриные яйца, поминая Троицу и «родительские дни». Но уже была всегда уверена, что не бывает необъяснимых чудес.

И она так любила слушать полонез Огинского «Прощание с родиной»!..

Светлая ей память!

Хмурое утро

Степан Матвеевич проснулся от непривычной дрожи в коленях и звона колокола, отдававшегося тупой болью в правом виске.

«Что, где и как?» — силился сообразить он. А ещё — «какое сегодня число» и «как я сюда попал». Правда, куда — «сюда» ещё не понял...

Степан Матвеевич тоскливо огляделся, но кроме пяти — шести бутылок из под «Яблочного», любовно называемого в народе коньяком «Три яблочка», ничего достопримечательного не обнаружил. Сосна, скамейка и... опять сосны.

Ни тебе кровати с белоснежными простынями, ни медсестры, ни дежурного милиционера, ни привычного перегарного духа... Ничего этого вокруг не было. И вообще всё было как-то не так.

— Да-а, стареем, брат, — разочарованно пробормотал Степан Матвеевич, и мокрая дрожь овладела всем его телом.

Малейшая попытка припомнить вчерашнее вызвала такой отчаянный гул в голове, что, казалось, она вот-вот лопнет. Никакого шевеления мозгами не получалось. Над озером поднимался рассвет. Солнце лениво выкатывалось из-за горизонта. И всё вокруг говорило о том, что день сегодня выходной.

— Ура, — без пафоса сказал Степан Матвеевич и поднялся.

Пока он вдумывался, в какую сторону податься, солнце разогнало сумерки, позолотило деревья весёлым светом, и снег засверкал всеми цветами радуги. Да, удачная выдалась этой весной мартовская ночь!..

Не сумев толком понять, что стучит: то ли висок, то ли зубы, то ли всё вокруг звенит и брякает, Степан Матвеевич отряхнулся и вяло зашагал к магистралям ожившего города.

Так начинался выходной день среднего «труженика», регулярного запойщика и буютёра — Событьяльникова Степана Матвеевича.

За призом

Ну и жизнь пошла, братцы мои! Куда ни сунься, везде: «Будем здоровы, товарищи!» Главное — не в виде тоста, а со спортивным инвентарём.

«Бег от инфаркта!»; «Лыжный марафон!»; «Сдавай ГТО, а то — того!..» Физорг пристаёт, начальство грозит...

Ну, залез я в кладовку, вытащил из пыли лыжи. Лет пять их не видел. В этот раз призы обещали за марафон.

Пришёл я. Народу — тьма! Все приз хотят.

Номер получил. Чайку попил. Кровь, говорят, разгоняет. Разогнал кровь. Поехал... в берёзу. Кричат: «Левее давай!»

Сам знаю. Вырулил кое-как. Пошёл. Иду и чертыхаюсь. Какой болван эту трассу прокладывал? С горки в канаву...

Слышу:

— Гоп!

Во, думаю, кто-то себя подгоняет.

— Гоп, — говорю себе и пробую поднажать.

— Гоп, — кричат. Уже со злостью, чувствую.

Оборачиваюсь, а это наш спортсмен Скоробежкин.

— Чего, — говорю, — в присядку, что ли, собрался?

— Лыжню! — кричит.

— Чего орёшь? Я сам на неё попасть не могу.

Ну, уступил я. За ним — ещё.

Нет, почему поправку на трудности не дают? Я, почитай, всю дистанцию по целине шёл. Всё лыжню уступал. Думаете, легко?

Выезжаю на горку. Малышня катается.

— Дядя, где номера дают?

— Там, — говорю и туда, откуда еду, показываю.

— Далеко?

— А кто его знает...

— Ну, мы у Вас возьмём. — и наседают со всех сторон. Еле вырвался.

Иду, выдыхаюсь. Не разошлись бы, думаю, там — на финише. А то никто и не узнает обо мне. Стоит кто-то.

— Где финиш? — спрашиваю.

— Поворот у красной метки.

Ха. Ещё и метки красные. У меня в глазах уже давно круги красно-зелёные. Пыхчу.

Дотелепался кое-как. Дух вон. В коленке стреляет. А Потеев ехидно так:

— Ну, как здоровье?

Сам ведь сроду на лыжи не вставал. Всё в судьи норовит. Нахал. Друзья впечатлениями делятся. Колька хвастается, что начальника обогнал. Во, тупой. Кто ж начальство обгоняет. Теперь отгула не выпросит. Обманули. Не дали приз.

— Иди ты, — говорят, — в баню.

Не отказался. Сходил. Правда, «как и что» — помню плохо. Сами понимаете, устал очень. Но для себя твёрдо решил: на будущий год снова пойду. Здоровье — прежде всего. Особенно, если поправить... после бани.

Приятного аппетита

(фельетон)

Вы любите вкусно поесть? Я тоже.

Завидев в меню кафе или ресторана незнакомое название, тут же спешу выяснить: что это и съедобно ли.

Сколько же блюд самых нерусских наименований в этих меню! Эскалопы и лангеты, гуляши и пловы, бефстроганов и люля-кебабы...

Кстати, узнал недавно, что «кебаб» в переводе «шашлык». А тогда «шашлык» в переводе что?

Ещё в студенческие годы я как-то в столовой отказался от гарнира, потому что не знал, что это такое.

К щам и кашам нас приучили с детства, но попробуйте найти их в меню.

Ради любопытства я пытался понять, чем отличается суп крестьянский от щей. И там, и сям одинаковые продукты и капуста. Но вот суп в меню есть, а щей нет.

Выяснил. Оказывается, в щам капуста нарублена мелко, а в супе крестьянском крупно порезана, как бы наспех, а, значит, проще. Да и настоящую кашу полагается до шестнадцати часов в духовке парить. Какому кафе это по нутру?!

Нам — российским едокам — стыдно признаться в невежестве, поэтому, посещая ресторан, заказываем то, что подороже и непонятней. «Цыплёнка табака», например, а, скушав его, упорно ждём, когда же принесут табака...

Как-то, просматривая свежую газету, я обратил внимание на фельетон. В нём говорилось как раз об отсутствии в пунктах питания истинно народных русских блюд. Но, странное дело, в газете, только что вынутой из почтового ящика, именно в этом фельетоне отсутствовал целый абзац. На его месте зияла аккуратно вырезанная дыра.

Не выяснить, о чём абзац, я не мог.

И, как бывает по «закону подлости», целых три дня мне не удалось прочесть этот номер газеты. Даже в библиотеке почему-то не оказалось именно его, что окончательно разогрело моё любопытство.

В конце концов, оказалось, что в абзаце был приведён рецепт приготовления белорусских dranиков из картофеля. А успела его вырезать моя жена.

Теперь это наше любимое блюдо. Я думаю, она мне обязательно приготовит их к праздничному столу и по привычке скажет: — Приятного аппетита.

Туристские «страдания»

Я, вообще-то, не заядлый турист, но, став в середине 70-х обладателем личного автомобиля, начал регулярные путешествия с семьёй по уральским лесам и озёрам.

Однажды, отправившись на знаменитое озеро Тургояк в пятницу, мы прибыли в село с тем же названием вечером, когда уже совсем стемнело. Проезжая по слабо освещённой улице, высматривали объект для получения информации о пути к озеру.

И вот из темноты появилась фигура мужчины, прокладывающая свой курс, как говорится, с помощью «автопилота».

— Скажите, как нам проехать на Тургояк? — обратился я к нему.

Мужчина остановился, и, пошатываясь, как бы удивлённо огляделся вокруг. Зачем-то ощупал себя, что-то промычал и, неуверенно взмахнув руками, поплёлся дальше.

Вся глубина смысла его поведения стала понятна утром. Оказывается улица села Тургояк проходила практически вдоль берега озера. И мой вопрос до того ошарашил прохожего, что он перестал соображать, где же находится он сам?

Об удивительной красоте самого озера уже рассказано и написано столько, что мои «восхищательные» эмоции вряд ли добавят что-то новое.

В те времена по стране буквально катился настоящий бум полуофициальных слётов-фестивалей бардовской песни. Каждый год в начале июня поляна на берегу озера Ильменского близ города Миасс наполнялась массами любителей песен у костра.

На этих слётах мы были неоднократно, но одна поездка, когда уже многие туристы обзавелись личным транспортом и на территорию палаточного городка автомобили не пускали, особенно запомнилась.

Поскольку необходимого туристского снаряжения мы не имели, то позаимствовали у родственника рыбацкую палатку — такой странный островерхий «вигвам». К тому же жена, в силу своей неистребимой приверженности к чистоте и комфорту, загрузила с собой кроме тарелок, кастрюль, сковородок ещё одеяла и подушки с надетыми на них белыми пододеяльниками и наволочками.

Так как машину нам предложили оставить на территории туристской базы, то до места «дислокации» пришлось добираться пешим порядком, неся в охапках весь свой скарб. Причём на меня были взвалены все эти спальные принадлежности. Можно себе представить картину, когда по территории палаточного лагеря движется странный «турист», неся в обнимку белоснежные одеяла с подушками. На фоне колких смешков членов моей «команды» я ощущал на себе иронические усмешки и всего лесного общества.

Кроме того, оказалось, что, уходя от машины, я заблокировал двери, забыв ключ в замке зажигания. Когда, чертыхаясь, мы с сыном искали способ, как его достать, за нами из-за угла с подозрением наблюдал милиционер, но, к счастью, не придрался.

Место расположения нам досталось у самой центральной тропинки, поэтому наш потешный «витвам» стоял на самом виду, вызывая улыбки и хихиканье проходящих мимо туристов. Зато они тут же замечали мою жену, которая с каким-то упоением прямо тут, у дороги жарила на газовой плитке аппетитные пирожки.

Как бы там ни было, но все первоначальные неурядицы постепенно улеглись, и моё настроение пришло в норму.

Дальнейшие двое суток, наполненных музыкой, песнями и дымом костров, пролетели, как необыкновенный сон, от которого не хочется просыпаться. Посмотреть и послушать всё не было никакой возможности, ибо концерты и конкурсы проходили на разных площадках одновременно. А завершилось действие далеко за полночь песнями под гитару у костров.

Ильменские фестивали в разные годы посещали знаменитые барды России; именно здесь получил признание и начал свою карьеру певца, поэта и композитора Олег Митяев.

А на том слёте, о котором речь, мой старший сын встретил любовь, и связал с нею свою судьбу. Видимо, не последнюю роль сыграл в этом наш необычный «витвам».

Отголоском внешних туристских слётов явился в своё время и наш снежинский песенный праздник «Снежинка». А география участников ежегодного бардовского фестиваля «Листопад», проходящего в наши дни на берегу озера «Синара» в районе села Воздвиженка, простирается от Москвы до Сахалина.

И эти праздники самодеятельного искусства, думаю, уже имеют не меньшую популярность, чем знаменитые эстрадные представления в Сочи или Юрмале, а туристские тропы родного края гораздо интересней, романтичней и дешевле, чем всякие Кипры да Эмираты, особенно для молодых.

Лекарство без «Д»

(Почти по Чехову)

Вера Николаевна, женщина преклонного возраста, проснувшись утром, почувствовала себя неважно. Измерив кровяное давление домашним тонометром, и убедившись, что оно поднялось значительно выше нормы, решила позвонить своей знакомой, терапевту по профессии.

— Сходи-ка в аптеку и спроси «Эзоп» или «Конкор». Это от давления. Продаются без рецепта. Должны помочь, — посоветовала подруга.

— Ой, у меня тут и записать-то нечем.

— Да что там записывать. Запомнишь. «Эзоп» — древнегреческий мудрец. Басни сочинял. А «Конкорд» — самолёт такой, английский. Название лекарства без буквы «Д». Поняла? Пока.

По пути в аптеку Вера Николаевна беспрестанно повторяла про себя: «басни, самолёт» и, подойдя к окошечку, выпалила:

— У Вас басни есть?

— Что, что? — вежливо переспросила молоденькая аптекарша.

— Эти... басни, — неуверенно повторила Вера Николаевна и покосилась на собиравшуюся за ней очередь.

— Простите, — участливо произнесла девушка, — может быть вам нужен книжный магазин, а тут аптека.

— Что я не понимаю куда пришла? — обиделась женщина, — мне врач сказала купить басни или, этот, самолёт...

В очереди прошелестел смешок.

— Ни басен, ни, тем более, самолётов у нас нет.

— Ну как же. Она сказала, в аптеке такой английский самолёт — лекарство без «Д»... Аптекарша задумалась.

— Может быть название самолёта?

— Да-да. На букву «К» вроде.

— Кукурузник, что ли? — донеслось сзади.

— Кукурузник наш, а тут, говорят, английский, — и взбудораженная очередь начала перебирать все известные и не очень марки летающих аппаратов.

— Может «Конкорд», — сказал кто-то.

— Да-да, «Конкорд», обрадовалась Вера Николаевна, — только лекарство без «Д».

— Без витамина «Д»? — не поняла аптекарша.

— К-кажется...

Вера Николаевна в замешательстве пыталась собраться с мыслями, но люди, терпеливо ожидающие, когда она, наконец, приведёт эти мысли в порядок, порождали в ней чувство вины, которое мешало сосредоточиться.

— Наверное, «Конкор», — догадалась девушка, — Есть такое лекарство.

— И без «Д» на конце, — облегчённо вздохнула очередь.

— А как же басни, — сосрился кто-то.

— Ой, лучше не надо. Дайте «Конкор» и я пойду.

По дороге к дому Вера Николаевна вдруг вспомнила имя древнегреческого баснописца и почему-то рассказ А. П. Чехова «Лошадиная фамилия», содержание которого таким невероятным образом воплотилось наяву из далёкого прошлого.

Польза склероза

— Сходи-ка, дед, в магазин, и купи две пачки кефира. Выпьём перед сном для пользы, — сказала мужу пенсионерка с приличным стажем, — Не забудь, старый, ДВЕ! — добавила она с чувством.

— Да запомнил, две, — игриво ответил дед и, насвистывая что-то, вышел из квартиры.

На улице щебетали птички, как бы повторяя: за-пом-ни, две; за-пом-ни, две... И, вообще, настроение вполне соответствовало зелёному времени года.

В то же время дед чувствовал, что наряду с приятной обстановкой, у него в голове что-то не складывалось.

То, что купить надо две, он помнил, а вот чего именно, забыл напрочь.

— Ладно, — сказал он вслух, — пока дойду, вспомню. А если нет, взгляну на витрину и увижу, что надо.

В магазине, кроме продовольственного, был отдел моющих средств, который находился ближе к входу. И первое, что бросилось в глаза деду, это аккуратная горка пачек хозяйственного мыла.

— Ха, точно. Две пачки, — обрадовано «вспомнил» он и довольный отправился домой.

— Купил? — спросила жена.

— Ага. Две пачки. Как заказывала.

— Ну и хорошо, — приняв покупку, она спрятала мыло в кладовку. Вечером, открыв холодильник, старушка вдруг всплеснула руками:

— Я же хотела ещё тебе два кефира заказать на вечер. Вот склерозница старая! Совсем память отшибло.

— Ладно, не расстраивайся, — хихикнул муж, — погода хорошая, я завтра ещё прогуляюсь. И снова, насвистывая, пошёл в спальню.

...«Малая родина» — пишется с маленькой буквы...

...«Малая родина» — пишется с маленькой буквы.
Несправедливо. Давайте напишем с большой.
Спрячьте на время дела, оглянитесь вокруг вы:
Как мы похожи с ней общей уральской душой.

Взяли от гор мы с рожденья породную крепость
И переняли у предков закалку трудом.
Ценим мы наше наследство: душевную щедрость,
Память отцов, что в сердцах, почитая, несём.

Речь наша с вами сродни воркованию речек,
Горных лазутчиков, сильных живою водой.
От близорукости душу любого излечат
Воздух озёрный, полян травянистый настой.

Малая Родина: то листопадом закружит,
То загрустит, заглядевшись в зеркальность пруда,
То напоёт колыбельную маетной стуже, —
Разная с каждой зарёй, но родная — всегда.

На площади Парадной

На площади Парадной — диво-дивное:
Там ёлка новогодняя стоит.
На ней надета роскошь магазинная —
Такая, что в глазах слегка пестрит.

И ёлочки с пригорочка за городом,
Завидуя той ели, говорят
Упрямо с нарочито звонким гонором:
— Нам тоже бы пошёл такой наряд.

И не одна она такая статная.
Мы тоже и пушисты, и стройны,
И в праздничную пору благодатную
На месте этой ели быть должны.

И ёлочка — дюймовочка сказала им
Не по годам серьёзно, но светло:
— Она сумела радость подарить другим,
Не пожалев отдать души тепло.

Быть центром волшебства легко? Так кажется
В мельканьи броских красок и одежд.
Не каждая из нас решит отважиться
Исполнить чей-то перечень надежд.

Есения

Старинное звучное имя — Есения...
Я Родину именем этим зову.
Веселие — пригожая, кротко — осенняя,
Зерном доброты она щедро засеяна.
Как радостно мне созерцать наяву:

Прямую осанку березок мечтательных,
Во ржи васильковый пробор голубой,
Зигзаги дорог, что ведут обязательно,
Коварную топь огибая старательно,
К решающей знаковой встрече с судьбой.

И люди у нас замечательно «скроены»:
Сердцами и статью своей хороши.
Дожди проливные набили оскомину,
Но в каждом из нас есть светёлки укромные,
В которых найдётся елей для души.

Закладкою в книге — ажурная веточка
Душицы сухой, припасенной в тепло, —
От Родины милой желанная весточка.
На карте земли видно родинку — меточку,
Беречь её — наше с тобой ремесло.

Старинное звучное имя — Есения —
Дыханьем зари наполняет строку.
И я обещаю себе: в продолжение
Любви к красоте, через душу просеянной,
Что именем этим я дочь нареку...

Зимняя песня

Присыпаны инея пудрой
Кафтаны зелёные сосен.
В одно ясноглазое утро
Стал северным Южный Урал.
Жар-птицею поздняя осень
Махнула крылом над запрудой,
И тенью по горным откосам
Скользнув, её образ пропал.

...И с неба сначала рассеянно,
Потом всё дружнее и дружнее
Мукой, через сито просеянной,
На свет городских фонарей
Летели снежинки морозные,
Уютнее делая ночь.
И взрослые люди серьёзные
Спешили от снов своих прочь

На встречу желанную с детством.
И радость не знала предела,
Ведь первенец-снег — чудодейство,
Дарящее всем волшебство.
Он чёрное делает белым,
В подарок, припрятав наследство
С гирляндами праздничных елей
И добрым смешным озорством.

Тем временем в звёздной галактике,
От дремлющих крыш высоко,
Зима убедилась на практике —
Счастливыми быть так легко.
Снежинки летели без усталы
С прогнозом погоды в разлад,
Но вкупе с прекрасными чувствами,
И каждый был этому рад.

Моим современникам

С неба сыплется снежное крошево
На ночную пустынность дорог.
Пожелай ты нам, небо, хорошего,
Чтоб от недругов, в гости непрошенных,
Нашу землю господь уберег.

Пусть лишь громы с весенними грозами
Над домами беззлобно бьют,
А не взрывы, что криками слёзными,
Устрашая бесланами, грозными,
Резонансом к нам в души летят.

Ограни скальность наших характеров
В благородный и чистый кристалл.
Преврати всех расчетливых маклеров
В покупателей радужных маркеров,
Чтобы мир наш улыбчивей стал.

Пусть калика, ведомый надеждою,
Обретёт теплый кров, наконец.
Пусть слова, что со сленгом-невеждою
Не дружны, не покинут мятежною
Стайкой словники наших сердец.

Чтоб добрили мы, греясь доверчиво,
У счастливых ребяческих глаз,
И ища на пути счастья встречного,
Твёрдо помнили: в жизни изменчивой
Всё в итоге зависит от нас...

Аритмия бабушкиных ходиков...

...Аритмия бабушкиных ходиков:
То бегут вперёд, то отстают,
Ставший в наши дни почти экзотикой,
Русской печью созданный уют.

Бабушка и я, как два воробышка,
Весело щебечем, не таясь.
Отломив от хлебушка «серёдышек»,
Говорит мне бабушка моя:

— Чтобы жизнь твоя не шла по краешку,
Не казалась чёрствой и сухой,
Для тебя — серёдка мягкой шанежки.
Я делюсь с ней хлебной теплотой.

Словно джинн из сказки, дым над крышею
Дразнит, подгоняя аппетит.
Выхожу походкою неслышною
В полдень, что за окнами разлит.

Под пригорком луг лилово-розовый:
Жмурится от солнца небосвод:
Убежать в цветную даль без спроса бы,
Только что-то держит, не даёт.

...Сон растаял, и косынкой шёлковой
Помахало детство: Не вернись!
И давно ликует утро, только вот
На душе — лирическая грусть.

Сберегу тепло в сусеках памяти,
Быль очарованья детских дней,
Чтоб не поддавалось сердце наледи,
Становясь с годами лишь юней.

Ангел Рождества

В ночь, когда морозный воздух
Аромата сказки полон,
И для нас в библейской прозе
Скрыта тайна волшебства,
В час торжественно-серьёзный,
Доброты святой исполнен,
Прилетит к нам мальчик звёздный
Светлый Ангел Рождества.

По нехоженому снегу
Он войдёт в январский город,
И распустятся побег
Зёрен радости в сердцах,

И под ангельской опекой
Мы растопим зимний холод,
И улыбки-обереги
Замелькают на губах.

Удалится Ангел в снежность,
Осветлив собой мирское,
Но к тебе заглянет прежде,
В добротой богатый дом,
Где по-детски безмятежно
Спит — ладошки под щекою —
Дочь твоя — твоя надежда —
Чудо с ангельским лицом.

...В сундуке под нафталином
Кружева зимы хранятся,
И от запаха малины
Чуть кружится голова,
Но хранит нас в небе синем,
Можно в том не сомневаться,
В оперенье лебедином
Светлый Ангел Рождества.

Тишина

Привыкаю к тишине.
Рядом поле ровно дышит;
Весь простор июльский вышит
Разноцветным мулине.

Близко к праведным богам —
Ветерок в ветвистой клетке,
Ободрённый солнца светом,
Что-то шепчет облакам.

Не вменяясь в бережки,
Под землёй рождённый ключик
Бьёт энергией кипучей
И бежит на зов реки.

Как хорош погожий день...
К тишине душа привыкла,
Словно к небушку приникла,
Сквозь листвы сквозную сень.

И влечёт меня опять
С тишиною-недотрогой
«Побеседовать» о многом
И о главном помолчать.

Самописец дождя я в ломбарде достану...

Самописец дождя я в ломбарде достану.
Он туда принесён тем, кто раньше грустил.
Непогода в душе, и сегодня по плану —
Слушать песни, что дождь на ходу сочинил.

Самописец включу, и послышится шорох
Сквозь помехи и даль прошлогодних часов.
Невозможно разжечь чувств отсыревший порох,
Если дробно в стекло бьётся дождь-солнцелов.

В ливень дождь перешёл с нарастающим шумом,
Бойким ритмом своим монотонность круша.
Ливень — это к теплу, значит, пасмурным думам
Скоро вслед помашу — легче станет дышать.

Самописец дождя отодвинут в сторонку,
Возвратились мечты из запретной тиши,
И ловя каждый звук на незримую плёнку,
Пишет лета мотив самописец души.

16 апреля

Памяти папы

Даже в самую ясную тёплую пору
Не забыть мне внезапной апрельской беды.
Когда папы звезда потеряла опору
И упала, с короткой судьбою не споря,
На негреющий шёлк быстротечной воды.

Для кого-то звезда — многогранник, и только,
Для меня же — кристалл драгоценной души.
Высоко надо мной звуки радости смолкли,
Саднят сердце разбитого счастья осколки.
Ветер жизни погасшей костёр ворошит.

Возврати мне, река, дорогую потерю.
Я её оживлю на ладонях своих
И, конечно, в людское бессмертье поверю,
Осознаю отцовской надёжности меру
И на небе звезду приколю меж других.

...Прикорну у реки, а с приходом рассвета
Я увижу лежащую рядом звезду,
И в озябшей душе, что подобно аскету,
Много лет не была благодатью согрета,
Первоцветы, как вестники жизни взойдут...

Как ни старались бойко стеклодувы...

Как ни старались бойко стеклодувы
Сосулек втрое больше нормы выдуть,
«Весну, увы, не выпустить из виду», —
Сказал зиме февраль, всерьёз подумав
О безотрадной участи своей
Под светом щедро греющих лучей.

Выгадывает дни зима-плутовка,
Иной раз припорашивает снегом,
Но вопреки её раденью ловко
Ручьи стекают с гор к лесным побегам,
Своими голосочками звеня:
«Проснись, земля, к тебе пришла весна!».

И даже неприветливые чащи
Не обделяет солнца свет радушьем,
В укромность их, заглядывая чаще.
И людям, даже самым равнодушным,
Возможность дарит чистый небосвод
Весною испытать души полёт.

В стороне от городского шума...

В стороне от городского шума
И хитросплетения дорог
Для моей отрады был придуман
Славный милovidный уголок.

Там в туниках шёлковых берёзы
Шелестят — приветствуют меня.
Птиц-певуний хор многоголосый
Тёплая доносит вышина.

Под навесом неба голубого
Так приятно думать и мечтать
И взамен радушия лесного
Нежность без остатка отдавать.

Вечер опускается на травы,
Всё сочнее цветочный аромат.
Издали церквушки старой главы
Светлыми сердечками горят.

Если мне средь будней станет грустно,
Перекину мысленно мосток
В сотканный природою искусно
Русский задушевный уголок.

Мargarита Бадюк

Байкерская любовь

— Привет, — сказала я первое, что пришло в голову, молодому человеку, которого я не раз видела возле своего дома, как только выезжала на «прогулку».

— Привет, — удивленно проговорил парень. Я бы тоже была удивлена, если бы рядом со мной остановился байк, и незнакомая девушка сказала: «привет».

— Хочешь прокатиться?

— Кхм, мне надо идти, извините, — засуетился тот.

— Да говори правду, скажи, что боишься? — взяла на понт, а по его глазам поняла, что попала в самую больную точку.

— Страх детства, — прошептал парень.

— Так садись, прогоним это страх, меня Вила зовут, — я протянула правую руку.

— Максим. А почему Вила? — пожал мне руку, но по-прежнему смотрел на мой байк с опаской.

— А долго рассказывать, не так уж и важно это.

— Ну, я пойду, наверное, — пролепетал Максим.

— Стой, — я сняла шлем, тряхнула головой, чтобы волосы заняли нормальное положение, и улыбнулась. Максим немного наклонил голову, и спросил:

— У тебя хоть права есть?

— Да, недавно получила, — с гордостью погладила свой шлем, — Ну, что? Поехали?

— Недавно, говоришь? — Максим нервно засмеялся.

— Не бойся, я родилась за рулём, садись, — я была напористой, и он всё-таки сел.

— Не гони.

— Я ещё не завелась даже, ты главное держись, — успела предупредить я, и ринулась на дорогу. Максим, не найдя за что держаться, схватился за мою талию. — Мне надо заехать в одно место, — прокричала я, но мои слова унёс ветер, я лишь почувствовала, как сзади ко мне прижался Максим.

«Ну и ладно, я думаю, он не будет против, если я заскочу к своим», — промелькнула мысль.

Мы доехали до дворов, я аккуратно заехала туда, через них подъехала к гаражам, где играла тяжёлая музыка.

Заглушив мотор, я повернулась, и увидела Максима с какой-то странной улыбкой.

— Посиди, я сейчас схожу к своим, скажу кое-что.

— Хорошо, — тихо сказал Максим.

Я зашла в гараж, музыка сразу утихла.

— О, какие люди! Вилка, с возвращением тебя! — донеслось со всех сторон. Как я была рада видеть их всех, после перелома голени, и черепно-мозговой травмы, я могла видеть их только в больнице, но их так редко пускали.

— Спасибо, ребят, как у вас тут?

— Нормально, — ко мне подошёл мой бывший парень, и приобнял меня. — Только, знаешь, без тебя ничем не занимались, соскучились. И... как у тебя со здоровьем-то, тебе можно ездить?

— Я езжу, — немного увильнула от ответа я.

— Хочешь выпить? — одна из девушек, по имени Сора, протянула мне бутылку с пивом.

— Нет, у меня там мальчик пугливый, а греть резину сегодня не катит, — усмехнулась я.

— Да, ладно, чего ты? Чуть-чуть, за выздоровление, — она была немного выпившая, и упорно протягивала бутылку мне.

— Если я сейчас глотну, мне надо будет ещё, короче я поехала, до завтра.

— Я не понял, а кто это у тебя на байке сидит? — зашёл Кирилл, самый уважаемый из всех наших. Раньше, меня Дамой называли, когда я только появилась у них. А он Король.

— Это парень.

— Ну, я понимаю, что это не девушка. Что он делает здесь?

— Он со мной.

В гараже повисла напряженная тишина.

— Я разобрался, что не с Антоном, — Кирилл кивнул в сторону парня, который меня обнимал.

— Кирилл, что за допрос? Просто парень, которого я решила прокатить, — я повернулась к нему лицом, и стала смотреть прямо в глаза.

— Этот так называемый парень, между прочим, сын главного прокурора города, знаешь же, в каких мы отношениях с ним.

— Так его сыну, я слышала, за двадцать пять уже.

— Его Максим зовут? — спросил Кирилл, он знал ответ.

— Да, — я поблднела.

— Увози его, и приезжай обратно, побубеним сегодня, — не принимающим отговорок голосом сказал Кирилл. У меня закружилась голова, меня пошатнуло, и я оперлась на руку Кирилла.

— Нет, я, наверное, поеду домой, мне вообще врач запретил в кровь адреналин впускать, — как ребёнок, который разбил мамину старинную вазу, я смотрела на Кирилла в тот момент.

— В таком состоянии!?! — ужаснулся Кирилл.

— Ты же знаешь, что я доеду, — я слабо улыбнулась, и пошла к выходу.

— Вилка, пока, мы заедем завтра за тобой! — крикнула на прощанье Скоря, она, по моему, одна не поняла, что произошло. «Люблю её за то, что когда что-то случается, её это никогда не касается, в чужое ни за что не полезет!» — с такими мыслями я подошла к своему байку, там смиренно сидел Максим, ему на вид еле доходило до 20.

— Макс, тебе сколько лет?

— 26 будет через неделю.

— 26, понятно, дай сяду, поедем домой, или куда тебе надо?

— Ты плохо выглядишь, что-то случилось?

— Нет, — коротко ответила я, и села за руль. — Тебе куда?

— Домой, мы в одном доме живём.

— Да, догадалась уже, — я завела мотор, и мы поехали. Хорошо ехать ночью, можно хоть медленно, хоть быстро, никто не сигналист, не кричит, только бывает одинокие машины промчатся с невероятной скоростью.

Приехав, я спросила:

— Как у тебя фамилия?

— Почему ты хочешь всё обо мне знать, а о себе рассказать не можешь?

— Почему? Могу, зовут меня Виолетта, лет мне 19, что ещё?

— Ничего, Литвинов моя фамилия, — с удивлением ответил Макс.

«Фуф, похоже, Кир всё-таки ошибся».

— Завтра что делаешь? — спросила я.

— Ещё не знаю, будет день — будут дела.

— Давай, покатаемся? — улыбнулась я.

— А давай, я тебя завтра прокачу.

— А давай, — согласилась я. Если быть честной, Максим мне не нравился, я просто спонтанно предложила тогда ему прокатиться. Вроде как в одном доме живём, а даже не знакомы.

— Номер скажи свой, я тебе позвоню — договоримся.

Я продиктовала номер, попрощалась и пошла в свой подъезд. А Макс стоял и провожал меня взглядом.

Лифт был сломан, и пришлось подниматься на восьмой этаж пешим ходом. Лишний раз пройтись — мне не помешало. «Что сказать ребятам? Сказать, что плохо мне? А то Кир разозлится, что я поехала с Максом», — думая об этом, я поднялась до

своего этажа. Хорошо — лето. Люблю такое время. Академию посещать не надо, никакой нагрузки, лишь иногда я пою по вечерам в ресторане. «Точно, скажу, что работаю».

Возле моей квартиры стоял парень, я подумала — к соседям, но, приглянувшись, увидела Антона.

— Что ты здесь делаешь?

— Тебя жду, — пожал плечами Антон, — надо поговорить.

— Надо? Так проходи, — я открыла дверь, и мы зашли.

— Что случилось? Извини, чай предлагать не буду, спать хочу, — мы встали в коридоре, дальше я приглашать его не хотела.

— Почему ты так долго ехала от гаражей?

— Мне... Я воды взять заезжала, — соврала я.

— И где она? — Антон, увидев моё замешательство, улыбнулся. — Да ладно, не ври.

— Тох, чего тебе надо?

— Кирилл после тебя сразу поехал домой. Если ты уйдёшь от нас, нам будет плохо.

— Антон, — я провела рукой по его лицу. — Вам не будет плохо. Всё будет хорошо.

— Значит, ты всё-таки собираешься уйти?

— Не знаю, Антон, я сама ещё ничего не пойму.

— Вилка, делай, как хочешь, но не забывай про нас, — Антон повернулся к двери.

— Пока, я подумаю, — совсем тихо сказала я.

Закрывая дверь за собой, Антон сказал:

— Этот Макс ни к чему хорошему тебя не приведёт.

— Я сама решу.

— Сама так сама. Не уходи.

Вечером следующего дня мне позвонил Макс, и сказал, что ждёт меня внизу. Я сообщила своим, что буду отсыпаться, поняв, что идея про работу была не очень хорошая.

Долго вертаться возле зеркала, я решала, что же мне надеть. Юбку? — нет у меня юбок, единственное платье? — оно слишком вызывающее. В конце концов я выбрала чёрные брюки-трубочки, красные туфли на высоком каблуке и под цвет им тунику с открытой спиной. Слегка накрашившись, я распустила волосы по плечам и выбежала из квартиры. Лифт был в норме. И я без приключений спустилась вниз. Когда вышла из подъезда, передо мной резко затормозил чёрный «лексус», из него вышел Максим. «Странно, — подумала я, — А почему я его пешком видела постоянно?»

— Привет, ты чудесно выглядишь, я бы сказал, волшебно.

— Спасибо, — сделав вид, что смутилась, сказала я. — Привет.

— Куда поедем? — открывая мне дверь, спросил Максим.

— Кататься, — рассмеялась я.

Вечер выдался замечательным, мы катались по ночному городу, говорили обо всём, Максим даже учил меня управлять машиной.

— Посередине — тормоз, справа — газ, слева — педаль, которую будешь нажимать, когда я скажу, — как блондинке, объяснял мне Макс.

— А почему у тебя ручная коробка передач? — неосознанно спросила я

— Я же настоящий водитель, — удивлённо ответил Макс. — а... а ты водишь машину?

— Ну как, вожу, только на права раз восемь, точно, сдавала, — улыбнулась я.

— А почему? — спросил Максим.

— Хочешь, объясню? — хитро сощуриив глаза, спросила я.

— Давай, — не подумав, согласился Макс. Я повернула ключ, и рванула с места. Максим начал торопливо пристегиваться, я рассмеялась:

— А ты, оказывается, скорости боишься.

— Да, у меня мама разбилась на машине, когда я маленький был.

Я сразу сбавила скорость, и извинилась. Детские страхи — самые сильные.

— Заверни сейчас налево, — неторопливо попросил Макс. Пока он говорил,

я проскочила поворот, в зеркале я увидела, что именно с него выехала банда байкеров. «Упс», — подумала я. Они поехали за нами, у меня зазвонил мобильный. «Нет, как они узнали?»

— Что-то случилось? — спросил Максим, увидев мои испуганные глаза, когда я взяла в руки телефон.

— Нет, ничего, — я сделала спокойный вид, трубку так и не взяла, и резко газанула.

— Виолетта, не надо! — крикнул Максим. Я понимала, что сейчас может случиться что-то плохое, если я не сбавлю скорость и если не уйду от своих. «Не думала, что когда-нибудь буду уезжать от своих же друзей на машине».

— Это твои друзья? — спросил Макс, немного успокоившись.

— Что? — я считала, что причина, из-за которой я заволновалась, была ему неизвестна.

— За нами едут твои друзья? У тебя проблемы?

— Нет, всё в порядке, — голос немного дрожал.

— Кирилл. Он тебе кто? — внезапно спросил Макс, я посмотрела в зеркало, никого не увидев, сбросила скорость.

— Кирилл? Он просто друг. А что? — я понимала, что вопрос с подвохом.

— Мы с ним знакомы, — просто сказал Макс.

— Знакомы? Как?

— Друг, бывший, — больше от Макса я ничего не добилась. «Какой друг? Почему бывший? Кто вообще такой этот Максим?».

Я подъехала к дому. Немного разболелась голова.

— Максим, я домой.

— Что-то случилось?

— Нет, извини, я прекрасно провела с тобой время, просто... — я запнулась — боль в голове стала нетерпимой.

— Это из-за них?

— Нет, — выдавила я, хватаясь за голову. — Сотрясение, я с байка упала недавно.

— Понятно. Тебя проводить?

— Нет, спасибо, я дойду, — открыла дверь, вышла.

Пришла домой и упала на кровать. Зазвонил телефон — смс. «Мне было приятно с тобой провести вечер, спасибо. Сладких снов». Быстро ответив, я не раздеваясь, уснула.

Проснулась только утром от назойливого звонка. Спросонья я начала искать телефон, потом до меня дошло, что это звонят в дверь. Встала, посмотрела в глазок — Скора.

— Оля, сейчас открою, — я быстро начала раздеваться, искать халат, и второпях накинув его, открыла дверь.

— Привет, — немного удивившись, сказала Скора.

— Привет, Оль. Проходи, — зевая, пригласила девушку пройти.

— Как твоё здоровье?

— Отлично, только голова кружится, — опомнившись, добавила я.

— Мы вчера заезжали к тебе, ты не открывала, — Оля прошла на кухню, я за ней.

— Чай? — не дождавшись ответа, я поставила чайник, — я вчера снотворного выпила, спала как убитая.

— Спала, говоришь? — хитро прищурилась Оля.

— Спала, — сухо ответила я.

— Понятно. Опять Максим? Не бойся, я никому не скажу, — проговорила Скора.

— Нет, с Максимом мы не виделись, — подумав, ответила я. Доверять этому человеку я до конца не могла.

— Точно?

— Да, — зло сказала я.

— А ты знаешь кто Максим Кириллу? — Алина сожмурила один глаза.

— Кто?

— Бывший друг, у них произошла какая-то серьёзная ссора. А их отцы вместе учились, были тоже когда-то лучшими друзьями. После института. Отец Короля стал «смотрителем», ну к этому-то всё и шло, а Максима — прокурором. Ты понимаешь?

Конечно, я понимала, но показывать этого не хотела. Кирилл, Максим — голова пошла кругом.

— А-а-а, — лишь тихо протянула я.

— А ты, собственно, зачем пришла? — спросила я.

— Кхм, узнать, как дела у тебя, — а глаза Скора отвела.

— И не только?

Заерзала на стуле, глотнула чай и снова закашлялась.

— Кирилл...

— Что Кирилл? — удивилась я.

— Кирилл и Антон решили напугать Макса, а ты знаешь, как они пугают! — крикнула Скора к концу своей фразы.

— А откуда...? — я не успела договорить, Ольга меня перебила.

— Знаю? Случайно услышала, — спокойно сообщила Скора. А я удивлялась ей всё больше и больше.

— Случайно? Ну-ну.

— Ну ладно, не случайно, услышала имя Максима и решила подслушать.

— Вот, говорить правду надо сразу, — рассмеялась я.

— Ну да, ладно, я пошла, — сделав последний глоток, сказала Скора и встала.

— Хорошо, а я спать дальше буду.

— Тебя сегодня ждать? — направляясь к двери, спросила Оля. Я задумалась.

— Наверное, нет.

— А что так?

— Поработаю сегодня.

— Пока, — кивнула Оля и вышла за дверь.

Я закрыла за ней дверь и плюхнулась на кровать. Провалилась в сон. Проснулась уже где-то часа в четыре. Позвонила начальству, сказала, что приду петть сегодня, и душа как-то встала на место: «Хоть врать никому не пришлось».

Я сидела за роялем и смотрела на людей, приходящих сюда. Хороший ресторан, уютная атмосфера, живая музыка — вот чем привлекало это место людей. Я сидела и слушала парня, который играл на гитаре, мы всегда играли и пели по очереди, но у меня возникла идея. Сначала я вслушивалась в мелодичный перебор Руслана, начало песни, не очень сложное, и я начала ему подыгрывать. Подпевать не могла, так как не знала слов. Мы с ним переглянулись, он кивнул, и люди смотрели в нашу сторону, отвлёкшись от еды. Я играла и улыбалась, вслушиваясь в слова Руслана:

...не важно, что говорю тебе,
неважно как я смотрю.
Вся душа, что во мне.
Хочет кричать, что люблю...

«Люблю... Это слово я уже не слышала довольно давно», — не думая о нотах, у меня на глаза навернулись слёзы. Песня закончилась, люди в зале захлопали — значит, понравилось. Я подошла к Руслану и попросила его сыграть ещё одну песню, пока я схожу к зеркалу. Я услышала звуки флейты. «А он разносторонний человек», — подумала я.

Спустившись со сцены, увидела знакомого парня, сидящего за столиком, как раз напротив моего рояля. Но его соседа я никак не ожидала увидеть здесь, и тем более с ним. Кирилл и Максим. Сидели и дружелюбно разговаривали.

Я подошла к ним, мне было безразлично, что под глазами растекшийся карандаш и подтёки туши. Я подошла.

— Привет, — сказала я, и грустно улыбнулась. Они оба повернулись на голос, Макс растерялся, а Кирилл улыбнулся.

— Виолетта, здравствуй, работаешь?

— Да, — с некоторой усмешкой ответила я. — А вы какими судьбами? Кирилл, а ты, чего не с нашими?

— Просто решили поговорить, присаживайся, — предложил Макс, а Кирилл предостерегающе посмотрел на меня и сказал:

— С нашими? Ты до сих пор их нашими считаешь? Я проигнорировала вопрос, и отошла от них к зеркалу, достала из кармана салфетки, вытерла так называемые синяки, и улыбнулась. Единственное, что мне нравилось во мне — это была моя улыбка, даже, если она натянутая, всё равно, хотелось ей открыться.

Поднялась на сцену, села за рояль, посмотрела на часы. «Ещё две песни, плюс Руслан две, через полчаса домой пойдём».

— Играй, — тихо сказал Руслан, и улыбнулся мне.

Я взяла несколько аккордов, хотелось сыграть грустное и непонятное под настроение, но в душе зажглась искра радости. Весёлая мелодия взбудрила всех сидящих в зале, я взглянула на столик, за которым сидели Кирилл и Максим — их не было.

Работа закончилась, мы вместе с Русланом ушли за сцену.

— Тебя Виолетта зовут? — так, интересно, уже два года играем вместе, и ни разу не разговаривали.

— Да, тебя — Руслан? — он улыбнулся, мы выходили из черного хода. — Тебе куда? Подвезти?

— Да, давай, — в его глазах я увидела свою же жизнерадостность. Я села в машину — низкую, гоночную, и спросила:

— Ты всегда здесь работаешь?

— Нет, я вообще учусь, да и у меня фирма есть.

— Фирма? А чего ты тогда здесь делаешь?

— Музыка люблю, да и на людей посмотреть — они интересные.

— Да, это точно. А какая фирма?

— Риэлтерская. Отец умер, она по наследству перешла. Тебя куда хоть везти? — Я объяснила, и поняла, что встретила родственную душу.

— А где учишься?

— Медицинский, фармацевтический.

— Да?? Я тоже там, только на лечебном.

— Я знаю, между прочим, видел, — он потупил глаза.

— Я такая заметная? — удивилась я.

— Я бы даже сказал — слишком, — улыбнулся. — Яркая, как вспышка.

— Кхм, спасибо.

Повисла неловкая тишина, но Руслан быстро вышел из этого положения.

— Ты ведь тоже не всегда здесь?

— Ну, да, как захочу, так прихожу.

— А-а-а, ну я почти всегда, вечером, дома сидеть не хочется, а по клубам... — он задумался, и резко свернул на повороте на красный свет, — не моё это.

— Ты чего делаешь? — я была несколько ошарашена, сразу не пристегнулась, и завалилась в сторону, больно ударившись о стекло.

— Прости, я не специально.

— Любишь скорость? — я посмотрела на него, слишком мы были похожи.

— Не то, чтобы слишком, но люблю.

— Я тоже люблю, — ответила и посмотрела в окно, там промелькивали фары машин, свет из окон.

— Стой, давай не домой, отвези меня, — задумалась, как объяснить, — я даже не знала. — Я покажу.

— Хорошо, — спокойно отозвался Руслан.

Он довёз меня до гаражей, все были здесь, как я и думала.

— Кирилл и меня нет, они не катаются.

— Спасибо большое, — я обняла Руслана и вышла из машины. Уже походя к мотоциклам, услышала:

— Стой, а сумка? — Я обернулась и увидела, как парень, замечательно играющий на флейте, держал в руках мою сумку и чуть-чуть ею размахивал. Я подбежала и взяла сумку.

— Ты когда работать-то придёшь?

— Ой, не знаю, может через день?

— Ну, приходи, — он смешно помахал мне рукой, сел в машину и уехал.

Я аккуратно зашла в гараж, свет горел тускло, и меня почти никто не заметил. Тихо подошла Скоря, наклонилась и сказала:

— Привет, ты всё-таки пришла?

— Да, как видишь. А почему нет Кирилла?

— Он был, они уехали куда-то с Антоном, сказали, что вернуться.

— ЧТО?!? С Антоном? — я это сказала слишком громко, как раз там, где закончилась песня и начиналась новая.

— Вилка! Дама! — донеслось со всех сторон.

— Всем привет, — я натянуто улыбнулась. Никто не заметил моей неискренности.

— Как ты? Пошли, покатаемся? — посыпались слова, которых я опасалась больше всего. Я никогда их не понимала, почему они не могут кататься без меня или Кирилла.

— Я не на своей железке.

— Да ладно, чего ты, пойдём со мной прокатимся, ты поведёшь, если хочешь? — предложила мне Оля.

— Ну, поехали, — сказала я, и сразу же послышались одобрительные крики.

Я села за Олин мотоцикл, всё-таки не свой родной байк, но тоже ничего...

Когда я остановилась, никто не заметил, так как ехали мы не первые. Вышла возле ресторана, где работала, попрощалась с Олей и пошла в сторону своего дома. Пройдя несколько метров, я услышала, как отъехала Оля, догоняя наших, и своё имя. Повернулась. Руслан. Он стоял на другой стороне дороги. Посмотрев по сторонам, пошёл ко мне. Я увидела, как со стоянки начала отъезжать машина. Чёрный «лексус». Максим? Руслан слишком медленно шёл, но увидел машину и остановился, пропуская её. Пошёл дальше. Но вслед за машиной разогнался байк, с отключенными фарами. Сбил. Я подбежала к обездвиженному телу.

Он лежал на дороге с открытыми глазами, налитыми кровью. С неестественно выгнутой рукой. Я не думала, что байком можно сбить человека насмерть. Я стояла и смотрела на этого, мне малознакомого парня. В глазах нет страха и боли. В его глазах нет ничего, кроме ярко-красной крови. Я стояла и смотрела. Пошевелить руками, ногами и тем более головой — никак. Я не могла отвести взгляд от этого безумного зрелища. «Зачем?» — единственный вопрос. Услышала звук мотора, но не могла повернуться.

— Вилка! Его не вернёшь, — сказал кто-то за спиной. Я даже не могла понять мужской это голос или женский.

— Пойдём отсюда, — кто-то взял меня за руку, я повернулась и увидела Скорю. Её так называли не за скорость движения по трассе, а за быстроту оказываться на месте, где что-то происходит или что-то обсуждается. Если что-то хочешь узнать — иди к Скорю. Узнает всё. И тебя не сдаст...

Через день я пошла в ресторан. Шла туда, как в тумане. Думала, может, он жив. Хотя знала, что это нереально. Тогда мы вызвали скорую, но дожидаться не стали.

Я открыла дверь, посмотрела на сцену. Звуки саксофона немного вернули меня на землю. Это был не Руслан...

Радужная пелена закрыла всё небо. А я стояла и смотрела вниз. Не хотела любоваться столь чудным видением, столь дивной красотой, столь неожиданным торжеством небес.

Всё хорошо. Но сижу и смотрю вниз. В воду. В зеркальную гладь наполовину заросшего озера. Смерть близких людей никогда не проходит бесследно. Тем более спустя всего три дня...

Он умер. Умер той смертью, о которой так боялась подумать!..

Но я встала и, улыбаясь, пошла. Небо радовалось, получив столь хорошего человека. Или может, это он послал мне свою улыбку... Я ушла, улыбаясь.

* * *

Через «хочу» и «не могу»,
По острию, на грани фола,
По кромке временного скола,
Спиной, подставленной врагу.
Познав суть жизненных причин,
Дрожащей тварью цепеня,
Вдруг поняла, что я — сильнее
Порой сильнейших из мужчин!

Невозвратность

Казалось, все у нас, как прежде:
Вот ты навстречу мне идешь...
Но ткань действительности режет
Событий невозвратных нож.

Проходишь... Стих сменился прозой.
В глазах обид иссохших желчь.
Боль точит сломанной занозой —
Не вытащить и не прижечь.

Лишь взгляда одного хватило —
Цунами смыло города!
И утонула Атлантида
Отныне раз и навсегда!

* * *

Мне, видно, суждено гореть в аду!
Меня гнетет страстей немая ярость,
Уходам годы, сколько их осталось?
Известно только Богу одному.

Слиянье тела, разума с душой —
Три голоса во мне, три равных силы.
Лишь только бы терпения хватило
На компромисс пойти с самой собой!

Я от победы громко хохочу!
И плачу тут же и скриплю зубами.
Три силы — пожирающее плетя!
Сполна при жизни каждой заплачу...

Птица Боль

У птицы Боль — печальные глаза.
Она глядит сквозь стекла, не мигая.
Продрогшая до судорог, такая
Тревожная, как средь зимы — гроза.

Ее клянут, во всех грехах вина,
Мне ж не прогнать ее и не приветить.
Она — совсем одна на белом свете.
И так во всем похожа на меня.

Дышу в стекло, дыханием своим
Сквозь боль пытаясь хоть на миг прорваться,
И даже не стараюсь разобраться
За что такая мука нам двоим...

Командировка

Посвящается Еманжелинску

Прости, мой Город, я тебя люблю!
Но снова уезжаю. Что ж, до встречи!
Лист тополя, подобный янтарию,
Не упадет мне осенью на плечи.

Вокзалов шум, людская суета,
Билет, внезапно выхваченный ветром,
В чужих глазах — безмолвная тоска,
Бессмысленность пустой беседы с кем-то...
Я уезжаю в Рай, где царство грез!
Где, может, и не слышали о службе.
Но, если откровенно и всерьез,
Я никому там, в сущности, не нужен.

Там все не то: и женщины не те,
И зелень надоедлива до боли...
В той приторной, цветущей красоте
Я задыхаюсь, будто бы в неволе.

А дома осень! Скоро листопад!
Простор лесов и ярких красок буйство!
В лугов пушистый, пряный аромат
Влюбленности прекрасное безумство!

Прости, мой Город, я приговорен
Любить Отчизны милую природу,
Неприхотливый, но уютный дом
И перемену резкую погоды...

Я возвращусь к началу декабря
И на колени пред тобою встану:
Пусть не застал я россыпь янтарию,
Снегов алмазных россыпи застану!

С приветом из Москвы

Стреляет память, что ни говори.
Как будто наобум попал в десятку:
В Еманжелинске каждый метр земли
Родней Москвы на тысячу порядков!
Здесь полноценной ночью — тишина
И воздух свеж, и сумасшедше сладок.
Вкрапленья звезд на небе и Луна...
Во всем простой, уральский наш порядок
Здесь как-то по-домашнему: уют,
Добрее лица, и, открыто каюсь,
Что даже если в морду мне дадут.
То я, скорей, от счастья разрыдаюсь.
Какого же...? Чего же я искал?
Как по-житейски мало в жизни надо.
Сменив свою улыбку на оскал,
Я потерял друзей, что были рядом.
Все наносное — ветошь, хлам и теп!
Ну кто же знал: кому где будет лучше?
Москва, ты не решила всех проблем,
А лишь своих добавила до кучи.
И кодом генетическим в крови
Девятый вал достиг порога сердца!
Вдруг стало ясно: от родной Земли
Мне никуда теперь уже не деться.

«Реквием». Музыкальный фрагмент

...Все билось в истерическом аду:
Упреки, боль, — обид полуреальность.
Казалось — я в беспамятстве тону
В проблем своих глухую изначальность.
Казалось — мир, с ухмылкой Палача,
Не убивает, нет, а четвертует...
Хотелось наизнанку, сгоряча,
И не под фонограмму, а вживую
Греметь Иерихонскою трубой
Органым штормом рвать фрагменты арий
Став скорбным воплощеньем ноты Соль,
Тихонько плакать скрипкой Страдивари...

...Стекают фа диез и ля бемоль
На «Реквием» — спешит усталый Гений,
Вобрав всю человеческую боль
Из будущих и прошлых поколений...

Болезнь стихотворца

Опять болезнь подхватывает комом,
Жжет изнутри, кровь свертывая в ртуть.
Бунтует мысль — всплеск молнии изломом
На кончике пера — всей жизни суть!

Душа то рвется смехом ввысь, то плачет.
То хрипом задыхается в бреду...
Я просто не могу писать иначе!
Да и любить иначе не могу!

Взгляд из окна

Пронзителен до слез пейзаж оконный,
Там осени играет скрипка альт.
Там облетевшие глядятся клены
В заплаканный до слякоти асфальт.

Холодный дождь смывает листьев тени
Отжившие, увы, не воскресить.
И очередность наших потрясений
Уже никак не приостановить.

Там ветер бьет в лицо осатанело,
Дождь в мелочь неотвязную дробя...
Там я вот так внезапно облетела
И все никак не соберу себя.

Уеду в сад

От мыслей, от жары, от разных бед
Уеду в сад. В расплавленном асфальте
Затерян мой велосипедный след,
Как чёрточка на грязно — сером платье.

Уеду. Мне не нужен тормозок.
Я воздухом и солнцем насыщаюсь.
Воды холодной ключевой глоток
Меня с Небес на Землю возвращает.

Здесь всё моей посажено рукой,
С моим благословеньем и почтеньем.
Здесь каждый лист в себе несёт покой,
Дарит теплом и умиротвореньем.

Сольюсь с тобой, я — часть твоя, Земля!
Важнее нет науки первозданной,
Как с семени, практически с нуля,
Создать трудом свой сад благоуханный.

Пройдут века. Польются реки вспять.
Изменяется Природа и Пространство,
Но вечен тот, кто будет насаждать
Свои сады, с завидным постоянством!

Сумрачный туман

Накрыло ватным сумраком тумана,
Окутало белёсо-сизой мглой,
И смотрит Ночь глазами мальчугана,
Обкуренного сонною травой.

Волна безмолвья призраком спустилась,
Накрыв деревья и дома до крыш,
И тишина оглохшая скатилась
В Сарыкуль, под недремлющий камыш.

Беспомощные, в мире сюрреальном,
Повиснув между небом и землёй,
Ни зримо, ни на слух — никак буквально,
Нам не связаться, видимо, с тобой.

Закованы в трёхмерном измеренье,
Расплющены под прессом из свинца,
Смирненно ждём, уже как избавленья,
Пусть даже неудачного, конца.

Вдоль, зыбких стен крадётся неизбежность,
С ней в тесной паре поводырь — обман.
И в воздухе — такая безутешность,
А в мыслях, чувствах — сумрачный туман...

Осенняя мелодия

Я опять потерялась
В ярко-желтом нарядном тумане.
Попросила у Осени
Пару погожих деньков.
О вздыхающих листьях,
Что ковром под моими ногами.
Я еще не однажды
Напишу очень много стихов.

Напишу о рассветах,
Заптрихованных хмурой прохладой,
О тепле, уплывающем
К южным широтам Земли.
Сумасшедшее Лето,
Отпращавшись дождем звездопада,
Растворилось в объятьях
Бесконечно короткой любви.

Будут плакать березы,
Грустно листья, как слезы роняя,
Будет в колокол Вечности
Ветер надрывно стучать,

Но о том, что, возможно,
Я тебя навсегда потеряю,
Ни сегодня, ни завтра —
Никогда не смогу написать.

Навстречу снам

Я приходила много раз:
Во сне, в мечтах, туманной явью,
И ненасытному желанью
Была желанней без прикрас.

Тянулась нити параллель,
В ночи покровы распуская,
Мой образ, форму обретая,
Пытался задержаться в ней.

И там, за гранью бытия,
В томительном плену волненья,
Неясным призрачным виденьем
Тебя ласкала тень моя.

Скользила нежно по губам,
Едва касаясь возле уха,
И что-то непонятно-глухо
Нашептывала волосам...

И ночь уже изнемогала,
Она по каплям истекала,
Она в экстазе умирала...
А мы неслись навстречу снам...

Случайное пристанище

В этот вечер, туманно-пепельный,
По-над стенами блики — фрески...
Если хочешь, я буду трепетной...
Если хочешь, я буду дерзкой...
Приближается осознание
Постоянства вселенской плоти,
Размывается подсознание
Истомленностью чувств на взлете...
Кто мы? Где мы? В каком скиталище
Пьем из кубка безумной неги?
Попросив у Любви пристанища
На седьмом или выше небе.

Параллельные миры

Как уберечься от коварства?
И от превратностей судьбы?
Где та лазейка в подпространство
И параллельные миры?
Там вариантов — счет безмерный!
Но точно следуя судьбе,
Во всех — ты преданно-неверный,
А я верна, но не тебе...

* * *

Когда-нибудь я буду столь мудрей,
Что глупостей своих скрывать не стану.
В занятиях по садомазоману
Саму себя оставляю без идей.

Свалившись вниз, пусть с высоты холма,
И вправив то, что в голове осталось,
Пойму все то, что выше мне казалось —
Совсем не от высокого ума.

Встреча с юностью

Ты задержалась в юности со мной,
Запуталась во времени, наверно,
Всё также голос необыкновенный
Окутывает дымкой неземной.
Всё тот же взгляд — с лукавинкой такой,
Впускающий, загадочно-бездонный,
А я такой беспомощно-бездомный,
Весь в комплексах, навязанных собой.
И мне совсем не важно: этикет,
Как выглядишь, что замужем, есть дети...
Мне кажется, что мы одни на свете
И никого другого больше нет.
Мне кажется, что наша встреча — фант
Удачный, яркий, выбранный из лучших,
А не какой-то мимолётный случай
И бывших чувств неподтверждённый факт.
Опять в глазах безжалостный песок,
Утраченных мгновений отголоски,
Рисунок жизни — рваные полоски,
Что белым цветом выкрасить не смог.

Моя незаконченная повесть

Я о тебе пишу стихами
В блокнотах и черновиках.
Я о тебе шепчу губами
В тревожных и счастливых снах.
Бросаю жизнь тебе под ноги
Иль прочь отчаянно бегу.
Смиренно подвожу итоги,
А вывод сделать не могу.
Ловлю во взгляде восхищенье,
Печаль, надежду, боль твою —
Я собираю впечатленья
И все их бережно храню.
А что ещё верней, чем совесть?
Хоть против разума — грешу.
И незаконченную повесть
Я о тебе пишу... пишу...

На дне колодца

На дне колодца дремлет полумрак,
Там днём спокойно. Звёзды отдыхают.
Незримый сторож с самого утра
Их ревностно и чутко охраняет.

Крадусь тайком в заброшенном саду.
Мне где-то десять лет, а может, девять,
И мелкий камушек в карман кладу
Свою догадку странную проверить.

В холодной родниковой глубине
Темно и сыро, ничего не видно.
Дыханье Звёзд бездонное во сне
Притягивает властно и призывно.

Оно манит к себе, сквозь толщу лет,
В своих мирах загадочных остаться.
И камушком ему швыряю вслед.
Скорей от наважденья отвязаться!

...С годами всё необратимей связь:
Колодец опрокинулся в пространстве,
И звёзды отдохнувшие, смеясь,
Ликуют в невообразимом танце.

И повторилось всё до одного:
Опять они манят, зовут с собою,
И камушек из детства моего
Летит ко мне упавшею Звездой!

г. Еманжелинск

Лето 1961 года

Далёкое детство, но как сегодня помню: жаркий день, и мы, десятилетние пацаны из города Давлеканово, пошли на реку Дёму купаться. На лодке поплыли в места, где обычно проводили время — это «Пески». Здесь произошла встреча с батюшкой местной церкви. Он и молодая женщина вместе с диаконом и его женой купались в реке на нашем месте. На берегу реки горел костёр, на котором они готовили пищу. О чём-то оживленно говорили, энергично жестикулировали, казалось, временами спорили и даже довольно горячо. Батюшка плавал, рвал кувшинки, приносил и торжественно вручал женщине, оказывая ей знаки особого внимания.

Мы купались, загорали, но продолжали наблюдать за ними. В тот момент, мы еще не знали, что эта встреча будет иметь продолжение...

Вечером, возвращаясь с реки домой, мы издали увидели, что на церкви нет крестов и купола, а вокруг толпа народа. Подойдя ближе, увидели женщин, в основном преклонного возраста. На земле лежали сломанные кресты, а рабочие разбирали церковь. Народ между собой вёл разговор, о том, что батюшка уехал в Уфу, добиваться, чтобы не закрывали, не ломали храм. Мы, мальчишки, попытались рассказать им, что настоятель и диакон с женой целый день находились на речке, да и сейчас находятся там же. Нам не поверили и прогнали. Люди наивно верили, что священник в настоящее время защищает их интересы в Уфе и скоро приедет, добившись разрешения на работу храма. Этого они очень сильно желали. Поэтому, говорили они, рабочим ломать здание сейчас не нужно, а надо дождаться приезда батюшки.

Я уставший, голодный приплелся домой, где и застал свою бабушку Матрёну Григорьевну. Попросив кушать, стал рассказывать, чего видел и слышал у разрушенной церкви и на речке. Со смехом поведал, что поп целый день купался вместе с диаконом и его женой и отдыхал в своё удовольствие. Я не успел высказать все, что хотел, пришлось бросить еду, и бежать: бабушка Матрёна, неграмотная, верующая, законопослушная старушка пустила в ход посох. Он служил ей опорой, а бывало что и «воспитателем» для расшалившихся детей. Она мне не поверила, приговаривая, что я безбожник, «антихрист», пыталась достать меня своим батоном. Пришлось спешно ретироваться. В тот момент я еще не знал, что она целый день была на приходе, среди тех старушек, которые были там.

* * *

Вскоре церковь превратилась в спортивный зал школы.

...Прошло 35 лет. В г. Давлеканово построен новый Божий храм. Службу в нём несет отец Иоанн. Он-то и рассказал мне продолжение этой истории. В 1978 году его, тогда ещё молодого выпускника Киевской духовной семинарии, прислали в Башкирию. Здесь он служил с тем батюшкой, при котором была уничтожена церковь. Батюшка и диакон в течение почти года защищали свой храм от закрытия, писали письма, ездили в столицу Башкирии, даже в Москву, но власть к их слову не прислушалась. От бессилия, что они ничем не могут остановить закрытие и разрушение храма, оба приняли решение уехать. Но они сумели частично спасти от уничтожения храмовую утварь, несколько икон, сейчас все это находится в новом храме.

Родина! Как много в этом слове...

Когда пограничник выполняет свой долг, то все, что за его плечами — это Родина.

И где бы ни родился человек, в маленьком поселке или в большом городе — это его Родина! Еду в командировку или на отдыхи — было случая, чтобы я не проснулся, подъезжая к станции, где родился: будь это середина ночи или раннее утро. Сердце начинает усиленно биться, как будто кто-то заставляет меня проснуться, потому что я проезжаю свою малую Родину. Я бросаюсь от одного окна к другому и, вглядываясь в темноту, ищу заветный огонек...

Вот родная станция — все такая же, как в детстве, а на горе светится все та же телевизионная вышка.

Волнение прошло, я начинаю вспоминать любимые картины детства. Я родился здесь, и мои корни не дают мне забыть мою малую Родину. Служба моя проходила на китайской границе в Киргизии, защищал святые рубежи Родины — это был могучий Советский Союз, а сейчас Родина уменьшилась до границ России.

Родина! Как много в этом слове...

г. Челябинск

Юрий Александров

Жить в России

Эта осень, как награда,
За неистовое лето,
И полян лесных прохлада
Вмиг вас сделает поэтом.

Поклониться травам рыжим,
Пряным запахом напиться,
Отыскать последний рыжик
И в Россию вновь влюбиться.

Только здесь мне жить счастливо,
Без регалий и богатства,
И бродить неторопливо
Посреди лесного братства.

Старый окоп

Заросли окопы все полынью горькой
И не страшно мальчикам здесь играть нисколько,
Только вьется в небе беспокойно птица,
Кажется, ребятам рассказать стремиться,

Что в окопе этом полегли их деды,
Так и не дождавшись майской той Победы,
Их напрасно дома ожидали мамы
И хранили веру сквозь года упрямо.

Драчуны-мальчишки, не играйте в войны,
Было их на свете и без вас довольно,
Лучше помолчите на святом кургане,
Пусть хранят вас Боги, пусть не плачут мамы.

Урал

Матушка-природа так была добра,
Подарила страннику горы серебра,
Не того, унылого, что пылится в банках,
А живого, снежного, на лесных полянках.

Вновь купаюсь в золоте топ-моделей сосен.
Я в январском холоде лет десяток сбросил.
Горы, словно рыцари, сердце в плен забрали.
Если где и жить, друзья, только на Урале!

Я не клоун

Я вам не клоун коверный —
Сытых смешить и убогих,
Лучше, как пес подзаборный
Сгину я в дальней дороге.

Кто-то, склонившись над телом,
Скажет: «Отмаялся, бедный!»,
И перекрестит несмело
Лик мой печальный и бледный.

Печаль

Я разлучен с моею музой:
Лежит тоска на сердце грузом,
Цветок раздавлен чувства нежный,
Под каблуком судьбы небрежной.

В душе печаль и пустота,
И спит бескрылая мечта:
Ей неуютно в мире этом,
Где бьют ребенка и поэта.

Настроение

Мне только б не сойти с ума
От этой жизни суматошной,
Уж лучше странника сума —
Бродить по свету с ней несложно.

Встречать багряные рассветы
На ложе из сухой травы,
И думать, что за все на свете,
Сейчас в ответе, люди, вы.

Идите в бой за справедливость,
За хлеб насущный каждый день,
И у Творца просите милость,
Чтоб он запомнил вашу тень.

А я пойду своей дорогой,
Сквозь сумрак леса и туман.
Мне нужно так сейчас немного —
Мне только б не сойти с ума.

Уйти в себя

Что суета — удел невежд,
Приют несбывшихся надежд,
И страх перед расплатой вечной
Для всех жирующих беспечно.

Уйти в себя, как лодка в глубину,
Как камень падает ко дну,
В прохладный сумрак вечного покоя,
Безмолвно, никого не беспокоя.

Лишь память верная лениво,
Как тлен морской в часы прилива,
Вдруг шевельнет воспоминанья,
О том, как жил я вместе с вами.

Все проходит

В этой жизни все проходит:
Из-под ног земля уходит,
Но пройдет лишь пару лет —
Вновь надежды брезжит свет.

А счастливчик наш вчерашний,
Утомлен успехом страшно,
Вдруг недугом поражен —
Лик от страха искажен.

Посему на жизнь не сетуй:
Все проходит в мире этом,
Неудачи и успехи —
Просто жизни нашей вехи.

Звезда

Всю жизнь вы в поиске Звезды,
Людские, страждущие души,
Она важней глотка воды
В пустыне знойной, смерть несущей.

И ночью, в холод ледяной,
Когда и мысли замерзают,
Жив человек своей мечтой —
Она и греет и спасает.

Живи, Звезда моя, любовь,
Веди меня сквозь жизни холод,
С тобой умру, воскресну вновь,
С тобою вечен я и молод!

Письмена дождя

Дождя слепые письма:
Их прочесть никто не сможет,
Быть может, это имена
Друзей ушедших нас тревожат?

Быть может, неуютно там,
В краю покоя безмятежном,
Без нашей суеты и драм,
И между них — объятий нежных?

Вдруг говорят они: цени
Мой верный друг ты жизнь земную,
Ведь не попросишь: «Все верни!»
Когда злой рок свечу задует...

Костер

Костер горел и таял снег:
Остановило время бег,
Лишь пламя дымное огня
Держало на плаву меня.

И улетаю с дымом вольным
За облака, где мне не больно,
Где нет ни зла и нет обмана,
Где память лечит сердца раны.

Лишь о тебе моя печаль,
О той, что грезила по ночам,
О той, что вольно, иль неволью,
Я причинил так много боли.

Костер погас, летит зола,
Я верю, ты не помнишь зла,
А помнишь, как на сломе лета,
С тобой мечтали до рассвета.

Кумир

Ты мой кумир и ты мой фетиш,
Ты как звезда мне в жизни светишь,
С тобой пройду и зной, пургу я,
Судьбу не надо мне другую.

И если вдруг я упаду,
Сраженный пулей, иль наветом,
Тебя мой друг, тебя одну,
Я вспомню на земле при этом.

Звездный мир

Звездный мир под ногами —
Мой воскресный улов,
Словно белый пергамент
Из далеких миров.

Светят с поля мне звезды,
Как посланцы небес,
И волшебный здесь воздух,
И волшебный здесь лес.

Эту сказку, поверьте,
Видеть каждый бы смог,
Если хлопнул бы дверью
И ступил за порог.

Как растратив все краски,
День в горах синих тонет,
Ветер в бешеной пляске
Звезды по полю гонит.

Запах лета

Сена клочок на обочине
Словно весну напрозорчил мне,
Пахнет волшебно и тонко,
Как на свиданьи девчонка.

В царстве зимы и покоя
Редко увидишь такое —
Как среди полночи свет,
Далекого лета привет.

Красота

Мне не хватает красоты,
Как птице в небе высоты,
Как океана кораблю,
Как нелюбимому — «люблю».

Я знаю, что она вокруг витает,
И в облаках, что в небе тают,
В холмах сугробов нежно-зыбких,
В твоей загадочной улыбке

Устал я с прозой жизни биться,
Я в красоту хочу влюбиться,
Ловить ее черты, штрихи,
И только ей писать стихи.

г. Усть-Катав

Надежда Пысцова

Сказка про Снегурушку и ее подружек

В волшебный лес не каждый человек может отыскать дорогу. А всё потому, что Дед Мороз бережёт свои земли, обходит их с дозором каждый вечер, смотрит, все ли деревья целы, не пробрался ли кто чужой на заветную территорию, как волшебные зверята поживают, не нужно ль чего-нибудь вкусенького им? Помогает Деду следить за порядком в волшебном лесном царстве Снегурушка, внучка-умница.

Деревья в лесу — все в узорчатом инее, веточками позванивают, будто колокольчики ледяные. Дзынь-дзынь разлетаются во все стороны. Звери и птицы в том лесу говорящие, только понять их может наидобрейшей души человек или настоящий волшебник. А живут в лесу том родственники Деда Мороза, такие холодные и такие рассудительные. Понимают язык птиц и зверей. Потому что, как и Снегурушка-внучка, в академии снежных искусств учились, а её подружки — Вьюжа, Пургуша, Метельша — тоже познают дела морозильные, чудеса зимние.

Но как-то раз заболел Дед Мороз, температура у него поднялась. Позвал Снегурушку и просит:

— Внученька ты моя, самая послушная, самая умная, приболел я — из носа водица потекла. В холоде мне бы побыть с недельку: отлежаться бы в барокамере минусоидной, косточки подморозить, кровь остудить, поправиться... Новый год прошёл, Рождество приближается. Разболеюсь как совсем? Кто станет чудеса творить? Справишься без меня-то в Рождество?

— Справлюсь, дедушка, не волнуйся. У меня подруженьки одна другой умнее, науки зимние на одни «десятки» сдают профессорам северным, педагогам заморским.

— Апх-чи! Прости, пожалуйста. Апх-чи! — проговорил в нос Дед.

— Будь здоров, дедушка!

— Спасибо, внученька.

— А знаешь ли ты, что не должна делать в Рождество? Апч-хи! — спросил Мороз.

— Ну... Гадать с девушками.

— Так. Ещё. Апх-чи.

— Ещё в избы входить людские не должна.

— Верно! А ещё!

— За руки тёплые людей не брать.

— Правда. А ещё! — не унимался Дед.

— К печи не подходить — щи не пробовать, к самовару не приближаться — чай не пить.

— Так-так... Но и это ещё не всё! Апх-чи!

— А-а! В зеркала человеческие не смотреться, не гадать в Рождество.

— Вот теперь всё сказала! Апх-чи!

Дед залез в барокамеру, она в тереме у него ледяном стоит в специальной комнате. Включил температуру 70 градусов ниже нуля. Лежит книжки почитывает да подрёмывает — лечится. А Снегурушка подружек созвала и говорит им:

— Нам недельку или две всего-то продержаться нужно — за порядком в лесу волшебном наблюдать, пока Дед выздоравливает.

— Неделку или две продержимся, — отвечают ей подружки.

— А правила знаете: не гадать на Рождество, в избы не входить, людей за руки не брать, щи не кушать, чай не пить, в зеркала не смотреться!

— Знаем, знаем, — отвечают подруженьки.

Решили они по очереди лес обходить, дел-то у каждой невпроворот. В понедельник Снегурушка пойдёт в лес, во вторник — Вьюжа, в среду — Пургуша, в четверг — Метельша. А потом опять все сначала.

Снегурушка в понедельник вечером всемпташкам зернышекразнесла, зверюшкам — пряников медовых. Из рукавов своих снега натрясла — деревья и пригорки прикрыла. Стежки-дорожки осмотрела — нигде никаких следов не обнаружила. Во вторник Вьюжа отправилась в дозор. И не вернулась. Подружки всполошились, искать бросились. Весь волшебный лес обошли, под каждый кустик заглянули, у каждого медведя спросили, не заметили ли они, куда Вьюжа запропастилась. Медведи ничего не видели. Тогда созвали подруги лесных белочек. Но и белочки сверху тоже ничего особенного не заметили. И сороки, казалось, ведь самые любопытные из всех лесных жителей, а и те не заметили, как Вьюжа ушла. Куда исчезла?

На следующий день Пургуша пошла в волшебный лес и тоже не вернулась. И опять никто ничего не заметил. А через день и Метельша пропала. Тогда отправилась Снегурушка сама в дорогу дальнюю. За порядком в царстве лесном попросила присмотреть своих матушку Зиму да батюшку Севера. А дорога-то дальняя лежала в края человеческие, где леса самые обыкновенные, где птицы чирикают, звери рычат — их все слышат, но никто не понимает.

Три дня Снегурушка шла, и вот увидела деревушку. В ней — домики неказистые, из труб дым кверху поднимается, люди по тропинкам снуют кто к речке, кто к колодцу, кто в избы, кто в лес. Достала Снегурушка из саквояжа старую шубку с потёртыми рукавами, с обтрёпанным воротником, переделалась, саквояж под ёлочкой припрятала и в деревню направилась. Идёт по улицам Любимовки и во все окна заглядывает, в каждую избушку. И тут видит, как с крылечка Вьюжа спускается, у неё в руках коромысло и вёдра. «За водой пошла», — подумала Снегурушка. Взяла да навстречу ей вышла. Как увидела Вьюжа подружку, застеснялась, покраснелась:

— Прости, милая, не сдержалась я тогда: вышла на дорогу запретную и дошла до Любимовки. Захотелось мне посмотреть, как люди живут. А в Любимовке девушки косы плетут да песни поют. Я к ним и зашла в избу — наказ твоего Деда нарушила. Стала слушать песни да запоминать. Потом мы с горы катались. Так весело было! А вечером девушки гадать сели и мне предложили суженого посмотреть. Я не утерпела и согласилась. Чего мне бояться? Я ж не человек. Только в зеркало на меня кто-то как взглянет. Испугалась я — и назад кинулась, в наш волшебный лес. Пробежала по улице два дома, как ноженька подвернулась, упала я. А тут и человек из калитки вышел. И так он похож на того молодца, который смотрел на меня из зеркала, что жуть на меня напала. Я от страха сознание и потеряла. Очнулась — на кровати лежу среди перин пуховых. В избе печи топятся во всех комнатах. Растаяла я. Так растаяла, влюбилась в Фёдора. Его родителям приглянулась. Вчера свадьба была. Жена я теперь человеческая и сама человеком стала.

— Что ж ты наделала! — закричала Снегурушка. — Кто сейчас пургой заведовать станет?

— Прости подруженька. Только тепло мне здесь. Хорошо. А матушка Вьюга сама справится, согласилась она. Да и батюшка Буран не сердится уж. Благословили меня родители.

Делать нечего. Пошла Снегурушка дальше. Две деревни прошла, а Пургуши и Метельши нет нигде. Пригорюнилась. Два дня потратила на дорогу. А их нет нигде! Только видит вдруг, по лесной дорожке сани катятся. Тройка летит, колокольчиками звенит. А в санях девки да парни. Выскочили из саней и давай снежками кидаться. Смотрит Снегурушка, а среди них Пургуша, подружка любимая. Подошла к ней.

— Здравствуй, красавица. Здравствуй, подруженька.

Оглянулась Пургуша:

— Ой, Снегурушка! А я замуж выхожу за Ивана.

— За Ивана?

— Да вот за этого, весёлого гармониста. Прости подруженька, не стерпела я, ушла из волшебного леса, пошла по затаённым тропинкам Вьюжкиным и попала в края обыкновенные. Вижу, по дороге всадник летит. Я ему снег колючий в лицо бросила, а он не останавливается. Я коню ноги запутывать стала, такую пургу устроила! А всадник скачет. Я шапку с его головы сорвала. Только тогда он коня остановил, шапку подобрал, а сам еле на ногах стоит и говорит: «Что ты за девка такая вредная, пурга. Пропусти меня, не загораживай дорогу!» Разозлилась я и вышла ему навстречу. А он увидел меня и оторопел. «Кто ты, красавица?» — спрашивает. «Я — Пургуша, — отвечаю». «Чудеса! — говорит Иван и глазами хлопает. — Почему я тебя не видел раньше?» «Далеко жила, — говорю». Вот так и разговорились мы с ним. Он меня за руки взял, на коня посадил, в деревню Веселушкину привёз. С братьями, сестрами познакомил. Подружек я себе завела новых. Здесь останусь. Весело у людей.

— Полюбила Ивана? — строго спросила Снегурушка.

— Ой, как он мне мил! — покраснелась и потупилась Пургуша.

— Жалеть потом станешь!

— Не стану. Добрый он.

— А кто пургу будет закручивать в лесу волшебном?

— Так матушка Пурга согласилась. Батюшка Холод уж сильно сердился на меня: скрипел, трещал, ведь я его единственная дочь. Но согласился отдать замуж за Ивана.

— А Метельша где, знаешь? — спросила Снегурушка.

— Ищи в Бесединой, — ответила Пургуша.

Делать нечего. Снегурочка распрощалась с подругой и дальше пошла. К утру до Бесединой добралась. Слышит, кто-то дрова с утра пилит Вжиг-вжиг! Вжуг-вжуг! Присмотрелась. А это Метельша с Николаем бревна распиливают. Да друженько так. Смеются. Переговариваются. Тут уж рассердилась по-настоящему Снегурушка.

— Смеешься? — спрашивает Метельшу.

— Ой! Подруженька моя верная. Снегурушка! Да как же ты меня разыскала?

— Нетрудно было найти тебя.

— Не сердись на меня... А это муж мой Николай.

— Муж? Значит, и ты у людей осталась?

— Осталась, милая. И ты оставайся, сегодня матушка Метель с батюшкой Ветром в гости пожелают. В лесу зимнем дорожки тканые уж постелили, стол накроем, беседовать станем. Родителям холодный лимонад приготовили да мороженое. А нам — горячий чай с пирогами капустными.

Ничего не ответила Снегурушка. Хлопнула три раза волшебными рукавицами. Появилась чудо-тройка. Пригнула внучка в сани, закрыла пушистыми рукавичками лицо и заплакала. Слезы её по щекам скатываются и тут же на ветру в хрусталики превращаются. Хрусталики на лес обыкновенный падают, звенят. Дзынь-динь. На ёлочках огонёчки зажигаются. Добралась до знакомого места внучка на окраине старого леса. Нашла свой саквояж под ёлочкой. Переделалась. Только расправила свою шубку белую, распушила снежный воротничок, как в своем волшебном лесу оказалась.

Грустно стало Снегурушке — все подруженьки замуж вышли, у людей остались. Только у неё жениха нет!

Идёт она по лесу к терему волшебному. Идёт и не слышит Снегурушка, так задумалась, как кричат ей со всех веток птицы, как из-под каждого кустика звери рыкают:

— Жених идёт! Жених идёт! Встречай, Снегурушка!

А Снегурушка села на пенёчек и опять заплакала. Грустно ей.

Тут вдруг снег пошел, да такими большими хлопьями повалил. Это Дед Мороз вышел из терема ледяного и сразу лес свой пошёл проверять. Идёт, песни поёт. Видит, внучка плачет. Спрятался он за ель, притаился. «Ах, вот оно что, — думает. — Одна-одинёшенька осталась внученька моя». Призадумался Дед. Стал бороду приглаживать и женихов заморских вспоминать. Никто в голову не приходит. Снег перестал идти. И тут вспомнил Дед, что у друга его Декабря, сын есть Январь, а у Января — сын Февраль. Внук Декабря давно вырос. Лет двадцать пять стукнуло уж Февралю. Не женился ещё, слышал. Вернулся Дед в терем, стукнул посохом своим три раза, тройка лошадей уж у терема стоит. Выскочил Дед на крыльцо, запрыгнул в сани и к Декабрю полетел. Всю ночь деда думали, как молодых познакомить. А утром Февраля отправили в волшебный лес, будто Дед Мороз посох забыл, а, где он, только Снегурушка знает. А посох свой Мороз специально оставил дома. Снегурушку же нужно было Февралю разыскать в лесу волшебном. Он и нашёл её грустной всё на том же пенёчке любимом. Шубка её покрылась инеем, ещё красивее стала. Кругом её сапожек хрусталь лежит — столько слёз наплакала девица. Жалко Февралю её стало.

— Здравствуй, девица! Здравствуй, Снегурушка!

Вздрыгнула внучка, глаза подняла, полные слёз. А перед ней — молодец сказочный.

— Кто ты? — спросила Снегурушка.

— Февраль.

— Февраль? Рано что-то ты пришёл. Только декабрь наступил.

— В самый раз. Пока к свадьбе готовимся — и моё время придёт. Замуж пойдешь за меня?

— Приглядеться надо сначала.

— Так вот же я весь перед тобой, приглядывайся.

Соскочила с пенёчка Снегурушка, хлопнула три раза пушистыми рукавичками и пропала, как будто её здесь и не было. Одни хрусталики посверкивают на снегу. Оглянулся Февраль вокруг себя, видит, никого нет на полянке, кроме него самого. Вдруг слышит издали нежный Снегурушкин голос:

— Найди меня!

— Ах, так! В прятки решила поиграть?

Топнул он три раза своими хромовыми красными сапожками и тоже исчез. Завертелась на поляне позёмка и успокоилась. А минуты через три вновь появились на поляне и Снегурушка, и Февраль. Февраль крепко девушку за руку держит, а сам говорит ей:

— Теперь ты меня найди.

Как сказал, так и провалился будто сквозь землю. Даже следов не осталось.

Снегурушка призадумалась. Потом расстегнула шубку и сняла с шеи своей платочек шёлковый. Такой бирюзовый, весь расшитый птицами сказочными. Взмахнула платочком, птицы-то с него и слетели. Стали совсем настоящими. Закружились вокруг Снегурушки. А она хватать одну птицу за лапки. Та как переполошилась! Да как взлетит! А остальные за ней следом. И исчезли все в зимнем небе вместе со Снегурушкой. А через две минуты вернулись уже со Снегурушкой и Февралём.

— Молодец, — сказал Февраль. Быстро справилась. На целую минуту меня обыграла. Пригляделась?

— Пригляделась, — засмузилась Снегурушка.

К свадьбе готовился весь лес. Белочки бусы и ожерелья для внучки связывали. Медведи брёвна для нового терема заготавливали. Бобры терем скатывали для молодых.

Зайцы перины взбивали. А лисоньки платье подвенечное шили днём и ночью. Да и родителям молодых-то забот хватало.

В феврале свадьбу сказочную сыграли, и живут теперь Снегурушка и Февраль в лесу в том самом волшебном. К подружкам в Любимовку, Веселушкину и Беседину только зимой навещаются. Утощают их там лимонадом холодным и мороженым почуют прямо среди снежных полей да лесов, на широких полянах. И все хорошо живут, все счастливы! Видно, так им на роду было написано!

г. Челябинск

Сергей Андрюков

Сон о Миассе

Часто снится мне: мой Миасс
Весь в сиянии, как злато-рыбки,
И «Уралы», и «УралАЗ»...
И в глазах у людей — улыбки!

Я спросил одного из них: —
Объясните,
чему вы рады?
Разве нету вестей дурных?
Разве всех истребили гадов?
Разве платят вам все сполна?
Разве нету теперь талонов?
Я же помню,
достигли дна!
Вся Россия в печальных столах!

Он ответил: — Товарищ. Вам
Этот ужас должно быть снился.
Улыбнувшись моим словам
Собеседник мой удалился.

Озираюсь.
Неужто впрямь
Все, что помню, лишь снов кошмары?
Почему же мой мозг упрям
И все время твердит о старом?

Я не верю своим глазам
И тому, что кругом фонтаны
Но, разлился в душе бальзам
Ароматный, душистый, пряный.

Перед взором моим — Миасс.
Весь в сиянии, как злато-рыбки.
И «Уралы», и «УралАЗ».
И в глазах у людей — улыбки!

О времени

Своими я глазами видел время,
Оно росло и набирало цвет,
Проклюнувшись как маленькое семя,
Помолодев на миллионы лет.

С себя снимая покрывала пыли,
Со старости коррозию содрав,
Сверкало новизной, и грязь отмыли
Дожди, озона аромат вобрав.

Мне запахом цветочным время пело,
А я внимал и думал про себя,
Что много лет уж мимо пролетело, —
Крадется старость, молодость губя.

А время, улыбаясь, все шутило
И вечную мне молодость сулило.

Промчались годы

Поблекли некогда игривые глаза,
Румянец щек изрезали морщины,
Иссякла молодость и горькая слеза
Полна тяжелой, старческой пучины.

Здоровье, крепкое когда-то, извелось,
И я все чаще думаю о Боге —
Не так уж много накопить мне удалось
Хороших дел на жизненной дороге.

Тернистый путь мой приближается к концу,
И волосы, чем дальше — тем белее,
И я завидую мальчишке-пострельцу,
Воркующему с девочкой в аллее.

А я давно отворковался и поник,
И вот уж вынужден признать, что я — старик!

Не очень стар?

Все чаще замечаю: стынет кровь
И я все больше, больше хорохорюсь,
Как будто начал жить я нынче вновь, —
Как будто так от старости укроюсь.
Все чаще в зеркало гляжу: не очень стар?
Все чаще спрашиваю: сколько мне дадите?
И дням рождения не радуюсь, как встарь,
Увы, напротив, огорчаюсь, посудите:

Года свои богатством не считаю,
Грядущей немощи — панически боюсь,
Гримасы старости — улыбкой закрываю
И маску счастья снимать не тороплюсь.

И все-таки во сне она слетает.
И жизнь моя, как снег весенний — тает.

г. Миасс

Анатолий Петягин

Певец совести

(Рассказ)

Среди деревенских мужиков Николай Петрович Егоркин внешне ничем не выделялся. Был в меру высок, сухопар и мосласт. И одевался, как большинство наших мужиков, без затей: в будни — серенькие застиранные хлопчатобумажные штаны и пиджачишко, а в праздники — мятый, от долгого лежания, суконный костюм темно-

синего цвета. Поглядеть со стороны — мужик как мужик.

Но вот что любопытно, прожив в деревне все свои шестьдесят с небольшим лет, он так и не удостоился от односельчан какого-либо прозвища.

Между прочим, прозвища в моей деревне люди носили такие — неделю будешь голову ломать, но ничего похожего не придумаешь. Одних называли Зассатыми, других — Ерами, третьих — Чебаками. Были Коньки, Хорьки, Куруны. Жили в деревне Гашка Сереберная и Дунька Вертушкина, хотя за каждым экзотическим прозвищем прятались вполне благозвучные имена и фамилии. Но самым умопомрачительным прозвищем владела бабка Марина. Может за то, что в молодости была большой активисткой при раскулачивании местных крестьян, и земляки называли ее Мариной Засранчихой. С этим именем ее и схоронили, когда время пришло.

Егоркину прозвищем, как я уже много лет спустя догадался, были его имя и отчество. Таких самородков в деревне жило несколько, в их число входил и Николай Петрович. Поэтому, когда о ком-то другом тут, если начинали что-то рассказывать, так сразу же и называли прозвище, а иначе кто ж понял бы, о ком речь. Но если разговор заходил о Егоркине, то его непременно величали по имени-отчеству. Подозреваю, его фамилию многие даже и не знали. А может, и знали да по причине редкого употребления забыли. Скажут: «Вот Николай-то Петрович надьсь учудил так учудил!», — и всем все понятно. Вообще-то чудил он нечасто. Молчаливым был, слова не вытянешь. Соберутся мужики перед работой в бригадном домике, травят соленые байки и анекдоты, ржут и друг друга подначивают. Николай Петрович слушает, чадит сигаркой — и хоть бы усмехнулся. Правда, время от времени, когда очередной анекдот у рассказчика получался особенно заборист, Николай Петрович голос подавал. Ни к кому не обращаясь, такой скороговоркой что-то скажет под тощей нос, что и не поймешь, о чем. Но чаще мысли и эмоции выражал двумя словами «вот ень!» Произносил он их всегда по-разному, в зависимости от душевного состояния. Иногда, когда его что-то задевало до гнева, то к своим постоянным «вот ень», добавлял еще одно обязательное слово. На этот раз, правда, уже матерное, но в рифму. Справедливости ради скажу, Егоркин, вообще-то, в отличие от большинства наших деревенских мужиков, матерщинником не был. Даже, бывало, его, по пьянке, кто обматерит, так он и тут не найдет другого ответа, кроме недоуменного — «вот ень!» За эту незлобивость деревенские мужики Егоркина считали вроде недотепы, и за глаза даже над ним подсмеивались. Но простофилей-то он как раз и не был. Был со странностями. Знающие люди рассказывали, что в молодости Николай Петрович был даже веселым и общительным. Да где-то, в какой-то своей же деревенской компании, что-то лишнее ляпнул в адрес колхозной власти. Это было еще перед Великой Отечественной войной, при сталинщине. Егоркина, как чуждого элемента, куда-то увозили. В деревню вернулся через полгода. С тех пор стал молчуном, со странностями.

В отличие от многих мужиков, Егоркин выпивал редко. Но уж когда себе позволял и напивался пьяным, то просто преображался. Его мосластые плечи разом распрямлялись, голова полуоткидывалась назад и чуть в сторону, длинные руки, как у заправского дирижера, начинали то плавные, то стремительные пассы, и Егоркин запевал.

В компаниях и по пьяной лавочке, кто не поет? Но в том-то и особенность, что Николай Петрович, оказываясь в подпитии, пел не какие-то там народные песни и частушки, а самые натуральные оперные арии. И все собственного сочинения. А лучше сказать — арии-экспромты. Пел с выражением, голосовыми модуляциями, и в эти минуты, казалось, он выплескивал наружу все свои душевные переживания и эмоции, которые долго держал в себе и которые выражал неизменной скороговоркой «вот ень!» Сопровождай вдруг это пение симфонический оркестр, — ни дать ни взять, гастролер оперного театра вышел потешиться на деревенскую улицу.

Пел о разном, что пережил за день, о чем молчал со дня предыдущей выпивки. Это были своеобразные семейные и деревенские новости в оперной манере исполнения.

— Молчи, Наталья, не бабская эт-га дела, учить м-меня, м-мужа да твоего! — под аккомпанемент собачьего лая прорезает вечернюю тишину высокий и сильный тенор

Николая Петровича. Это как бы проба голоса, извещение односельчан о своем выходе со двора на уличную сцену. После чего, мало — помалу, голос крепнет, и начинается представление.

— Соседушки, да мои вы дорогие! Все вижу-замечаю, грешно живете, сенцо и мучку да с фермы прете. Федя, сокол востроглазый, да ты партийный секлетарь! Не выдам, не таковский, чтоб доносить твоей Марее, что ты с Мысевной вытворял.

Следовало невнятное бормотание, заканчивающееся непременно «енть!»

Пропев тайны парторга Федора, Егоркин переключался на счетовода Григория. С Григория переходил на скотника Ефима. С Ефима — на сторожа Никанора. Пока хватало хмельного запала. И всегда возвращался к своей Наталье. После каждого такого вечернего концерта, соседи, встречаясь с героями Егоркиной оперы, беззлобно похохатывали. Сами же эти герои, увидев певца, крутили пальцем у виска, от души матерились.

— Федор, Федор, ентъ, неуж и тебя чем задел?! — частил сокрушенно Егоркин, встретившись утром с парторгом Федором. Но однажды Николай Петрович в своем оперном творчестве превзошел самого себя. По возрасту и какой ни какой грамотешке, работал он в колхозе фуражиром. Поэтому много чего примечал за своими односельчанами. Сам-то он ни клочка сена, ни горсти зерна общественного не брал, от того, может, так и переживал за чужие грешки.

Стояла звонкая осень. Деревня, умаявшись от уборочных хлопот, укладывалась спать. И тут, за окнами, раздалось пение Егоркина.

— Послухать што ли? — наспех набрасывая на голые плечи телогрейки, говорили мужики.

Выходили во дворы, мочились через огородные штакетины, изумленно слушали.

— Степушка, подлец ты непутевый! — пьяно оступаясь на колдобинах, держит высокую ноту Николай Петрович. — Ой, да как скучает по ком-то тюремная камерка да с парашечкой.

Какой уж по счету мешочек пшенички ты пропил с районными оглоедами?! «Молчи, будто не видишь ничего!» — приказываешь мне. Будя, Степушка! Довольно скрытничать, пришел черед виниться!..

Деревня затихла. Даже собаки, привычно сопровождавшие разрозненным лаем пение Егоркина, прикусили языки и наострили уши. Потому что на этот раз Николай Петрович пел о самом председателе колхоза, Степке Гарюшкине, хозяйственнике никчемном, но большом любителе выпить. Наутро они встретились в колхозной конторе. За Егоркиным чуть свет прибежала рассылная Матрена.

— Ты, Николай Петрович, умный человек, все видишь, обо всем знаешь, — издалека затянул волюнку Гарюшкин, глядя похмельными глазами в такие же глаза тоскующего Егоркина. — Про свою Наталью поешь — ладно, твое дело. Парторг тоже проморгается, привычный. А мне, Николай Петрович, авторитет нужен, должность у меня ответственная. Вот так-то, певец совести! Ступай, пой дальше.

С тех пор Егоркин долго работал на току. Не заведующим, а разнорабочим, с бабами. Время от времени, по праздникам или по другому важному случаю, выпивал. Напившись, спотыкаясь, выходил на вечернюю улицу. О председателе Степке больше не пел, да и парторг Федор его уже не интересовал. Пел чаще о себе и своей Наталье, — к теме общественной жизни будто интерес пропал. Хотя чего уж и бояться-то было, служил разнорабочим, при лопате.

А затем, как-то вдруг, не стало видно ни самого Николая Петровича, не стало слышно и его арий. Заболел и тихо умер. Два дня над гробом, а потом на кладбище, безутешно голосила оставшаяся вдовой уже давно немолодая Наталья — неизменная героиня его оперных экспромтов. Голосила по правилам, с причетами — ни дать ни взять, как еще недавно пел сам Николай Петрович. А он лежал строгий, с плотно закрытыми глазами и будто ждал последнего момента, чтобы прежде чем его закроют крышкой, успеть одобрить Натальины причеты своим привычным «вот ентъ!» А может и добавить еще одно словечко, в рифму. Уж очень случай-то подходящ — пожить-то можно было бы и дольше.

Экспресс-хрестоматия цинизмов

Илиада и Одиссея

Слепой поэт гекзаметром измерил
Коварство, лень и шалости богов,
Ватагой праздной на Олимпе возлежащих,
Лишенья бедным грекам приносящих.

Борьба царей и ихних сыновей
Подогревалась с неба тем сильней,
Чем поумней и благородней люди:
Кто похитрей, тот победитель будет.

Простое яблоко причиной стало бойни
Громадного количества людей,
Немногие вернулись с поля брани,
А дело в том, что ветреный засранец

С претенциозным именем Парис
Увел жену у грека Менелая.
И с ней махнул круизить в Илион,
Да там про все забыл счастливый он.

А между тем войска Агамемнона,
Чтоб укрепить Афинскую корону,
Поддержкой Ахиллеса заручились,
За шалость эту прочно зацепились.

И началась такая тут заруба,
Что многие в той битве дали дуба.
Определился этой бойни вектор,
Когда сцепились Ахиллес и Гектор.

Там Гектор пал, сраженный Ахиллесом,
Не знал герой, что этого балбеса
По пяткам надо бить наверняка,
Никто не надоумил дурака.

Потом рубиться воины устали,
Всех раненых, убитых подобрали.
И илионцы спрятались опять,
А греки их не стали догонять.

И тут в резных дверях из палисандра
Возникла сумасшедшая Кассандра
Накаркала, что видела во снах,
Как пел Высоцкий: «Трою, павшей в прах»

И, генератор греческих идей,
Придумал хитроумный Одиссей

Изладить деревянного коня,
А в нем такая скрыта западня!

Чтоб отворить Троянские ворота,
Во чреве спрятались мордовороты:
Десятка два жестоких и нетрезвых
Отъявленных головорезов.

Счастливые троянцы затупили,
Коня вовнутрь ограды закатали,
А ночью и до середины дня
Безжалостная дикая резня

Их уничтожила. И с той поры почти
Доверчивость у умных не в чести,
А Одиссей, уставший в том бою,
Поплыл обратно в Итаку свою.

Вот где повеселился он на славу!
Уконтропутил целую ораву:
Супруги Пенелопы женихов,
Из лука пострелял, как петухов.

Мастер и Маргарита

Изящная, однако, вышла вещь
Из под пера писателя стилиста:
Две пары сшиблись чистых и нечистых,
Чтоб раз и навсегда решить вопрос,
Кому вершить расправу в СССР
Над жадностью и пошлостью людской,
Как относиться в СССР к вере.
Написана она с такой тоской
По настоящей трепетной любви
Мужчины к женщине, потом наоборот.
В судьбе такой возможен поворот,
Что из двери вонючего подвала
Любовь сама сто лет не вылезала,
Когда б не творчество и правда за него.
Для мастера оно важней всего.
И тот порой не спит, не пьет, не ест,
А тащит на Голгофу тяжкий крест.

Преступление и наказание

Студенту без стипендии — хана,
Ни колбасы, ни травки, ни вина.
А тут старушка злобная живет
И денег в долг так просто не дает.

Верней, дает. Но даже для студентов
У ней, заразы, дикие проценты,
Каких не просит даже Альфа-банк,
И не уговорить — тверда, как танк.

А нищета все круче прижимает.
Кто долго голодал, тот точно знает,
Что в это время совесть не укор,
И Родя в трансе взялся за топор.

«Я тварь дрожащая, или имею право?
К тому же мне обидно за державу,
Живут же на земле такие твари!» —
Старушку по башке и отоварил.

Но тут пошли от дьявола приветы,
И безответная возникла Лизавета.
От страха Родион поднял топор
И стал дрожащей тварью с этих пор.

Убил, ограбил и награбленное спрятал,
И дальше Достоевский крутит вату
О том, как совесть мучает его.
Откройте! Дома нету никого.

Был парень милостивый государь,
А стал безвольная тупая тварь.
И даже тем, что хапнуть он успел,
Распорядиться так и не сумел

Ему, конечно, в этом помогли
Преступно благородный Свидригайлов,
Порфирий — друг и прочие друзья,
А Питер доконал, считаю я.

Кругом фасадов пышных мишура
И мрачный холод Невского двора.
В Сибири с Роди оторопь прошла,
Девушка Соня — падшая — спасла.

Двенадцать

Позади голодный пес,
Впереди Иисус Христос,
Рядом Катька с сиськами,
Ее Ванька тискает.

Гетры серые носила,
С кем ты только не блудила,
Шоколад Миньон жрала,
С кем ты только не спала.

Ты, страна моя Россия,
Со своей дурацкой силой
Разожгла огонь в груди.
Эй, буржуй, не подходи!

Мы своих врагов обуем,
Мировой пожар раздуем,
А пока — царя смели
И в усадьбе книжки жгли.

Хорошо

Большой поэт, громадный человек,
Глядит с портрета через прорезь век
Со снимка синей сепии давнишнего
Одет со вкусом и не грамма лишнего.

И так во всем — в поэзии и внешности
В нем содержалось минимум погрешности,
Но так угодно было небесам:
Он лишним все же оказался сам.

Не потому, что был он избалован,
Но был эпохой сильно очарован.
Нормальный дворянин, а не урод,
Любил до боли он простой народ.

Крестьяне, рабочие — люди страны,
Все стали свободные, стали равны,
Какой-то кураж небывалый пошел,
Поэт посмотрел и сказал: «Хорошо»

Поднялся с колен угнетавшийся раб,
Освободил душегубов и баб.
Пошли в институты в ОСОАВИАХИМ.
И северный полюс понравился им.

Властью народной вершили суды
И умерщвляли из-за ерунды.
Вместо фемиды — три шизофреника,
Вместо поэзии — бороды-веники.

Важно, что правит великий народ,
Важно, что так, а не наоборот.
Ну а народу всегда наплевать,
Чем благородных людей поливать.

И не художника это вина,
Во что превратилась подросток-страна.
Прошло очарование эпохой,
И для поэта наступило «Плохо».

Кармен

Любовь и смерть всегда ходили рядом,
Как дружат, например, лекарства с ядом.
Так, собственно, и жизнь, в момент зачатья
Кому-то мед, ну а кому-проклятье.
И то, что в сексе без любви нет толку,
Солдат Хосе, сбежавший в самоволку,
Узнал, очнувшись утром с бадога,
Когда во лбу прорезались рога.
Его Кармен — цыганочка одна,
Хлебнув в таверне грешного вина,
Увидела красавца — матадора
И с ним сошлась в объятьях до упора.
Ведь у любви ни разума, ни смысла.
Крючочки на концах у коромысла
Предполагают ровно два ведра.
Хосе был лишним с этого утра.
Возможно, что солдатик был нетрезвый,
Короче — взял ее, да и зарезал.

Война и мир

Парле о Франсе, ну что тут говорить
Россию на хапок не покорить.
Но Бонапарт попробовал, однако
С Кутузовым, гордец, затеял драку.
И от Москвы до самых до окраин
Теперь все знают, что медведь хозяин.
В виду имею книгу Льва Толстого
Про русскую графиню, про Ростову.
«Ах, Соня, Соня» — говорит она —
«Какая в небе клёвая луна.
Наташка непростой была девицей,
Любила на балах повеселиться,
Кружила голову Андре и Анатолю,
Любила всех и батюшку, и Колю, —
Любила небо, птичек и охоту,
Но, чтобы не таскаться на работу,
Она в итоге сделала карьеру
И вышла замуж за беднягу Пьера.
Все это просто, как пирог с грибами:
У Пьера денег, как дерьма за баней.

Отцы и дети

И раньше портились воспитанные дети
Как, например, в тургеневском сюжете,
На них, порой, влияли наглецы,
Хоть этому противились отцы.

Напомню — там барчук привез в именье
Сплошное недоразуменье —
Естествоиспытателя-студента,
Любителя экспериментов.

Субъекта по фамилии Базаров.
Его терпели совершенно даром
Лишь потому, что выродок Аркадий
Был с ним предельно близок в Петрограде.

Базаров образован однобоко.
Естественные темы знал глубоко,
А с остальными было тяжело.
И он сказал, что Рафаэль — фуфло.

Аркадьев дядя взвился, как собака
Потом у них вообще дошло до драки,
Сцепились два субъекта поколений,
Но я не понял, за кого Тургенев.

Вот думаю, что автор понимал,
Что для аристократов час настал,
А юношу убил на самом деле,
Чтоб мы его маленько пожалели.

И пожалели, получив врага.
Бездушная стратегия строга.
Таких вот разночинцев, как Евгений,
Однажды подобрал в Сибири Ленин.

Обломов

Художник завсегда художник,
И даже если он сапожник,
Дрожат от зависти враги,
Взглянув на эти сапоги.

Тем более писатель русский,
Пусть даже если без закуски
Он все равно рисует,
Что нас интересуется.

Рисует просто рожицу,
А мысль гуляет по лицу.
Доступно пониманью все:
От Метерлинка до Басе

Обломов, русский дворянин,
Добр, благороден и раним.
Мысль зарождается легко,
Душа взлетает высоко,

А Штольц его мечту болван
Роняет грубо на диван.
Но это, в общем, ерунда,
С дивана минимум вреда.

Иной бывает трудовит
И пользу делать норовит,
А натворит такой беды,
Что не туды и не сюды.

Молились старцы на Руси
Им говорили: Русь спаси.
Они ведь молятся когда
Не бегают туда-сюда.

г. Челябинск

Василий Носков

Перед рассветом

Уж приближается рассвет.
Природа в чарах сна.
Лишь льет на землю
Слабый свет
Усталая луна.
И непоседа-ветерок
Свалился с ног, устав.
Преодолеть свой сон
Не смог
И нежится в кустах.

Чуть-чуть румянится
Восток:
Алеет небосклон.
Пьянящих запахов поток
Плывет со всех сторон.
Чу! Кто-то щелкнул
среди ветвей.
И снова тишина.
Чудесна прелестью своей
Природа в чарах сна.

Июль

Уже июль. В разгаре лето.
Пора зарниц, грибных дождей.
Я так люблю его за это,
За нежность ласковых ночей,
За тишину перед рассветом,
Ее таинственный секрет,
За зорьку, пахнущую летом,
И удивительный рассвет,

За хлебный запах над полями
И трав медовых аромат,
За наслажденье соловьями,
Которым я безмерно рад,
За изумрудные росинки,
Что ночь рассыпала в траве,
За все июльские новинки.
Что полюбились мне навек.

Раннее утро

Чуть слышен робкий шепот ночи.
Заря проснуться не спешит.
Уж меркнут звезды. Громко очень
Вдруг что-то щелкнуло в тиши.

Заря вздохнула, пробудилась.
Край неба нежно заалел.
Вокруг все сразу изменилось,
И соловей в кустах запел.

Потухли звезды. Даль светлеет.
Вон багровеет небосклон.
Лес все сильнее зеленеет,
И льется жаворонка звон.

А вот и солнышко всплывает.
Потоком хлынул яркий свет.
Туман, как призрак, исчезает,
И тьмы ночной уж больше нет.
Невольно каждый улыбнется,
В ту пору отправляясь в путь.
Как птица, сердце встрепенется,
Легко и вольно дышит грудь!

Летний вечер

Еще небесная лазурь
Утратить прелесть не успела,
А ветерок, обняв лозу,
Ее ласкать принялся смело.
На небе нежно-голубом
Раскрылись первых звезд цветочки
Над засыпающим селом
Зажглись огни — цветные точки.
В пути заснули облака.
В одежду снежную одеты,
Приплыли к нам издалека,
Чтоб завтра вновь
Исчезнуть где-то.
Взошла красавица луна —
Кумир поэтов вдохновенных.
Она, как девушка, скромна,
Помощник, спутник,
Друг влюбленных.
Кругом такая тишина!
Растаял нежный шепот вишен.
Природа вся в объятьях сна,
Лишь комариный зуммер слышен.

Август

Да! Август —
Истинный трудяга
И настоящий хлебосол.
Дарит нам много спелых ягод
И впрок грибочков — на засол.
Крестьян торопит, чтоб успели
Кормов животным запасти,
Хлеба чтоб вовремя созрели,
Достаток людям принести.

Румянит щеки у томатов,
Гирлянды яблок золотит,
Их начинает ароматом,
Чтоб пробуждали аппетит.
Зажёт монисто на рябинах,
Плоды сверкают, как рубин.
Ах!
Эту августа картину
Люблю я с детства до седин.

Сенокосная страда

Мне снится наш родной до боли,
Трудом прославленный Урал.
Там, как орел, я жил на воле
И наслаждаясь, отдыхал.
И наблюдал, как в дымке синей,
Прошитой солнечным лучом,
Там, за пригорками, в низине
Земная жизнь кипит ключом.
Идет страда. В разгаре лето.
Да. У крестьян горячий срок.
Хозяин всякий знает это,
Спешит корма готовить впрок.
Вон МТЗ сгребает сено.
Подборщик вслед за ним идет.
Копнитель им спешит на смену
И работяга-стогомет
В труде не уступает тоже:
Все сено в скирды укладет,
Труд, как бухгалтер, подытожит,
И сдаст учетчику отчет.
Итог конечный впечатляет.
Уйдут машины на покой.
Луг улыбнется, засияет,
Своей любясь чистотой.

г. Санкт-Петербург

Илья Весенн

Тарзан

Давным-давно, ещё при «махровом социализме», популярна была шефская помощь селу. Почему-то она называлась «шефская», хотя ни один уважающий себя шеф, т. е. начальник, отягощенный и брюшком и мягким креслом, в село не ездил, ни за какие коврижки! Посылали туда кого уютно: служащих, учащихся, но в основном студентов. Они-то и исполняли роль шефов «мелкого пошиба», работая за гроши да, что было чаще, за чашку похлёбки и стакан молока. Вот и в тот раз направили студентов-первокурсников на уборку картофеля в глухую татарскую деревню, где сносно изъяснялся на русском лишь тракторист Халил, недавно отслуживший в армии. Загрузил Халил наших героев в кузов прицепа старенького, чадающего и фыркающего самоходного агрегата и отвёз подальше в поле. Там, как смог, объяснил студентам, что нужно сделать в поле, и принялись смысленные ребята картошку («бэренге» по-татарски) с поля убирать. Распределились и принялись работать. Одни копают, другие в ведра собирают, в мешки ссыпают, а третьи эти мешки в прицеп забрасывают и везут в овощехранилище. Везить картошку вызвались Димка и Юрка — студенты хотя и хиловатые, но вполне хитроватые. Работу выбрали весьма непыльную: закинул мешки в прицеп — отдыхай, сгрузил — опять отдыхай! Скинули футболки и, обнажив осеннему, пока ещё тёплому, солнцу свои бронзовые с лета тела, с прибаутками загрузили первый прицеп, легко запрыгнули в него. Да покатали по полевой дороге, затем по узкой плотине, засаженной с двух сторон старыми, оттого и корявыми тополями. Затем заехали на крутой склон, где начиналась деревня, и по главной деревенской улице докатили до овощехранилища, расположенного на дальней окраине деревни. Разгрузившись, «попылили» обратно, теперь уже в пустом кузове, держась за передний борт прицепа и подсакивая на ухабах. Если по пути попадались идущие вдоль улицы девушки («кызлар» по-татарски), то ребята радостно улюлюкали и по-гусарски приветствовали их руками, не держась за борт и с трудом сдерживая равновесие в трясущемся кузове. Девушки в ответ также что-то кричали, но слова их были почти не различимы из-за тархтенья трактора, да и не значили эти слова ничего, так как звучали не на русском. А на поле опять ждали мешки с картофелем, и всё начиналось сначала. Много было сделано рейсов в этот день. С непривычки устали ребята, уже не до шуток стало и, честно признаться, хотелось поскорее окончания однообразной и нудной работы.

И вот настал момент, когда осталась последняя партия мешков, готовая к отправке. Но этих мешков оказалось значимо больше, чем возили в предыдущие рейсы. Возникла дилемма: либо увезти оставшиеся мешки в незаполненном прицепе за два рейса, либо увезти с явным перегрузом, но за один раз. Чтобы больше не возвращаться на порядком надоевшее поле, не долго думая, решили загрузить все мешки. Заполнили прицеп с таким верхом, что самим страшно стало. Но Халил пообещал ехать не спеша, осторожно, чем самым успокоил ребят. С трудом забрались Димка и Юрка на огромную гору мешков. Высоко показалось и шатко, но не бежать же за прицепом! Так и поехали. Неспешно и спокойно доехали до плотины, снова стали шутить, озираясь по сторонам. Однако на плотине Халил вынужден был разогнать трактор, чтобы заехать на крутой склон перед деревней. Основательно затрясло и стало подбрасывать на ухабах, ребята вцепились в мешки. Трактор упорно одолевал подъём, натужено сотрясаясь и раскачивая переполненный прицеп. Началась деревенская улица, вдоль которой стояли разномастные низенькие бревенчатые дома-избушки с широкими завалинками, напоминающие по-стариковски оттопыренные нижние губы. По сторонам от дороги тянулись широкие и глубокие канавы, основательно заросшие высоченной лебедой и крапивой. В эти канавы по давней привычке деревенские сбрасывают отходы и льют помой. От этого растёт крапива и лебеда в канавах выше роста человеческого. Однако людей на улице не видно. Бабье лето в самом разгаре, как и уборочная страда. Низкое солнце грело по-летнему, вдали золотились леса, в воздухе трепетали серебристые

паутинки. В такие блаженные минуты думать о чём-то плохом человек просто не способен, да и не желает.

Трактор почти дотащил прицеп до наивысшей точки подъёма, откуда начиналась горизонтальная дорога. Однако не хватило мощности двигателю, и он надрывно задёргался, зачихал. Халил стал судорожно манипулировать рычагами и педалями, пытаясь «подстегнуть» своего железного коня. Бесполезно! Груз, на котором восседали Димка и Юрка, оказался непосильным для этого «коня». Держась за мешки, каждый из парней по-своему оценивали складывающуюся обстановку, которая поначалу не казалась им слишком критичной.

Не смотря на все старания и усилия Халила, трактор понемногу стал сползать назад по склону. Тяжеленный прицеп настойчиво увлекал трактор к пруду, как камень на шее Му-Му. Задняя скорость трактора нарастала, он пятился зигзагами, жалобно тархтя и скрипя муфтами и соединениями. Тормоза не держали его. Молодой тракторист лишь метался на сиденье между большими задними колёсами, непрерывно крутя рулевое колесо, чтобы не допустить сползание трактора в придорожную канаву. Действия Халила были скорее паническими и хаотичными. Трактор без кабины, поэтому Димка хорошо видел, как отчаянно, бросив рычаги управления, тракторист пытается перекинуть ноги через вращающийся руль, чтобы выскочить прочь. Но трактор так мотало из стороны в сторону, что выпрыгнуть было совсем не просто. «Наверное, так выбрасывается лётчик из подбитого самолёта...» — почему-то подумалось Димке. И неожиданно для себя он принял решение. Резко повернувшись к товарищу, громко, по-петушиному, перекрикивая сторонние звуки, Димка хрипло проорал: «Ю-ю-рка! Пры-ы-гаем!». Юрка своим застывшим лицом и позой на фоне заходящего солнца напоминал египетского сфинкса на постаменте — вцепился в мешок с выступающими сквозь мешковину картофелинами, губы его плотно сомкнулись, взгляд остекленел, а длинные волосы сплелись пшеничным орнаментом вокруг бледно-жёлтого от страха лица. Не услышав Юркиного отклика, Димка окончательно решился, с трудом разжал скрюченные и онемевшие пальцы, привстал, стараясь сохранить шаткое равновесие. Затем слегка присел, изо всех сил толкнулся ногами от качающейся картофельной горы, и прыгнул в сторону стоящих вдоль дороги изб.

С этого момента восприятие окружающего мира кардинально поменялось в голове студента. Стали ощутимы даже мелкие детали происходящего, а время стало вязким и необычно растянутым. По Димкиным представлениям, его невесомый полёт продолжался долго, очень долго. Казалось, неспешно плыл он над широкой придорожной канавой, в которой, будто деревья, зримые с высоты птичьего полёта, ошетинились кусты засыхающей крапивы. Потом Димка долго парил над лужайкой, покрытой травой, словно изумрудным, плюшевым покрывалом. Посредине этого покрывала появилась тёмно-серая, с матовым блеском и трещинками полоса-то была утоптанная пешеходная тропинка. Тропинка стремительно приближалась. Возможно, так видит лётчик посадочную полосу в момент приземления. В следующие секунды этот необычный полёт резко завершился. Димкины ладони, а следом колени ощутили всё «гостеприимство» родной земли-матушки. Жёсткое приземление отозвалось тупой болью в костях и суставах, а что-то шершавое и твёрдое, с терпким овечьим запахом, уткнулось ему прямо в лицо...

Первое, что узрел Димка перед собой после приземления — это старые, побитые молью и подшитые войлоком валенки. Приподнял голову и увидел того, кому принадлежали валенки — их хозяином был древний старик (по-татарски «бабай»). Одетый по-зимнему, старик сидел на завалинке и внимательно, хотя и без видимых эмоций смотрел на «чудо», которое всего мгновение назад чуть не грохнулось к нему на колени. Не думал, не гадал этот старичок, выходя погреться на солнышке в такой благодатный осенний день, что станет очевидцем всей заварухи с трактором и единственным свидетелем «триумфального чкаловского полёта» русского парня. Выглядел старик «стопроцентным бабаем»: слегка раскосые глаза, широкое морщинистое и безусое лицо, с прилепленной к подбородку седой, узенькой бородкой, — все это явные признаки аборигена, не выезжавшего из татарской глубинки минимум лет пятьдесят.

Старик неспешно и невозмутимо сунул в рот старую, потёртую, к тому же погасшую трубку, несколько раз машинально со вкусом соснул её, выдернул изо рта, постучал по завалинке, вытрясая спёкшийся пепел. Ещё раз внимательно глянул на Димку, стоящего пред ним на четвереньках в молельной позе, и вдруг на правильном русском языке, без малейшего акцента, произнёс неожиданную фразу: «Ну ты, парень, как Тарзан!...»

При чем тут Тарзан, до Димкиного ума дошло много позже. А пока он с превеликим трудом поднялся с отбитых колен и, бессмысленно размахивая руками, с зудящими ссадинами на ладонях, засеменял вниз по склону, к пруду, на берегу которого завершалась финальная часть «тракторной истории».

Пока Димка «парил» над крапивой, трактор, увлекаемый тяжёлым прицепом, зигзагом катил под гору. Он давно съехал с накатанной колеи, которая вела к плотине, и по выгоревшей на летнем солнцепеке траве устремился к обрыву. Халилу в самый последний момент чудом, путаясь руками и ногами в рычагах и педалях, удалось чудом развернуть прицеп поперек движения, на самом краю обрыва. Трактор огромным задним колесом упёрся в прицеп и тоже замер. Буквально в метре от крутого обрыва над глубоким, илистым прудом. Несколько больших мешков по инерции слетели с прицепа и, подняв столб брызг, ушли на дно пруда, в холодный липкий ил.

Когда Димка приковывал к неподвижному трактору, Халил с угрюмым и перепуганным лицом, облокотившись на руль, дрожащими руками пытался выскрести папиросу из мятой пачки. Юрка все также в виде сфинкса сидел на пирамиде из мешков и смотрел сверху на чёрную гладь пруда.

— Юрка! — окликнул его Димка, — Ты чего ж не прыгнул?

Юрка сполз с мешков на землю, неспешно и подчёркнуто старательно отряхнул колени. После чего, слегка осипшим, каким-то незнакомым и безразличным голосом произнёс:

— Да знал я, что всё будет нормально!...

Такая незамысловатая история получилась в то далёкое время, почти в другой стране, с двумя друзьями-студентами. А дальше-то что? Дальше все окончилось вполне по-советски. Наши герои проучились в институте и разошлись их пути-дорожки. Каждого из них уже много лет зовут по имени-отчеству. Дмитрий Викторович стал опытным инженером-ракетостроителем на Урале, а Юрий Михайлович — управляющим небольшой Черноморской торговой флотилией. Теперь уже можно определённо сказать, кого из них с самой молодости влекло небо и свободный полёт, а кого — причал и водная стихия. Впрочем, об этом вы теперь и сами знаете.

г. Миасс

От Уя до Терека

Путевой очерк (в сокращении)

1. «Scripta manent» — «Написанное остается»

На стене моего уральского детства висела огромная карта Евразии. Где-то под самым потолком синел Ледовитый океан с трилистником Шпицбергена, а прямо над подушкой коричневел Кавказ с чудными словами: Ткварчели, Ткибули, Цхинвали, Закаталы. Забыв, что пора вставать, я мысленно перебирался из одного города в другой, проводил канал из Черного моря в Каспийское, скакал на коне по вершинам Главного Кавказского хребта, пока из кухни не доносился голос бабуси: «Та годи валяться! Иды ж пый парнэ молоко!». С тех пор прошло несколько десятков лет. На Кавказе я, наверное, так и не побывал, если бы не удивительный случай.

Однажды, вернувшись домой из старинной столицы Сибири, одолев на микролитражке почти две тысячи верст, почивал я счастливым сном праведника, когда рано утром затрясся как в лихорадке телефон. На другом конце провода серьезный мужчина из федеральной безопасности предложил зайти в их учреждение...?!?

Выяснилось, что моя покойная супруга пять лет назад написала стих, посвященный чудовищному злодеянию в Беслане. Кто-то из досужих читателей послал его в многострадальную осетинскую школу. Это стихотворение «Не стреляйте в меня!..», без полного имени автора и города, признали лучшим из многих и поместили в Книге Памяти, в музее и на стене рокового спортзала школы номер один. На Южном Урале об этом признании так никто бы и не узнал, не случись чуда. В городе, перенесшем страшную трагедию, собрались отборные российские мужчины, те, кому вверено избавлять народ от террористов и прочей нечисти, и один из троичан, полковник К., видимо не чуждый поэзии, узнал ее стихи и фамилию.

Ну а далее все развернулось как по сценарию. Бесланцы прислали ей в подарок книгу с памятной надписью и панно с символом древней Алании. Прислали, как живой, но опоздали... ровно на три года.

Коварная болезнь долгих тридцать лет неотступно мытарилась ее, не давая покоя ни днем, ни ночью. И однажды «косая» подкараулила Лиду...

Ее стихи знали и любили на Урале и в Зауралье, на Верхневолжье и в Украине, в Оренбуржье и Забайкалье, и даже в закордонных Бельгии и Хорватии, но настоящее, можно сказать, всероссийское признание пришло только теперь. Корреспонденты Урал-Пресс-Информ связались с Бесланом, и я получил от них приглашение.

2. На Кавказ, «за грибами»

Возвратившись из очередной дальней поездки, теперь уже на северо-запад, я подготовил свою долготерпеливую малютку снова в дорогу, в противоположную сторону — на юго-запад.

Появилось немало «трезвомыслящих» уговорщиков. Мол, там и горы, могут быть полочки, и «гаишники», и переутомление, возраст-то не сорок лет, там же и стреляют. Накануне в Назрани машину подорвали, да и слово «Чечня» являлось каким-то всепобеждающим пугалом. Даже мой верный школьный друг, юрист, обретший в себе недюжинные способности экстрасенса, кинув взор поверх моей головы, глубокомысленно изрек: «Лучше бы тебе не ехать! Большие опасности поджидают». Но приглашение было принято и оно невольно само собою стало делом чести, а мой

тридцатилетний стаж вождения вселял уверенность, да и моя заступница, икона Божьей Матери, Семистрельница, всегда была со мной.

Путь почти в три тысячи вёрст надо было одолеть максимум в четыре дня, чтобы прибыть в Беслан второго сентября, в канун Дня Памяти жертв террористического акта 1—3 сентября 2004 года в средней школе № 1.

«Ока», при нынешних ценах на бензин, пожалуй, самая экономичная отечественная машина. Съедает один рубль за километр. Следовательно, только на «горючку» в оба конца надо было потратить шесть тысяч рублей, несколько более моей пенсии. Один спонсор всё же нашёлся, пожертвовав одну шестую часть от необходимого. Как говорят на Украине, — дайте трошки сала, шоб губы помазать.

И вот рано, чуть свет, в последний день лета, побежала моя «Окушка» на Кавказ «за грибами», как выразилась последняя встреченная в этот день знакомая женщина. Первую тысячу вёрст распечатал за Оренбургом. Приехал на место ночёвки засветло и как раз вовремя. Мой полупарализованный дядя и его сын бедовали, временно оставшись без женщин и уже третий день жили на одних помидорах. Сварил им шестилитровую кастрюлю украинского борща из свежей капусты, с фасолью и свиной и рано утром был уже на пути в Поволжье.

3. Понизовье

Уральские и волжские дороги теперь довольно приличные: без ям, с разметками, кое-где даже трехполосные и дэпээсники стоят там, где и положено, перед аварийными участками.

После Бузулука, не доезжая роскошной красавицы Самары, свернул на Чапаевск, на волжское Понизовье. У волгарей-речников не одна Волга, а три. Вешняя — до впадения Оки, средняя — до устья Камы и понизовье — до Каспия.

От Оренбурга до Самары, путь в 450 вёрст на легковушке я прошёл за четверть суток — наши оконенные предки тряслись по этой дороге неделю. По этому старинному тракту ездил и Гавриил Романович Державин в свои имения, и Александр Сергеевич Пушкин, перед написанием «капитанской дочки», и Лев Николаевич Толстой на кумыс ездил, от туберкулеза лечиться.

До темноты успел пересечь Волгу у Саратова по длиннющему, трехверстному мосту, похожему издали на парящую над волнами чайку. Да и река здесь настоящая, матушка, просторная, как степь.

Саратов — Сары-Тау — Жёлтая гора. На старинном гербе города три стерляди в голубом поле, означавшем изобилие красной рыбы — в давние времена. Теперь, увы... В супермаркете под стеклом кучка сушеной рыбки — плотвичка меньше ладошки, в два пальца толщиной — 17 рублей. Думал, что за кило, ан нет — за штучку. И это в городе на великой рыбной когда-то реке.

Запомнился и город с громким именем Пугачев. Крепенькие кирпичные домики, как крепостцы, узенькие улицы, пыльные тополя у палисадов и на самом выезде роскошное амурное кафе с картинами полуголых девиц на фасаде, зазывающее посетителей бегающими по фронтону цветными огоньками. Тут же пасется мирное стадо шестиосных фур. Грудастые дальнобойщики в цветастых шортах, свесив волосатые ноги из кабин «гоняют чай». А от машины к машине перемещаются два супермодных старикандера с дико поросшие бородами, глаз не видно, оба в линялых майках. У одного на груди крупно, по-английски «БОСС», у другого — «ДИЕЗЕЛ». Босс — в глубоких татарских калошах на босу ногу, Дизель — в валенках с обрезанными голенищами и оба по нынешней моде в шортах, как и дальнобойные водилы. Правда, шорты домодельные, коротко обрезанные портки, нитки болтаются. Просят бородачи милостыню, не отказываются и от хлеба. Подумалось, уж не от пугачевских ли времён наследство. Хотя бедолажного люда и теперь хватает.

Наконец, машина вырвалась из города, запруженного железом на колёсах и понеслась на юг, по-над широченной (до 11 км) в этих местах рекой, теперь больше похожей на вялотекущее водохранилище.

Пониже села Белогорского, у самой межи с Волгоградчиной, на правом берегу гордо возвышается над Волгой круча. Обрезанный с боков буераками — знаменитый утес Стеньки Разина. Трудно было удержаться от соблазна и не побывать на этом дивном месте, хотя время подгоняло. С трудом добрался я до края щелястой, полированной ветром, глыбы утёса и ахнул. Далеко внизу, под скалой, плескалось сине-стальное безбрежное море, другого берега не видно. В обе стороны вёрст на сорок простиралась такая же неоглядная даль. Недаром же это место облюбовал казачий атаман для своей ватаги. Сказывают, что Стенька жил здесь в одной из пещер, украшенной коврами и дорогим оружием и вроде бы где-то здесь зарыт бесценный клад, да только запрет на него положен, оттого и копальщики ни с чем уходят.

Потянулась ровная, как столешница, степь, чуть всхолмленная, поросшая березовыми и дубовыми колками с подлеском из деручего шиповника, боярышника, бересклета.

Остановился в низинке перекусить, у разлапистого корявого дуба. В холодке, на разостланной кошомке, загорелый до смолёной черноты овечий пастух неопределённого возраста. Чуть ниже, в распадке, дремала утомленная жарой отара. По обе стороны от неё, высунув языки, лежали две чёрные собаки. Стреноженная лошадёнка с облезлым седлом паслась неподалеку. Угостил пастыря саратовским холодным квасом из термоса. Разговорились.

— Рыба-то в реке, — спрашиваю, — водится?

— Ну, а как жа, и черная, и красная есть.

— А в чём разница??

— Ну, черная-то костистая, а красная — хрящистая. Я таперчи не рыбатничаю. Оно же, чтобы рыбку съесть, надо в воду слезть, а у меня рематизьма.

— А на сайгаков у вас охотятся?

— Не! Эт на той стороне, за Волгой. Да их, почитай, всех перебили. Беззащитная скотина, одни ноги токо и спасают. А теперя у всех машины. Да их и с вертолетов бьют. И дрохву уже не встретишь, а сколько ее было... пугливая, страсть. Всю выбили. Что за народ? Хуже волка.

— Интересно, Волга рядом, а места у вас безводные.

— Вода здесь под землёй. Она у нас скусная, почище озёрной, но не всякий знает, где искать. У меня прадед был колодезник, отца моего учил. По травке, грит, воду искать надо. Там, где полынь, вьюнок персидский, али донник польский растёт. Перед восходом солнца ляг на землю и смотри. Где появятся воспарения, там и рой. Ещё сковородку вверх дном кладут. Если запотела — рой колодец — не ошибешься.

Поблагодарил я доброго человека за науку и покати далее на юг. На краю балки, в абсолютно голой, прожаренной степи у родника белела вывеской коробочка кафе «Ням-ням». После города Камышина горы тёмно-зеленых полосатиков — арбузов и золотокорых дынь преследовали по трассе до самого Волгограда. За городом, чтобы не заблудиться, взял попутчика. Рослый, крепкий прапорщик, двадцать девять лет, назвался Вовкой. Под форменным пятнистым кепи седой ерш волос и широкий рубец на шее. За сорок минут стояния на железнодорожном переезде узнал его историю. Служил в Чечне, был ранен, натерпелся, имеет награды. «Воевать» надоело, но на будущий год квартиру обещали. Из-за неё и старается. Детей уже трое: два сына и дочь.

— Кого больше любишь, — спрашиваю, — сыновей или дочь?

— Дак я их почти не вижу. Служба. Все мои. Вот завтра учения, опять скоро не увидимся.

— Ну, а за это вам хоть приплачивают?

— Да какой там... Сто рублей.

Перед посёлком Нариманувидел чудо. Прямо по степи, параллельным курсом, шли две белоснежных четырехпалубных громадины, величиной с пятиэтажку. Сообразил, что рядом Волго-Донский судоходный канал. О соединении этих двух рек мечтал ещё Пётр Великий.

Наконец, Ра-Итиль-Волга со всеми своими бесчисленными рукавами повернула налево, к Астрахани, а мы покати строго на юг, на Элисту, в неведомую жуть калмыцких

полупустынь, безлесья, в царство горячего суховея. Вместо благодатной древней Ра нас теперь сопровождала цепь Сарпинских озер, горько-соленых, ненужных ни животным, ни птицам, ни растительности, ни человеку. Остатки древнего моря, вы тянутые с севера, на юг, они были похожи на выброшенных акул. За Большими Чапурниками изумило своей кокетливой красой пресное озеро Цаца, вышитое белыми и желтыми кувшинками, обрамленное зеленым бархатом камышей, причудливыми строениями. Интересно, как величают себя жители этого селения? Цацковчане или просто цацки?

4. Калмыкия

За длинным озером Борманцак, похожим на след узкой женской ступни, началась Калмыкия, совсем другой климат. Пришлось раздеться до плавок. Раскалилось все: руль, педали, сиденье. Несмотря на приличную скорость, прохлады не ощущалось. Воздух был горячий, как в сауне, остановка была опасна для машины и для водителя — всё сразу накалялось. Тени просто не было. Иногда к шоссе подбегали чахлые кустарнички, но на них было жалко смотреть. К счастью, дорога была прямая и пустынная. Видно, в такое время суток нормальные люди сидели в холодке и пили чай.

До калмыцкой столицы добраться не успел, стемнело. У пересохшей балки подъехал к кирпичному плоскокрышному ящику-домику. Чайхана «Яшкуль». За просторным загоном из трехметровых железных листов блеют овцы. Брякнув изрисованной дверью, рекламой местной кухни, вышел хозяин. Плотный присадистый кавказец, не калмык, по носу видно. Пронзительный быстрый взгляд, видно, битый волк, коды регионов наизусть знает, при большой дороге кормится.

— Ты что — прямо из Челябинска на этой машинке? Сколько ехал? Далеко-о-о...

Услышав слово «Беслан», отвернулся и срезу ушёл в дом, то ли взгрустнулось, то ли нечто другое.

На площадке из мелкого гравия три дальнобойщика помогали четвёртому, лежавшему на картоне под фурой. Низ машины был разворочен. Отдельно, на тряпке, лежали болты, гайки, шестерёнки, ключи, ветошь, потеки масла, как чёрная кровь, впитывались в землю. Всё это напоминало сложную хирургическую операцию и вызывало сочувствие. В ответ на приветствие «автохирурги» повернули ко мне озабоченные лица, доверительно кивнули:

— Ночуй, отчаянный человек! Здесь спокойно.

Проснулся с рассветом. Водитель сломанного трейлера, осетинец, узнав, что иду на Беслан, заулыбался. Предложил лепёшек, горячего чая. Хлопнула дверь. Чернявый парень с медным чайником, видно прислужник из чайханы, направился к дощатому мужнику.

— Зачем он туда кувшин понёс? — спрашиваю водителя.

— У них так положено. Мусульмане. И ты, если будешь через Чечню или Ингушетию ехать, «здравствуй» по-русски не говори. Скажи «салам», а то неприятности могут быть.

Стало совсем светло. Из-за зыбкого белесого горизонта вдруг высунулся полукруг раскаленного железа, с тал диском, похожим на дыру в небе и, уменьшаясь, полез вверх. А до Беслана ещё оставалось шестьсот вёрст с хвостиком. По уральским меркам немного, но надо было благополучно проскочить крупные города, забраться в горы да и мало ли чего, дорога-то неизвестная.

За Элистой пошла Бургуста, Амтя Ус та и просто Тоста. Вблизи дороги, на плоском пространстве степи, сколь видно было глазу, паслись стада. Издали трудно было понять, то ли кони, то ли бычки, но пастухов на традиционных лошадаках видно не было. На возвышенных местах маячили белые «Волги». В распахнутых настежь дверцах чернели довольно тучные «пастухи», похожие на копчёные балыки, совсем не чета тому волжскому пастуху-дистрофику, внуку колодезника.

Чем ближе к горам, тем кучнее города, а вокруг источников минеральных вод настоящее курортное кольцо. Раньше там можно было отдохнуть за счёт профсоюзов, а теперь?..

Впереди был Ставрополь, до 1943 года звался Ворошиловском, но, в наказание за «подвиги» под Ленинградом, имя легендарного маршала было изъято. Печально известный страшным терактом город Буденновск до двадцатого года был известен как Святой Крест. Если вернут городу его прошлое название, то останется ещё «буденовская» порода коней. Повезло этому маршалу, увековечен.

А вот порода тамошних баранов, хоть они и дают каждый по пуду тонкорунной шерсти, так и не дали имя какого-нибудь героя.

Не доезжая краевого центра, свернул на Минводы, несмотря на навязшую известность, довольно скромный град, поменее Троицка.

Здесь я впервые увидел две огромные, до неба, горы, то был Кавказ.

5. РСО — Алания. Беслан

*Каждый живущий, в России
должен, хотя бы один раз
побывать в Беслане.*

После города Майского, что в Кабардино-Балкарии, до самого конца пути нас сопровождал легендарный Терек. Он длиннее нашего Уя всего на 160 км, и у осетинского города Эльхотово, где мы пересекали его, узок, мелок, но весьма шумен.

Бешеная круговерть бьется о торчащие придонные глыбы, пытается выплеснуться из каменистых берегов, и шумит так, что заглушает все звуки вокруг. Такое же явление приходилось наблюдать на Южном Урале при впадении Большого Кыла в высокогорное озеро Зюраткуль. Но Кыл — большой, а Терек — грозный.

В Беслан въехал уже на закате, по ровному, как стрела, шоссе, переходящему в улицу. В горах быстро темнеет, и пока искал нужную улицу, зажглись фонари. Впереди покраснел, говорят, единственный в городе светофор, свернул направо, и в лучах ближнего света вдруг замерцала неясная фигура. Переключил на дальний и ахнул. За узорчатой чугунной оградой, среди цветов, на высоком постаменте, серебрился бюст Сталина при всех регалиях, улица была тоже его имени. Видимо, здесь его чтили, помнили, а может, по привычке боялись. Это ж по его воле осетинский народ был разорван на северный и южный. Прошли годы, но до сих пор икается. Позднее я выяснил у сведущего аланца, что Сталин — осетин, но иногда «хотел быть грузином».

Наконец, я добрался до квартиры на пятом этаже, где меня давно ждали, беспокоились, искали даже через Москву, так как я был вне зоны приема. Вскоре вышли и на меня. Просил не беспокоиться, я, мол, и в машине переночую. Но услышал строгий учительский голос:

— Если понадобится, буду ждать всю ночь. Давайте без фокусов.

Встретила сама хозяйка, заведующая мемориалом, Надежда Ильинична, на вид около сорокалетнего возраста, еще довольно молодое привлекательное лицо со шрамом на виске, в обрамлении совершенно седых волос. Глаза огромные, карие, в которых, казалось, навсегда застыла неутешная печаль. Позже я узнал, что она сама побывала в том аду ужаса, была ранена в спину и голову, вызволила из страшного плена свою младшую дочь Ирочку и племянницу Анечку. Старшие ее дети, девятиклассник Борис и семиклассница Верочка, погибли при взрыве бомбы, прикрыв своими телами мать и сестер.

Я боялся растревожить ее материнское сердце и особо вопросами не докучал. Привез им гостиницу. Башкирского меда, уральского шпига, балашовскую дыню и арбуз, ставропольскую стущенку, и книги литобъединения «Степь».

Угощали меня сочным осетинским пирогом с мясом (подобие казачьего курника), и настоящим кавказским чаем.

* * *

Утром хотел помыть машину — не позволили: пусть все видят пыль дальних дорог. Поехали в мемориал бесланской трагедии, в новую школу № 8, построенную вместо полуразрушенной, которой так и оставили ее первый номер.

А в новом здании под мемориал отдали большой квадратный холл на втором этаже. Подумалось, наверное, это страшное свидетельство человеческого горя предназначено все же для гостей, нечастых посетителей. Видеть все это снова и снова тем, кто вышел оттуда с опаленным сердцем, просто опасно! И только она, эта мужественная несчастная мать двух своих сгоревших ребятишек, способна совершать этот подвиг. Другим просто не под силу.

* * *

У входа в мемориальный зал, слева на стене, десять портретов мужчин в погонах, высококлассных бойцов группы «Альфа» и «Вымпел», те, кто осознанно, повинувшись долгу воина, ринулся под пули, кто ценою своей жизни выкосил главные силы бандитов, кто выносил детей из пекла смерти, получая пули в спину.

Это два подполковника, пять майоров, один лейтенант и два прапорщика. Почти все они прошли через ад Буденновска, Кизляра, Первомайского, спасали заложников в «Норд-Осте» на Дубровке. Здесь, в Беслане, остались навсегда.

Вот только несколько имен героев.

Лейтенант Андрей Туркин накрыл собой гранату, брошенную террористом в заложников.

Майор Александр Перов, среагировав на выстрел бандита-гранатометчика, успел закрыть своим телом троих детей.

Подполковник Олег Ильин одним из первых ворвался на нижний этаж школы и преградил путь подонкам, пытающимся под прикрытием детей вырваться на волю. Получив осколочное ранение лица, истекая кровью, продолжал вести бой, давая многим остаться живыми.

Подполковник Дмитрий Разумовский вызвал огонь на себя, когда бандиты открыли шквальную стрельбу по детям, убегающим из школы, и прикрывающим их спецназовцам. Изрешеченный пулями, он бил врагов, пока не остановилось сердце.

Самому старшему из них, **майору Михаилу Кузнецову**, было 39, самому младшему, **прапорщику Олегу Лоськову**, 22.

Над портретами героев стихи троичкой поэтессы Лидии Хрипко:

В школе, в спину расстрелян спецназа боец.
Выносил он меня из огня, как отец.

Рядом, в окованной раме, крупным текстом стихотворение Лидии Сергеевны «Не стреляйте в меня!», ставшее знаменитым. Оно написано как бы от имени погибших детей.

* * *

Далее двадцать портретов учителей, оставшихся в стенах школы навечно. О них трудно писать, слезы застилают глаза.

Сабанов Таркан Габулиевич. Ему было 89. Заслуженный учитель, ветеран войны, бывший директор школы № 1. С ним, опирающимся на палочку, решили помериться силами нелюди в масках. Он никогда не торговал совестью. Два страшных дня он, держась за левый бок, от резкой боли в сердце, ходил из одного конца зала в другой, успокаивал детей, женщин, что бомбы ненастоящие, они не взорвутся. При взрыве он накрыл собою оказавшихся рядом Наташу Кесаеву и ее сына Аслана. Они выжили. Тело же гвардии капитана, капитана гибнущего корабля, опознали только по обуви.

Ханаева Ирина Захаровна, учитель от Бога, Заслуженный учитель школы РСФСР. Пятьдесят лет она дарила своим ученикам знания, любовь, минуты радости и тепла. Была строга, но справедлива. Умна, красива, добра. Она босиком подошла к террористу, встав на свои больные колени, вымаливая дать немного воды для умирающей от диабета девочки, и получила удар прикладом в висок.

Каниди Иван Константинович, сын расстрелянного в 1938 году председателя колхоза, грек по национальности, физрук школы № 1, кумир молодежи. Немало его воспитанников стали мастерами спорта, тренерами, известными футболистами. Загоняя перепуганных взрослых и детей в спортзал, один из боевиков процедил сквозь зубы:

— Ты свободен, дед, уходи!

— Я уйду вместе со своими учениками, — был его ответ.

Его мучила сердечная боль, но он так и не присел, пытался образумить бандитов, незаметно для них обезвредил одно взрывное устройство. После одного из взрывов появилась возможность бежать, но появившийся в дверях боевик приказал всем выйти в спортзал. Старый учитель кинулся на бандита, пытаясь вырвать автомат, но выродок был моложе и полон сил. Он сбил учителя с ног. Иван Константинович все же сумел отвести ствол автомата от детей, и очередь ударила в потолок.

— Уходите скорее! — были последние слова учителя. Бандит выстрелил в него из пистолета. Иван Каниди погиб за несколько минут до свободы.

Иван Ильич Карлов перед своей гибелью спас семнадцать детей, спрятав их в котельной, где работал. Мог бы спастись и сам, но он был настоящий мужчина, и шел выручать других. Восемнадцатым им спасенным оказался молодой отец, заложник, смертельные осколки которого Иван Ильич принял на себя. В спортзале он как мог, успокаивал людей:

— Не бойтесь! Они попугают и выпустят.

Стыдил бандитов, уговаривал отпустить детей. В числе двадцати крепких мужчин, которых террористы опасались, оказался и 72-летний Карлов. Их поставили на колени перед окнами, приказав сцепить руки за головой, чтобы устроить очередной показательный расстрел. Кто не подчинялся, простреливали ноги. Но расстрелять их не успели. Взорвался заряд на поясе шахидки, стоявшей рядом с Иваном Ильичем.

А сколько было безвестных героев, которых простые обыватели никак не могут понять до сих пор. Вот только один из них, **Эмзар Габареев**, 37 лет. Примчался из Эльхотово, за 50 км. Никто из его родных в заложниках не был. 3 сентября, когда начался штурм школы, он был среди тех, кто под свистящими пулями вместе со спецназовцами и бесланцами вновь и вновь бросался в спортзал, чтобы вынести оттуда обессиленных умирающих ребят. Пуля снайпера-террориста настигла его, когда он выносил очередного ребенка.

Семь лет назад он уже был в лапах чеченских боевиков, перенес страшные мучения и унижения, похудел на 30 кг. Тогда его, уже умирающего, выкупили. На этот раз большое щедрое сердце поэта Эмзара пробила разрывная пуля подонка.

Мир многогранен. Есть президенты и министры, депутаты и олигархи, а есть и простые честные люди, как вот эти погибшие герои, на которых держится Россия. А они-то и создают истинные нравственные ценности, без которых народ — не народ.

* * *

В музее скорбная тишина. Скупой свет. На стенах, в витринах, на тумбочках тетради, книги, фотографии, всевозможные детские поделки, даже одежда и белая туфелька — все прострелено пулями.

На главной стене зала мерцающий живыми бликами, многоярусный стенд с двумя сотнями красивых улыбающихся детских лиц. А поверху скорбная надпись:

Мы не вырастем с вами, ребята,
В завтра с вами уже не войдем.

Город Беслан невелик, три десятка тысяч жителей. Это огромная семья, где каждый друг друга знает. Чтят предков и помнят потомков. Они переплетены родственными, дружескими связями и поэтому горе одной семьи становится горем многих.

А из школы в том сентябре не вернулись целые семьи.

У братьев Тотиевых погибло шестеро: Борис (2 кл.), Анна (3 кл.), Альбина (5 кл.), Любовь (6 кл.), Лариса и Дзерасса (9 кл.).

У Цогоевых — пятеро: три сына, дочь и мать.

У Кониевых — четверо: отец, мать, бабушка и первоклассник Али.

У Григорян — отец, мать и две дочери...

А всего погибло... страшно сказать — 333 человека, из них 186 детей. 800 с лишним человек ранено, из них почти 500 — дети.

А сколько стало инфарктников, инсультников, сколько бесланцев получили трудно излечимый психологический шок.

Но что же произошло в эти страшные 52 часа?

1 сентября 2004 г. Захват

8 часов 25 минут, город Беслан.

Говорят очевидцы:

— Мы и все едущие попутно обогнали у въезда в город две медленно едущие машины: ГАЗ-66, с кузовом, закрытым брезентом и легковую. Обе были набиты людьми в форме, не похожей на солдатскую.

Комментарии автора: везли, видимо и взрывчатку, а она боится тряски.

Очевидцы:

— 9 часов 15 минут. Подъехав к школе № 1, где во дворе школы проходила торжественная линейка, вооруженные до зубов бандиты в масках, угрожая расстрелом, в течение 40 минут загоняли в спортзал тысячную толпу детей и взрослых.

Им никто не мешал. Хотя гремели автоматные очереди. До райотдела милиции было всего сто метров.

На крышах здания школы уже торчали снайперы. Появились первые раненые и убитые. Прибывшие солдаты и милиция отгесняли все увеличивающуюся толпу за линию обстрела.

Заложники:

— Непонятный треск, и, о ужас! На нас несется мужчина с черной бородой. Его автомат трясется от выстрелов. Стоны, кровь, крики. Какой-то мужчина попытался убежать, его расстреляли в спину. Рядом с нами умирал человек, истекая кровью. У него было множество ранений. Мы снимали белые фартуки и перевязывали его.

Оперативные данные:

Вооружение террористов составили не менее 20 автоматов различной модификации, с подствольными гранатометами; два ручных пулемета РПК; два модернизированных пулемета ПКМ; один пулемет танковый ПКТ; два ручных противотанковых гранатомета РПГ и гранатометы «Муха». Два взрывных устройства с металлическими шариками; не менее 6 самодельных взрывных устройств, на основе противопехотных мин кругового поражения, а также «пояса смертниц».

Террористы потребовали от властей освобождения боевиков, задержанных ранее, вывода российских войск из Чечни. Чтоб на переговоры явились президент Ингушетии, президент Северной Осетии и врач Леонид Рошаль.

Террористы грозились убивать по 50 заложников за каждого ликвидированного бандита, а в случае штурма школы спецназом взорвать здание. В первые часы эти ублюдки расстреляли 17 молодых крепких мужчин из числа заложников, которых боялись.

Очевидцы:

— С самого утра невыносимо пекло солнце, а каково было тем, в спортзале? В 16 часов прибыли автобусы со спецназом и прогремел очередной взрыв. У шахидки

взорвался «пояс смерти», нечаянно или намеренно. Погибло 12 заложников-мужчин, стоявших на коленях.

Усиленное кольцо оцепления еле сдерживало многотысячную толпу людей, рвущихся под пули.

Поздним вечером, наконец, начались переговоры с доктором Рошалем, без президентов. Террористы побоялись заменить детей на взрослых и отказались принять еду, воду и медикаменты для заложников. В одиннадцатом часу резко похолодало, и пошел сильный ливень. «То плакал дождь холодными слезами».

2 сентября 2004 г. Тлеющая надежда па спасение

Заложники:

— Ночью никто не спал. Пытались успокоить плачущих детей. Человек в черном плаще увел матерей с грудными младенцами, детям постарше приказали сидеть, а то расстреляют. Ближе к вечеру нервы не выдерживали у многих. Кто-то плакал, кто-то кричал, что у него болит сердце. У многих от жажды распухли и потрескались губы. Без воды люди мучительно умирали. Хотя она была рядом, в трубах, но бандиты не подпускали к ней.

Очевидцы:

— Экс-президент Ингушетии Руслан Аушев сумел вывести на волю 26 матерей с младенцами. С переговорами творилось что-то непонятное, они затягивались, а десять с лишним сотен детей, женщин, стариков терпели муки ада.

Терзала жажда, голод, стоны множества раненых и обожженных. Если ребенок громко плакал, негодяи убивали его и выбрасывали в окно. Запах разлагающихся трупов сводил с ума. Почти все мужчины были расстреляны, многие умирали, не выдержав страданий.

В душах измученных заложников тлела надежда на скорый штурм, но он был невозможен. Погибли бы все, или почти все.

Подвиг матери

Когда Р. Аушев выводил из спортзала женщин с младенцами, у Фатимы Цкаевой была возможность выйти с шестимесячной Аленой, но она передала ребенка Аушеву и осталась в неволе с двумя своим детьми, трехлетним Махаром и десятилетней Кристиной. Сына спасли добрые люди, а над матерью и старшей дочерью солнце погасло навеки.

3 сентября 2004 г. Трагическая развязка

Очевидцы:

— С утра палило солнце, за 30°. Напряжение нарастало. Люди были в отчаянии. Не хотелось верить, что все кончится так плохо, но переговоры затягивались, никто не шел на уступки, а люди гибли каждую минуту.

Бандиты нервничали. В 13.05 прогремел мощный взрыв, такого еще не было.

— Первого взрыва я не помню... Помню, что лежала на боку, на руку капала кровь. На ногах лежали погибшие люди. Я подняться не смогла бы, если и захотела. Сверху падало что-то горячее. Стрельба, взрыв, и рухнул потолок. И запах крови, смешанный с пылью.

Через две минуты еще один, сильнее первого. Стоящим в кольце стало ясно — произошло что-то чрезвычайное. Из школы хлынули уцелевшие дети, их в спины расстреливали бандиты. Чтоб хоть как-то спасти людей и подавить огонь ублюдков, спецподразделения армии и ФСБ начали штурм...

3 сентября 2009 г. Прошло пять лет

В 10 часов во дворе школы № 1, у ее треснувших от взрыва стен, сгоревших крыш и страшно зияющих разбитых окон, собиралась бессчетная громада людей с розами, гвоздиками, свечами.

Меня, как дальнего, но родного гостя, представили директору школы, учителям, каким-то важным людям в галстуках, и бесланскому поэту Феликсу Цаликову.

Абсолютно седой, тощий, с горящим взглядом, он с интересом уставился на «чудака», который на крошечной машинешке за три тысячи верст добрался до Алании, как они в торжественных случаях величают свою республику.

Поговорили о литературных делах. У нас нашлось много общих интересов, но главный разговор отложили на вечер. Большое горе заслоняло все.

Ровно в 11.00 в бывшем спортивном зале началась заупокойная панихида. На огромной площади дощатого пола несмываемые черные пятна от навечно въевшейся крови и непереносимых страданий. Даже ступать рядом было страшно. Весь центр зала был устелен алыми розами. Их тысячи, в том числе и от жителей города Троицка. У закопченных, выщербленных стен сотни венков, один от литературного объединения «Степь».

Траурное богослужение проводил сам Владыка Ставропольский и Владикавказский Преосвященный Феофан в сопровождении высшего духовенства, руководства республики Алания и потрясающего мужского хора певчих. Почти каждый из многих тысяч молящихся в руке держал зажженную свечу.

Справа от меня переминался от долгого стояния плотный мужчина при галстуке и ... в шляпе. В ответ на мое замечание буркнул:

— Хоть я и потомственный осетин, но мусульманин, а у нас в мечети шапки не снимают.

Выяснил, откуда я взялся, и представился, мол, профессор ОГУ, историк. И шепотком, не мешая окружающим, прочел мне целую лекцию о своей Алании. Что уже в начале первого тысячелетия здесь жили племена скифов; сарматов, аланов. Они, де, занимали огромную территорию евразийской степи от Башкирии до Кавказа. За века великих переселений многие племена исчезли, и только аланы-осетины до сей поры сохранили свой язык, живой наследник скифского. Отсюда к их языку особое внимание лингвистов, историков, этнологов, фольклористов, всех, кто изучает индо-европейскую культуру. Грузины называют их «оси», русские — «ясами», или «осетинами», а сами себя они зовут «иронами» или «ариями». Невольно подумалось, уж не родня ли они нашим аркаимским ариям?

Да и батюшка нашего Ивана Крылова Андрей Прохорович за освобождение Осетии от турок чин капитана получил. Поистине, мир тесен!

В 13.05 раздался удар колокола. От этого неожиданного щемящего звука захолонуло сердце. Последовала Минута Молчания.

Десятки тысяч людей — те, кто выжил, кто потерял близких сердцу людей, кто приехал издалека и из-за моря — стояли в скорбном оцепенении. А после в небо рванули 333 белых шара, как души безвинно погибших.

* * *

Меня нашел Феликс Цаликов и попросил срочно помочь. Мы сели в «Оку», промчались к его дому и доверху, до самого потолка, загрузили в салон груды книг. Быть может, единственная в мире уникальная поименная эпитафия на темно-бордовом переплете золотом — «Эхо бесланской печали». Сколько же надо было сил, ума, сердечного горения и душевного здоровья, чтобы сотворить реквием-диалогию, собрать по крупиночкам материалы, и каждому посвятить свое откровение.

Это мог сделать только он. признанный всеми, любимый поэт Беслана, мастер изящной словесности, Феликс Татарканович Цаликов.

Путь на погост был перекрыт многочисленными кордонами мужчин в красных фуражках. Феликс перед каждым постом выскакивал из машины и, размахивая книгой, что-то доказывал на осетинском. Нас с трудом пропускали, и мы, зажатые густой толпой идущих людей, двигались дальше.

И вот он, в багрово-красных прожилках мрамора, в жуткой щемящей красе, Город Ангелов. И у всех одна дата кончины: 03.09.04. Такое можно встретить разве что на усыпальницах Хиросимы. Почти на каждом надгробии выбиты строки Цаликова.

Приглушенно звучит траурная мелодия, смолкает. В печальной тишине многотысячного люда раздаются четкие удары метронома и имена погибших.

Феликс раздает книги, старается давать тем, у кого здесь могилы, но разве всех упомнишь, берут все. Скоро машина пустеет. Просят еще и еще, но поэт разводит руками. Мою запыленную «Окушечку» поставили в один ряд с «джипами» президентов обеих Осетий, владыки и их свиты — заслужила.

У самого въезда в мемориал немудрящая постройка. В ней всегда, днем и ночью, можно увидеть лысоватого молчаливого мужчину с печальным лицом. Бывший таможенник стал добровольным директором кладбища. Любимая дочь его, Марианна, теперь навсегда здесь. Ей было пятнадцать.

* * *

На Кавказе эти нелюди в масках почему-то особо жестоки. Быть может, это чужие люди, наемники? Они прячутся за спины детей и женщин.

Пять лет назад они показали очередной страшный оскал, а власть — свою «непреклонность» в борьбе с ним. А заложники, как всегда, меж двух с ней: одни стреляли в спину, другие целились в бандитов, но... как говорится, пуля — дура.

И, как утверждают «матери Беслана», те, что не только коня на скаку остановят, но и танк, «причин, предшествовавших теракту, много. Это и всепоглощающая продажность на всех уровнях власти, и непрофессионализм генералов, и непробиваемая стена чиновничьей солидарности».

По совести говоря, надо бы каждому россиянину побывать в Городе Ангелов, пройти по кольцу спортзала школы № I, поставить свечу и постараться понять, что все наши «кризисы» — пустое по сравнению с вечной и жестокой болью Беслана, где Время остановилось. Здесь Вы очистите свою Душу.

г. Троицк

Петр Овинов

Корни

По своей родословной, а главное, мировосприятию, я из крестьян, не смотря на то, что прожил большую часть жизни в городе. Да и фамилия моя красноречиво подтверждает это. Овин — строение, предназначенное для сушки свежескошенных снопов ржи или пшеницы, которым пользовались хлебопашцы в стародавние времена.

По рассказам моей матери, а также родственников по линии отца Авиновы (их фамилия в те времена вопреки правилам грамматики писалась с первой буквы алфавита) прибыли на Южный Урал в числе крестьян переселенцев в первой половине XIX века из Саратовской губернии, если судить по названию образованного ими села в Оренбуржье — Саратовское.

Прадед Севастьян и его жена, прабабушка Наталья, занимались хлебопашеством, ведя самостоятельное хозяйство. В семье было три сына, достигших взрослого возраста: Иван старший, Кондратий и Иван младший. Почему два Ивана, можно только гадать. Скорее всего между Иваном старшим и Иваном младшим было не менее десятка других детей, умерших в раннем возрасте и родители уже запутались в их именах. А возможно, крестные отец и мать, возившие младенца в церковь на крещение, перед поездкой с самогоном просчитались, — есть и такое предположение, но факт есть факт. В одной семье было два Ивана.

Про Ивана старшего сведения у меня крайне скудные. Известно лишь, что продолжателем его рода стал его сын Никита.

Кондратий получил какое-то образование, отошел от хлеборобского дела и занялся торговлей, установив торговую связь между Оренбургом и крупным поселением Мраково, что располагалось в Уфимской губернии в пограничье между двумя губерниями. Впоследствии он и сам перебрался в это село, женился. В одну из поездок в Оренбург, ещё до первой Мировой войны, он был ограблен и убит. Оставшийся от него сын Никифор продолжил дело отца. Но в 30-е годы был арестован и сослан, работал на Беломорканале.

Мой дед, Иван младший, остался верен крестьянскому делу, занимаясь хлебопашеством там же в селе Саратовское. В отличие от своих братьев, он вместе с женой Аленой, моей бабушкой, обзавелся многолюдным семейством. У них было шесть сыновей: Прокопий, Аким, Дмитрий, Маркел, Кузьма, Николай и дочь Мария. Мария была шестым ребенком. Младшим родился Николай.

Несмотря на то, что старший сын Прокопий был женат и имел уже двоих детей, а в феврале 1931 года женился и второй сын Аким, семья продолжала жить одним неразделенным хозяйством. Рабочих рук хватало, земли тоже. Родители и дети работы не чурались. Жили между собой, по рассказам моей матери, в дружбе и согласии, поэтому хозяйство было крепким, безбедным. Уличное прозвище их почему то было Щербачковы.

Появление молодой снохи, моей матери, Анны, сложившегося в семье общего настроения не испортило. Она была принята доброжелательно, с уважением. Работать она умела и любила, а это был главный критерий в оценке любого члена семьи. Свекровь и старшая сноха звали её Анютой. Анютой называли её и все остальные члены семьи. Она, в свою очередь, свекра и свекровь называла тятяша и мамаша, сношельницу Татьяну — сестрицей, всех остальных по имени.

Всё складывалось хорошо, но до счастья дожить не удалось. По всей России набирала обороты всеобщая коллективизация крестьянства и борьба с кулачеством. У Овиновых к тому времени в хозяйстве было шесть лошадей, пять или шесть коров, бычки и телки, подтелки и телята, овцы, козы и другая живность, а также свои лобогрейка и веялка, конная сеялка два или три плуга, солидный клин земли, большой дом-пятистенок с обустроенным подворьем. В те годы этого было более чем достаточно, чтобы попасть под раскулачивание.

Деда и бабушку вместе со старшим сыном арестовали и отправили в ссылку, где старики умерли от горя и невыносимых условий проживания. Прокопию удалось выжить. Снох власти не тронули, Мама уехала к родителям, а жена Прокопия, тетя Таня, осталась вместе

с малыши детьми в селе. На руках у неё было двое своих малолеток, Иван и Надя, и трое детей свёкра и свекрови: Кузьма, Мария и Николай. Так как дело было глубокой осенью, выгнав их из дому, экспроприаторы позволили им поселиться в их бане здесь же на подворье.

Правда и позже «сердобольный» сосед не оставил без внимания сирот. Уже по зиме снял с петель приглянувшуюся ему банную дверь, оставив детей и бедную женщину практически замерзать. Пришлось завешивать дверь старой дерюжкой да кое-каким тряпьем. Так и прозимовали. Жили они в этой бане не один год. Питались, чем бог пошлет. Кузьма от простуды и недоедания умер, остальные чудом выжили.

Отец мой Аким Иванович вместе с братьями, что постарше, Дмитрием и Маркелом, еще накануне раскулачивания ушли из дома и направились в Башкирию (Уфимскую губернию) искать пристанища и кусок хлеба. Это и спасло их от ссылки.

Проскитавшись некоторое время по деревням и селам, оказались они в г. Мелеузе, где требовались рабочие на местный спиртозавод. Там, устроившись на работу, они и остались жить. Позднее забрали к себе, оставшихся в Саратовском, детей и тетю Таню.

Мать моя, Анна Петровна, будучи к моменту раскулачивания на восьмом месяце беременности, уехала в Башкирию, в деревню Музырок (официальное название хутор Ново-Хохлатск), где жили ее родители Петр Васильевич и Анастасия Факеевна Мичулаевы, а так же сестра Федора и два брата Иван и Александр. Там я родился и рос, с небольшим перерывом, до десяти лет.

Отца я практически не знал. Мне не было и года, когда его из Мелеуза мобилизовали в трудовую армию, была и такая. Служил он где-то на Дальнем Востоке долгие пять лет, а вернувшись, за неимением работы завербовался вместе с братьями Маркелом и Николаем и уехал в г. Фергану, Узбекской ССР.

Через некоторое время к нему уехала мама, а через год и я. Но свирепствующая там среднеазиатская малярия, которой чуть не сразу по приезду заболел я, а затем и народившаяся там сестренка Рая, заставила их вернуться в Башкирию. Но теперь уже в Баймакский район, село Куянтаево, где было организовано подсобное хозяйство Баймакского медеплавильного комбината.

Меня же опять препроводили в Ново-Хохлайское к деду и бабушке, так как жить родителям пришлось на подселении в одной барачной комнате с многодетной семьей моего дяди по линии матери Ивана Петровича и тетушки Варвары Петровны.

Это было лето 1940 года. Затем грянула война. Отец, так и не успев обзавестись ни домом, или хотя бы маломальской квартирой, перевез меня от деда в Куянтаево и вскоре ушел на фронт. В 1943 году 14 августа он погиб под г. Ржевом.

Война не пощадила и других его братьев. В ее пламени сгинули бесследно Маркел и Николай. Из пятерых братьев израненными, но живыми вернулись только Прокопий и Дмитрий.

И хотя жили они также в Башкирии, первый под Уфой, а второй в г. Мелеузе, никакой связи между нашими семьями не было.

О том, что жив и сохранился род Овиновых, я узнал уже в зрелые годы. А он сохранился, хоть и разбросала его жизнь по городам и весям. Фамилию Овиновых можно встретить в Башкирии — в Уфе и Мелеузе, в Оренбуржье, в Челябинске, Уйском и Варненском районах Челябинской области и даже в г. Рудном теперь вот соседнего государства Казахстана. К сожалению связи у меня с этими родственниками нулевые. И виной тому не только мы, а те трудные годы, которые пришлось на жизнь наших отцов и дедов, да и на нашу жизнь тоже.

По линии матери наш род тоже из числа крестьян-переселенцев Центральной России. Родители прадеда Василия и прабабушки Варвары Мичулаевых переселились на Южный Урал из Тамбовской губернии тоже в первой четверти 19 века и осели в Уфимской губернии в селе Канакасское Куторчинского района.

К сожалению, никаких сведений о прародителях наших мы не имеем. Можно лишь с очевидностью предположить, что они, не будучи состоятельными, как и миллионы других, крестьянствовали, чем и кормились, содержали семью.

Пробивались собственным небогатым хозяйством и наши прадед и прабабушка. Из их семьи дожили до взрослого возраста трое детей: старшая дочь Татьяна, сыновья Афанасий и Петр. Сам Василий, прадед наш, умер, когда Петру было всего около года, или год с небольшим. Рано умер, не успев обзавестись семейством, и брат Петра, Афанасий. Старшая сестра Татьяна вышла замуж за Калинкина Гавриила, грамотного по тем временам человека, и положила начало ветви семейства Ерховых: Вали, Саши, и Валечки. Кстати, вот еще в одной семье двое, только теперь сестры, с одинаковым именем.

Подлинным родоначальником нашей ветви Мичулаевых (Мичуновых) надо считать Петра Васильевича, моего деда по линии матери, по деревенскому прозвищу Мичун.

Отсюда прижилась и пошла вторая фамилия Мичуновы, которую позже взяли себе официально оба его сына Иван и Александр. За дедом и бабушкой, а также же моей матерью до конца оставалась фамилия Мичулаевы.

Женился дед в селе Канакасское на Юдиной Анастасии Факеевне. Вернее женили его неимущего батрака, которому было 16 лет на дочери бедных переселенцев из Центральной России, захавших случайно в их село, да в нем от нужды и заякорившихся. Дело в том, что хозяин этой семьи заболел и умер. А его жена со старухой матерью и дочкой, примерно тех же лет, что и Петр, остались без угла и средств к существованию. Приближалась зима. На деревенском сходе решено было выделить им для проживания бревенчатый сарай. За счет общества сложили в нем печь и определили туда семью. Вот в нее-то и определили Петра.

Время шло. Пошли у Петра и Анастасии дети, которых за их совместную жизнь народилось ни много, ни мало аж шестнадцать! Правда из них выжило лишь четверо. Остальные поумирали, кто сразу, кто чуть позже, но все в раннем возрасте. В то время это было обычным делом и у простого люда и особой трагедии ни у кого не вызывало.

Из четверых, старшая дочь Федора также умерла от чахотки, не дожив до 18 лет. Остались трое — Иван, Анна и Александр. Всем суждено было завести семьи, прожить самостоятельную жизнь.

Но это позже. А до 1932 года, момента образования колхоза в Ново-Хохлатском, все они жили одной семьей с неразделенным хозяйством. При этом Иван Петрович в 1927 году женился на Скалиной Варваре Петровне из села Варваринское, что находилось в 20 км от Ново-Хохлатского. Так что семья была крепкая, шесть работников в расцвете сил. Где-то к середине 30-х годов Петр Васильевич имел около 30 десятин земли, новый построенный дом-пятистенок, 3 лошади, 2 коровы, а также различную живность в виде телят, овец, свиней, коз, не считая, птицы. Подумывалось обзавестись своей лобогрейкой, веялкой. Но к тому времени образуется в деревеньке колхоз. Приглашают и деда с его хозяйством. Естественно дед отказывается. Каково вчерашнему батраку-голоштаннику, только, только почувствовавшему себя хозяином, лишиться нажитого? А еще пуще деда протестовали дети: Иван, Анна и невестка Варвара.

Кончилось тем, что семью раскулачили, а самих в ссылку. Петра Васильевича довели до Омска, а затем отпустили. Зато Иван с Варварой и четырехлетним сыном Николаем отбыли свое в сибирском поселенье для ссыльных вплоть до 1935 года. Вернулись в Башкирию, но не к месту краха мечты крестьянской о зажиточной жизни, а в Куянтаево Баймакского района. Не в колхоз пошли работать, а в государственное подсобное хозяйство. Всё не так обидно.

Здесь родились Анастасия и Михаил, Валентина и Александр. Ни Ивана Петровича, ни Варвары Петровны уже давно нет в живых. А их дети живут в Баймакском районе и поныне. Николай, Анастасия и Михаил в самом Куянтаево, Александр в соседнем селе Бекешево, Валентина в г. Баймаке.

Теперь уж и у них на всех 12 детей. Причем шестеро — мужчины, которые носят фамилию Мичуновых. Так что род Петра Васильевича Мичулаева (Мичунова) разросся в могучее дерево.

Мичуновых можно встретить в Челябинске. Два сына Николая — Виктор и Анатолий, а так же его дочь Люба, живут в нашем городе. В Куянтаево живет его младший сын Владимир. Дети Михаила — два сына Иван и Константин живут самостоятельными семьями в Куянтаево, дочь Ольга проживает с семьей в Баймаке.

Анастасия с мужем Василием Александровичем Кутуковым живет в Куянтаево. А вот троих ее дочерей: Любу, Веру и Наталью судьба разбросала по городам и весям.

Валентина с мужем Константином Петровичем Артемьевым, как уже указывалось выше, живет в Баймаке. Здесь же в городе самостоятельной семьей живет их дочь Надежда. Старший сын Олег к великому горю родителей трагически погиб уже будучи взрослым. Александр, его сын Сергей и дочь Татьяна проживают в селе Бекешево. Есть у старших Мичуновых, как и положено, внуки и правнуки. Такой вот могучий ствол с крепкими ветвями разросся от старшего сына Петра Васильевича, Ивана.

Что касается младшего сына Мичулаевых Александра Петровича, то здесь картина иная. Еще до раскулачивания он, имея образование, устроился работать в соседнем селе учителем. Женился, родилась дочь Раиса.

Но начались войны. Вначале финская, затем Отечественная. Повоевал на той и другой. Первую пережил, а на второй погиб. Из письма сослуживцев узнали: служил в разведке, забрасывали в тыл. Два раза вышли благополучно, на третий не получилось.

Это было в сорок первом. И осталась жена Ульяна (Ульяша) одна с дочкой Раечкой. Так мы ее звали тогда все. Фамилия Мичуновых на этом закончилась.

Не получила она развития и у дочери Анны Петровны, несмотря на то, что прожила до 91 года, она сама носила фамилию Мичулаева. Ведь я ее сын, как и положено, ношу фамилию отца. Эта же фамилия у наших с Любовью Сергеевной, моей женой, сыновей Сергея и Алексея. У сестры Раисы и ее двух сыновей Владислава и Алексея, фамилия Пономаревы, доставшаяся им от ныне здравствующего и возглавляющего новую ветвь родословного дерева жизни Василия Михайловича. Все они проживают в г. Трехгорном вместе с внушительной молодой порослью.

У Раисы Акимовны и Василия Михайловича три внука: Владимир, Александр и Иван и две внучки Татьяна и Анна. У нас же с Любовью Сергеевной лишь внучка Машенька и внук Андрей.

Дедушка

Дед мой, Петр Васильевич Мичулаев, которого, сколько себя помню, я любовно называл дедушка, прожил жизнь, полную невзгод и лишений, незаслуженных обид и унижений.

Родился он и прожил большую часть своей жизни в Уфимской губернии, в селе Канакасское Кугорчинского района. Семья его отца, Мичулаева Василия, была бедной, многодетной и пробивалась, в основной, тем, что давал огород и скудное подсобное хозяйство.

Оставшись в годовалом возрасте без отца, с одной матерью, на руках которой было ещё трое или четверо детей, он был обречен на тяжелое полуголодное детство. А когда ему исполнилось три или четыре года и в их доме появился отчим, жизнь мальчика в семье стала невыносимой.

Начиная с пятилетнего возраста, родители стали отдавать его на лето «в люди», в качестве малолетнего дармового работника. Он пас гусей, телят или уток, выполнял другие посильные и непосильные работы, только за то, чтобы его кормили и выделяли угол, где можно было прокоротать ночь.

Возвращаясь на зиму домой, мальчик испытывал постоянные притеснения и придирки со стороны отчима, который, пользуясь его беззащитностью, бил, унижал и притеснял его, называя дармоедом, «лишним ртом». А когда парнишке исполнилось десять лет, отчим и вовсе прогнал его из дома. Скитаться пришлось не только лето, но и зиму по окрестным селам в поисках куска хлеба и хоть какого-нибудь пристанища. И нередко приходилось делить его с хозяйским скотом.

Рассказывая, бывало мне об этом времени его жизни, дед не мог сдержать горьких слёз, часто замолкал, всхлипывая и беспрестанно вытираясь. Мне, его семилетнему внуку, было также нестерпимо горько и обидно. И я плакал вместе с ним.

Лишь в 14 лет, будучи в с. Мраково, вспоминал дед, попал он в работники к купцу Тарею, который, оценив его прилежание и сноровку в работе, отнёсся к мальчику по-человечески. Купил ему новые штаны, рубашку и сапоги, честно платил за работу.

Через него, или как сейчас говорят, по его протекции молодой батрак был нанят на работу другим купцом Кондратием Авиновым, в хозяйстве которого проработал он несколько лет и приобрел в лице своего хозяина доброго наставника, а затем и друга семьи.

Кондратий принял самое непосредственное участие в судьбе своего расторопного и смышленного работника. Когда тому исполнилось шестнадцать, и пошел семнадцатый год, он посоветовал жениться на недавней переселенке из центральной России Анастасии Юдиной, проживающей втроем с бабушкой и матерью в его родном селе Канакасском.

По соображениям Кондратия, такая женитьба сразу сделает Петра хозяином и главой семьи, поскольку он будет её единственным мужчиной. «У них бедный, но свой домишко, — рассуждал Кондратий, — какая-никакая, но есть лошаденка. Работать тебе не привыкать, но всё, что ты заработаешь, в твоё же хозяйство пойдет. А женишься на богатой, да войдешь в их дом примаком, так до конца жизни примаком останешься». С такими рассуждениями в то время трудно было не согласиться.

Женитьбу эту поддержал и деревенский староста. Ибо приход молодого бездомного батрака в семью, где не было ни одного мужчины, сразу менял дело. По существующим тогда законам на него можно было землицы, сколько положено на одну «мужскую душу» выделить, так как без земли этой забредшей невесте откуда семье, как и любой другой, в деревне было бы не выжить. Женщинам же по тогдашним законам выделение земли не полагалось.

Так деревенская власть решала сразу две задачи: и потерявшую кормильца семью, наделив землей, включить в число полноправных хозяйств, и бездомного батрака, которого они знали с малых лет как доброго паренька, к месту определить.

По рассказам бабушки, к тому времени дед был внешне уже вполне сформировавшимся молодым человеком. Среднего роста, статный и мускулистый с мощной копной смоляных кудрей, черными, веселыми глазами на загоревшем привлекательном лице, он ей сразу понравился и полюбился на всю жизнь.

С первых же дней его женитьбы молодой «хозяин» оказался в очень сложном положении. И дело было вовсе не в бедности. Иной жизни он и не знал. Беда была в том, что тёща и особенно её старуха — мать были женщинами удивительного невежества, упрямства и вздорности. Они постоянно подчеркивали, что это они хозяйки здесь, что это он пришел в их семью, что это они его приютили и приняли, а следовательно, он должен делать лишь то, что они ему скажут.

Об уровне интеллекта этих хозяек можно судить хотя бы по таким фактам. В день женитьбы Петра, Кондратий приехал в их домишко с подарком. Он привез молодым самовар. Вручив подарок, попросил женщин влить в него ведерко воды да вскипятить всем чайку. Большого на этой «свадьбе» просто ничего не было.

Бабушка невесты, взяв подарок, вышла во двор, но сколь не вертела подаренное чудо, а как им пользоваться так и не поняла. Спросить же гордость не позволяла. Взяла ведро, да в самоварную трубу и бухнула. А затем долго ругалась, что им худой самовар для смеху подарили.

Ещё более показателен пример их вселения в обустроенный за счет общественных средств сельской общины дом, переделанный из сарая. Стены, пол и потолок его были обмазаны глиной, а нанятым печником сложена печь с дымоходом и трубой, как это и положено. Последнее очень не понравилось бабке и будущей тёще: «Зачем тепло наружу выпускать!». Как соседи ни уговаривали, не уговорили. Разобрали они трубу и дымоход наглухо закрыли. Всю зиму печь по-чёрному топилась. Дым из печи выходил прямо в дом и лишь затем на улицу, в приоткрытую дверь.

Бабушка Анастасия, вспоминая это время, рассказывала, что когда печь топилась, то они устраивались на полу, дым стоял чуть выше, и тогда дышать можно было. Пол земляной, обмазанный глиной, обустройства никакого, кроме одной лавки, да сбитого из двух неструганых досок колченого стола.

«Помню, — рассказывала она, — такую историю. Весна после первой зимы на новом месте случилось дружная. Побежали ручьи. В том числе один в аккурат посреди избы образовался. Под одну стену затекал и под другую вытекал. Садимся мы как-то обедать, а ложка деревянная свалилась да прямо в ручей. Я за ложкой, ложка под стену и на улицу. Выскочила я в чём была, да босиком по снегу вдоль ручья за ложкой. Насилу догнала».

Вот в каком «хозяйстве» управлялись эти женщины. Правда была у них лошадёнка. Но то ли от недокорма, то ли от дальней дороги, которую она преодолела с деревянной телегой от Тамбова до Уфимской губернии, или от того, что всю зиму стояла под наспех сколоченным и открытым всем ветрам навесом, только к приходу деда в их семью она окончательно обезножила и лежала на хилой подстилке не поднимаясь.

Молодой хозяин начал с того, чтобы лошадь спасти и на ноги поставить. Первым делом соорудил из плетня добротный сарай, купил на ранее заработанные им деньги, хорошего сена и овса для корма, а по весне, узнав от кого-то, что кроме корма, лошади надо бы ещё и простуженные ноги хорошенько прогреть, придумал использовать естественный горячий компресс.

Рядом с домишком соседская куча навоза перепревала. Спросив разрешение соседа, дед врыл по бокам её 4 крепких столба, меж которыми натянул верёвки да на них лошадь с помощью мужиков и подвесил, Ноги же её, разворошив горячий навоз, опустил внутрь кучи.

Прогрел так, что все четыре больных копыта слезли, как худые лапты, с ног бедной лошадёнки. Но после этого лошадка быстро на поправку пошла, копыта новые отросли. За лето она откормилась, окрепла и стала хозяину доброй помощницей и опорой. А главное три года подряд приносила в хозяйство по жеребёнку.

К тому времени старушка, (прапрабабка моя, значит), умерла, а вскоре за ней умерла и прабабка. И стал Петр Васильевич полноправным, многолошадным хозяином. Зимой на лошадях в извоз с Кондратием ходил, летом хлебопашеством занимался, арендуя у местных башкир по 4—5 десятин земли.

Несколько лет спустя, поднакопив немного денег, с помощью Кондратия, и вовсе купил у местного башкирского богача Макзюмки 25 десятин земли около хутора Музырки, куда затем и переселился. Сеяли, в основном, озимую рожь, немного пшеницы, а также овес для своих нужд.

Росли дети, два сына и две дочери, становясь надежными помощниками. Крепло хозяйство. Построили в Музырках добротный дом — пятистенник, возвели надворные постройки: конюшню, коровник, сарай для овец, свиней и птицы, амбары для хранения зерна и продуктов.

В хозяйстве стали держать трёх рабочих лошадей, своего жеребчика, двух коров, десяток овец, коз, свиней, а также птицу, в основном кур и уток. Вместо самодельной сохи, купили железные плуг и борону, лобогрейку. С хозяйством, в основном, справлялись сами. Лишь в уборочную пору нанимали временных работников, чтобы вовремя убрать с полей хлеба и солому.

Появился средней руки достаток. Завёл дед кроме рабочих повозок тарантас и санки. Во время выхода в церковь, или в гости носили теперь не только холщёвую, самотканую одежду, но и из купленного сукна, ситца и другой мануфактуры.

Летом все, в основном ходили в лаптях, так как дед был искуснейший лапотник и загодя плел для всех по несколько пар лаптей на все лето. На зиму же приглашенные пимокаты, катали всем членам семьи валенки. Деду, бабушке, а также старшему сыну Ивану и его жене Варваре изготавливались ещё и чёсанки для выхода в воскресные и праздничные дни.

Заметно улучшилось питание семьи. Вместо постной пищи, на столе стали чаще появляться мясные блюда, особенно в зимнее время. С наступлением стойких морозов, как рассказывал дед, закупал он воз разной мороженой рыбы, которая хранилась в холодном амбаре и которой хватало почти до тепла.

В общем, жизнь налаживалась. Саньку, младшего сына, отдали в школу, и он окончил семилетку. После чего устроился учительствовать в соседнее село. Три или четыре года, чуть ранее, учился в школе и другой сын Ваняшка. Это было самое счастливое, но, увы, очень короткое время. Оно пришлось на советский период, вплоть до коллективизации.

Коллективизация порушила всё. За отказ от вступления в колхоз в 1932 году арестовали деда, старшего сына Ивана, сноху Варвару. Всех сослали в Сибирь. Деда

как бывшего батрака, при перепроверке в Омске вернули обратно. А Иван с женой и четырехлетним сыном пробыл и в ссылке до 1935 года.

Вернулся дед из Омска вместо дома в свой омщанник для зимнего содержания пчёл, где теперь жили бабушка, моя мама и я, его восьмимесячный внук. Ничего из отобранного у семьи, кроме этого полуподвала, да стоящего особняком пустого амбара, ему не вернули.

Приняли в колхоз. Из бревенчатого амбара собрал дед крошечную избушку в три оконца, из плетня приплел небольшие сени, крышу накрыл соломой и начал вместе с нами новую жизнь. В колхозе выполнял самые разные работы: занимался плотницким делом, старожил колхозные поля и фермы, а во время полевых работ выполнял обязанности колхозного кашевара.

Сколько помню, дед всегда носил усы и черную окладистую бороду, предмет его особого внимания и забот. Видимо за неё односельчане называли его за глаза не иначе, как дед Мичун, или просто дед.

Я рос и воспитывался от самого рождения и практически до совершеннолетия под влиянием и воздействием бабушки и дедушки. Отец, в силу сложившихся обстоятельств, с нами практически не жил. Мать с утра до ночи пропадала на колхозных и совхозных работах, никаких детских ясель и садов в те годы на деревне не было и в помине, так что я буквально вырос на их руках, окруженный их заботой, хлопотами и безмерной любовью.

Они называли меня ласково Петрячком. Видимо потому, что было нас в семье двое мужчин и обоих звали Петр. Петр большой — это дед, а Петр маленький, Петрячок, — это я.

Начиная с трех, или четырех лет, в сенокосную пору, а также в теплые погожие дни уборочных работ дед забирал меня с собой на полевой стан, где мы жили вместе с ним в шалаше, покрытым свежескошенным сеном, спали на приготовленной из сена же мягкой, пахнувшей лесным разнотравьем постели.

В памяти остались развесистая береза, на ветвях которой был сооружен помост для хранения продуктов, служивший также излюбленным местом моего пребывания, два трактора ХТЗ с железными шпорами на колесах, девушки-трактористки в серых комбинезонах, милостиво разрешавшие мне взбираться на их железных коней в свободное от работы время.

Удивительное свойство человеческой памяти. В свои 78 я нередко забываю уже то, что называется было вчера, но отчетливо помню дедово подворье, огороженное плетнем, в углу его остов сохи, сделанной им из цельного сучковатого дерева, казацкую шашку, что углядели мои всесущие глазенки под стрехой сарая и то, как напугало это бабушку, когда увидела она её в моих руках.

Помню как дед водил меня тайком к дому, в котором они жили до раскулачивания и показывал его мне. Помню, как впервые и единственный раз он отшлепал меня за то, что я трехлетний мальчуган, лихо съезжал с хлебной горки только что насыпанного прямо среди двора зерна, что выдал по осени колхоз на заработанные трудодни деда и моей мамы. Хлеб для него, как и для всякого крестьянина, был священен. Таковым он стал после этого случая и для меня. И не из-за дедовых шлепков я заполнил этот случай, а скорее он остался в моей памяти потому, что отношение к хлебу, к тому, что было на крестьянском столе, всегда почиталось в нашей семье особенно высоко, ибо давалось тяжелым, изнурительным трудом.

Сколько помнится, дед никогда и не ругал меня. В его арсенале было столько прибауток, присказок и поучительных историй, что после любой моей промашки или ошибки он всегда находил наиболее подходящую для данного случая, в результате я надолго запоминал, почему не надо делать того, что я только что совершил.

Память сохранила, к примеру, такие из них. Сенокосная пора. Мы заканчиваем с дедом копнить накошенное и высохшее сено. От сенокоса до дома километров 5 не меньше. Тащиться с косами, вилами, граблями и прочим инвентарем не хочется. Решаем припрятать его на месте. Я прячу косы, дед остальное метрах в 20 от меня. Сделав дело, я кричу ему как можно громче: «Деда, я вот в этих кустах косы спрятал!». Дед молча кивает,

чему-то усмехаясь. Но по дороге к дому возвращается к этому моменту. «Ты знаешь, так же как мы с тобой, мужик с сыновьями закончив работу, а они по весне поле пахали, решили сошники в поле припрятать. Сделали это сыновья и кричат отцу; что сошники под третьей бороздой спрятали. Отец им наставление дает, что в этом случае в полрта надо было сообщать, а не кричать во все горло. Вернулись они утром на поле. Сыновья за сошниками побежали. Бегали, бегали, а потом в полрта и шепчут отцу: «Тятя, а тятя, сошников-то нету».

Или в другой раз. После утреннего покоса, изрядно намахавшись косами, мы, перекусив, немного вздремнули, укрывшись в прохладном шалаше от нестерпимой жары. Через некоторое время слышу его голос: «Вставай, Петрячок, работать пора». Пытаюсь отбиться. «Жара же, дедушка. Давай переждем», — прошу я, не просыпаясь. Слышу в ответ мягкий, уговаривающий голос: «Знаешь, один мужик с бабой вот также жары боялись. Залезли в погреб и сидят. Жена выглянет, скажет: «Ой, жара какая, всё в поле пересохнет. Выглянет мужик, скажет: «Ох, жара какая, весь народ без сена останется». Так и просидели до самой осени.

А когда вылезли, жара прошла, но и сено уже негде было накопить и поля все сорняком заросли. Так и остались они ни с чем. Есть такая поговорка: «Лето пролежишь, зимой с сумой побежишь». Действовали такие рассказы всегда безошибочно. Не хотелось уподобляться ленивым и бестолковым.

За такую манеру общения любили и уважали его не только мы, но и односельчане. Неграмотный, не умеющий даже расписаться, (он ставил вместо росписи куриную лапку, или оттиск намазанный чернилами большого пальца), дед пользовался всеобщим уважением в деревне.

Это уважение он заслужил еще своим общительным и приветливым характером, был шутником и весельчаком в любой компании. К тому же он умел, кажется делать практически все: от любого крестьянского рабочего инвентаря, плетения лаптей, до изготовления телег, бричек, саней, лошадиной сбруи, строительства домов, сараев, амбаров, погребов и так далее.

Причем любое дело выполнялось им с большим мастерством и старанием. Того же он требовал и от нас. Самым большим проступком в нашем доме считалось плохо выполненная работа, будь то уборка стойла для скота, небрежно подметенный двор, кое-как обработанная огородная грядка, или плохо выкошенный сенокосный участок.

Изготовленные им деревянные вилы, грабли и лопаты, рукоятки для косы, или молотка, вытесанное и обработанное топорище было всегда любо взять в руки. «Делай так, — учил он меня, — чтобы инструментом хотелось работать».

Я благодарен ему до сей поры за то, чему обучил он меня в детские и юношеские годы. Но, главное, он научил меня ценить и уважать людей труда, научил доброте и порядочности, справедливому отношению к людям, состраданию к слабым и обездоленным.

От него же я перенял дружеское, уважительное отношение к людям другой национальности. Живя в Башкирии, сам он постоянно общался с башкирами, на бытовом уровне вполне сносно владел башкирским языком, знал их традиции и обряды, много рассказывал мне о них. У нас в доме постоянно были его друзья и знакомые из числа башкир. Они подолгу пили чай, о чем-то неторопливо беседовали с ним, шутили, смеялись. Это общение не прерывалось в нашем доме и в более позднее время. Я также полюбил на всю жизнь их песни, танцы, удивительно живой и мелодичный язык, широкое гостеприимство, простоту и скромность в быту.

Дед был глубоко верующим человеком. Ни одного дня не начинал он без молитвы и обращения к богу. А при зачине какого-то большого дела, посевной, или уборочной молитвы его были особенно обстоятельны и долги. Встав поутру и убравшись во дворе, он тщательно умывался, причесывался, расправляя усы и бороду подпоясывал свежестриранную рубаху плетеным ремешком, и только после этого подходил к иконам, что стояли на божнице в правом, красном углу «передней» комнаты. Вначале он о чем-то молился, стоя на ногах, затем опускался на колени, крестясь и кланяясь до самого пола.

Занимало это минут 15—20, не меньше. Мама рассказывала, что до раскулачивания, когда они жили большим хозяйством, а дед задерживался особенно долго, бабушка не выдерживала, хотя сама была верующей, заходила в переднюю и раздраженно выговаривала: «Будя кланяться-то. Иван с Варварой уже давно пашут, все соседи в поле, а ты все кланяешься». В ответ дед делал протестующий жест, но молитвы не прерывал, выдерживая ритуал до конца.

Отношение к священникам у него было далеко не столь почтительным, как с богом. Он осуждал их за жадность, за излишнее почтение к богатым и нарочитое пренебрежение к бедным людям.

С богом тоже, видимо не было у него полного взаимопонимания. Когда я уже учился в институте, как-то зашла у нас с ним речь на эту тему. И дед признался, что он не может понять, почему тем, кто открыто нарушает божьи заповеди, живется подчас легко, сытно и вольготно. А бедным, сирым и убогим достаются одни лишь страдания и несчастья. И уж совсем непонятно, за что бог наказывает малолетних детей, заставляя их от самого рождения и до смерти жить в нищете, страдать и мучаться. Я тоже тогда не понимал этого. Не понимаю и сейчас.

И уж совсем противоречивым у него было отношение к Советской власти. С одной стороны, она нанесла ему и его семье кровную обиду, раскулачив и забрав всё, что было ими нажито и выстрадано. И он горько переживал эту несправедливость. С другой стороны, я не однажды был свидетелем в детском и юношеском возрасте жестких споров между ним и дядей Иваном, а также моей матерью, возникающих каждый раз, когда речь заходила об отношениях с этой самой властью.

Его дети не могли простить нанесенной им обиды и утраты нажитого, хаяли и осуждали её всячески, тогда как дед, напротив, утверждал, что если бы не Советская власть, богатеи замордовали бы мужика, что без Советской власти не видать бы и нам ни земли, ни того достатка, что появился в семье перед раскулачиванием.

«Не верь им, — говорил он мне в таких случаях. — Это их обида гложет и разум мутит. А того не понимают, что миреды, возьми они верх, не такое бы с мужиком сделали. Самый плохой колхоз раем бы показался».

И приводил многочисленные примеры о том, как батрачил он у этих богатых почти пол жизни, какие унижения и несправедливости терпел. Рассказывал, к примеру, о том, как Холодняк, местный богатеи, у него на глазах нахально стал припахивать дедову десятину, и лишь чистик (деревянная рукоятка с железной лопаточкой на конце), в руках взбешенного деда отрезвил его алчную душу. Деду импонировало у Советской власти то, что она почитала труд и во главу угла ставила рабочего человека. А то, что делалось на местах, считал он, было делом местных худых начальников. Я всегда был на стороне деда. С его благословения я вступил в комсомол, а затем и в партию.

г. Челябинск

Рождение цыпленка

Наседка-курица три дня
На яйцах просидела.
К ней вся куриная родня
Ходила то и дело.
Когда ж появятся на свет
Племянники-цыплята?
Но только слышали в ответ:
«Сестрицы, рановато».
Однажды утром, наконец,
Раздался стук в скорлупке,
И первый крошечный птенец
Родился в жёлтой шубке.
На ножки тоненькие встал,
Головку держит прямо.
Прижавшись к курице, сказал:
«День добрый! Здравствуй, мама!»

Котик отдыхает

Серый пушистый комочек
Спит в моей тёплой ладони.
Замер и ниток клубочек
Где-то в углу на балконе.
Дремлют шнурки на ботинках,
Папины шлёпки сучают.
В доме спокойно и тихо, —
Котик-шалун отдыхает.

У окошка

У раскрытого окошка
Стул стоял на крепких ножках.
Никому он не мешал,
Помогал да утешал.
Людам он служил опорой:
Старичок ли сядет хворый,
Мама с дочкою малышкой
Почитать присядут книжку.
Вдруг ботинок чей-то грубый
Пнул по крепкой ножке стула.
Ножка, хрустнув, испугалась.
Заскрипела и сломалась.
Грустно стало у окошка
Всем без стульчика на ножках.

Верю в сказки

Я верю в сказки, верю в чудо.
Они порой живут во мне.
За мною следуют повсюду, —
Я будто в сказочной стране.
На яркой книжкиной странице
Любуюсь царственной жар-птицей.
Меня манит чудесный сад,
Волшебных яблок аромат.
Спешу на помощь я Руслану.
Под дубом меч себе достану.
Сразимся с мерзким Черномором, —
Спасём красу-Людмилу скоро...
Я верю в сказки, верю в чудо.
Мне дорог каждый их герой!
За партой в школе, дома, всюду —
Мои друзья всегда со мной.

Солнышко прячется

Пасмурно, холодно,
Где же ты, солнышко?
Спряталось ты от кого?
Ждут тебя детки,
И хлебные зёрнышки, —
Все ждут тепла твоего.
Выйди на небушко
Солнышко ясное,
Глазки открой поскорей.
Землю большую,
Такую прекрасную
Тёплой улыбкой согрей!

У реки

Пастушок играл на дудочке
На полянке у реки.
Подошли на берег с удочкой
Мальчуганы-рыбаки.
Ловко удочку закинули,
Нежно музыка звучит.
Вдруг мальчишки рты разинули:
Рыбка из воды торчит.
И в таком немом молчании
Льются звуки над рекой.
Улыбнувшись на прощание,
Рыбка скрылась под водой.

В удивительной этой стране
Можно даже промчаться по радуге,
Побывать на далёкой Луне
И уплыть на бумажном кораблике.
Есть на свете такая страна —
Большеглазая и шаловливая,
Есть у каждого в жизни она,
И зовут её — Детство счастливое!

Лето красное

Смеётся лето, в лужах плещется,
Бежит по улицам, кружась.
Как в сказке, три желанных месяца
Шагают, за руки держась.
Июнь листвою изумрудною
Зашелестел в моём саду.
В зеркальном блеске вальса чудного
Танцуют звёздочки в пруду.
Бежит, хохочет лето красное,
Журчит прохладой ручейка,
И песня чистая, прекрасная
Несётся ввысь под облака!

Плюшевое чудо дорогое!

Потерялся медвежонок Тишка
В сереньких коротеньких штанишках.
Я звала, искала его всюду,
Маленькое плюшевое чудо.
Даже под кровать я заглянула,
Не нашла и в комнате под стулом.
Может, в шкаф он плательный забрался
Темноты, бедняжка, испугался?
Грустно, одиноко мне без Тишки,
Маленького плюшевого мишки.
Отправляюсь спать в свою кроватку:
— Мама! Вот он мой мишутка сладкий!
Он нашёлся, он опять со мною —
Плюшевое чудо дорогое!

Бабушка хворает

Хворает бабушка моя.
Лежит она в постели.
Пойдут ребята без меня
Сегодня на качели.
В аптеку я бегу скорей,
Лекарство покупаю,
Для милой бабушки своей
Я книжку почитаю.

Давно мы с бабушкой друзья,
У нас с ней нет секретов.
Без друга мне никак нельзя —
Пусть знают все об этом!

Витино деревце

Посмотрите, посмотрите —
Вот так первоклассник Витя!
В сад пришкольный он идёт,
Деревце в руках несёт.
Хоть силёнок маловато,
Взял побольше он лопату,
Ямку силится, копает —
Деревце своё сажает.
— Я расту, и ты расти,
По весне начнёшь цвести,
Скоро зашумишь листвою —
Мы подружимся с тобою.
Ростом мал ещё мальчишка,
Но каков растёт парнишка!

Урожай

Подросли в земле морковки —
Золотистые головки.
Косы длинные, густые,
Да в кудряшки завитые.
Каждый день их поливают,
Ветерок в кудрях играет,
И сидят красавицы,
Солнцу улыбаются.
Славный будет урожай,
Всех гостей за стол сажай!
Витаминный пир горой —
Уплетай, расти большой!

Главный в доме

На столе — буханка хлеба,
Пышная, румяная,
В ожидании обеда
Слюнки слетаваю я.
Хлебный дух заставил папу
Матч футбольный пропустить,
Он сказал: — Любимый запах,
Мне б кусочек проглотить!
Отложив в сторонку спицы,
В кухню бабушка идёт,
По неписанной традиции
В руки хлебушек берёт.

Очень бережно и нежно
Прижимает хлеб к груди,
Отрезая ломтик свежий,
Тихо молвит мне: — Гляди,
Всех за стол он собирает,
Хлеб душистый, золотой,
Кормит он и согревает,
Только помни, мальчик мой:
Где бы, родненький, ты не был, —
Цену знай простому хлебу, Никогда
не забывай: —
Главный в доме — каравай!

Мышки

Поиграть решили мышки,
Да набили только шишки.
Удирали от кота —
Не лишились чуть хвоста.
Видно, ловкий котик —
Беленький животик.

Лара

Раз цветочек — это штука,
Два цветочек — пара.
Три цветочка — это кучка —
Так считает Лара.
Мне исполнилось три года, —
Значит, это куча лет!
Подрасту ещё немного —
Сосчитаю весь букет!

С Днём учителя!

За окнами осень, и дождь моросит,
Последний листочек,
сорвавшись, летит.
А в школу с букетом идёт
первоклашка —
В парадном костюме,
в белой рубашке.
Ни дождь моросящий,
ни мокрая куртка
Не могут испортить ему это утро.
Он в школу войдёт, дверь откроет
в свой класс,
Протянет букет —
«С Днём учителя Вас!»

В первый класс!

Нынче праздник! Наш Тарас
Поступает в первый класс!
У него портфель в порядке:
Вот пенал, а вот — тетрадки.
Тут и новенький букварь,
Для английского — словарь.
Говорят ему ребята:
В первом классе рановато
Иностранный изучать.
Лучше... с азбуки начать!

Грусть

Смотрит в зеркало Танюшка
И капризно морщит нос.
Фу, подумаешь, Андрюшка
Той девчонке ранец нёс!
Все мальчишки в нашем классе
В мою сторону глядят.
Вон, хотя бы, Пчёлкин Вася,
Он с меня не сводит взгляд!
Я иду домой из школы,
Ранец в Васиной руке.
День вокруг такой весёлый!
Отчего так грустно мне?

Любимец

Во дворе живёт щенок —
Детворы любимец.
Он несётся со всех ног
Получить гостинец!
Лижет руку язычком,
Хвостиком виляет.
Звонким лаем, как звонком,
Двор весь наполняет.
Любят все озорника —
Взрослые и дети.
Без хвостатого дружка
Скучно жить на свете!

Друзья

Я качусь на самокате,
Ветерок летит за мной.
Догоняй скорей, приятель, —
Познакомимся с тобой!

Будем вместе мы кататься
Летним солнечным деньком,
А потом к реке купаться
Мы помчимся босиком.
Настоящими друзьями
Скоро станем мы, дружок,
Расскажу об этом маме,
Возвращайся, ветерок!

Кеша

Вова пьёт на кухне чай,
Ножками болтает.
В клетке Кеша, попугай,
Зёрнышки считает.
Досчитал до десяти,
Посмотрел на Вову.
— Я умею до пяти, —
Ты попробуй снова!

Солнышко

Солнце присело на крышу,
Свесило рыжие ножки
И покатилося неслышно
Вдаль по зелёной дорожке.
В ситцевых платях берёзки
С солнышком захороводят,
Ветер игривый причёски
В кронах пушистых наводит.
Шлёпает солнце по лужам,
С дождиком в прятки играет,
В воздухе с птицами кружит,
Щедрой улыбкой сияет!

Котёнок

За окнами дождь,
На дворе непогода.
У дома напротив
Котёнок сидит.
Бедняге, наверное,
Нет и полгода,
Прижавшись к стене,
Сиротливо глядит.

О, сколько тоски
В голубых его глазках.
Давно он промок
И все тельцем дрожит.

Ему бы тепла,
Человеческой ласки,
Кошачье сердечко
Согреть, оживить.

Умеют животные
Быть благодарны.
Они, Божьи твари,
Нас любят и ждут.
Я верю в добро,
Но я знаю и главное —
Котёнок и люди
Друг друга найдут.

В столице

Катя с Таней — две сестрицы,
Первый раз они в столице.
Побывали и в музее,
И в картинной галерее,
Прокатились на метро,
Пили лимонад «Ситро».
А однажды у фонтана
Повстречали мальчугана.
Весь он, с головы до пят,
Был похож на шоколад.
Сколько ж надо плиток съесть,
Чтобы стать таким, как есть?

И сказали сестры дружно:
Кушать шоколад не нужно!
Но, подумав хорошенько, —
Есть решили помаленьку.
Кате с Таней — двум сестрицам —
Очень нравится столица!

Колыбельная

В небе звёздочки сияют,
Лунный свет коснулся крыш.
Внука бабушка качает:
— Спи, Ванюша, спи, малыш.

Колокольчиком волшебным
Голос бабушкин звучит.
Рыжий кот с улыбкой нежной
Растянувшись, сладко спит.
Только носиков сопенье
Слышно в сонной тишине.
В лунном танце звёзд круженье
В поднебесной вышине.

Сверчок и старичок

На печке дремлет старичок,
За печкою живет сверчок.
Лишь песенка кончается,
Старик наш просыпается.

Удивляется народ:
Хорошо сверчок поёт!
Теперь без песенки сверчка
Не уложить нам старичка!

Веснушки

У моей сестры Катюшки
На носу сидят веснушки.
Катя охает, вздыхает
И веснушки всё считает.
Раз, два, три, а вот — четыре,
Раздается по квартире.
Если завтра будет пять —
Больше не пойду гулять!

Мама обняла Катюшку
И шепнула ей на ушко:
«У того веснушки эти,
Кто красивей всех на свете!»

г. Каргалы

Здравствуй, Тигра Новый год!

— Здравствуйте! — в дверном проеме появился молодой человек. Мало кто на него обратил внимание, все были заняты своими делами.

Валентина Прокофьевна воспитывала сына по телефону. Он что-то мямлил ей, а она вопросительно кричала в трубку:

— Чего? Чего?

— Чего, чего... Здравствуйте, говорю! — перекрывая общий шум, откликнулся вошедший.

Пятнадцать человек, находящихся в кабинете, одновременно прыснули от смеха.

— Ты кто? — спросила Эллочка, вытирая слезы.

— Кто, кто... Новенький я... — смутился вошедший. Но его ответ снова потонул в хохоте.

Отдел кадров в старом здании! — махнула пилкой Эллочка и продолжила свой бесконечный маникюр. — Только кадровичка у нас глухая, вы говорите ей громче!

Жизнь отдела текла спокойно и неторопливо, даже как-то по-семейному. Все про всех всё знали, проблемы решали сообща, по мере их поступления.

— Ну, девки незамужние, как парня делить будете? Может, по-честному разыграете? — поинтересовалась Каролина Павловна.

— Я в конкурсе не участвую. Он мне не нравится. Видели, какой он толстый? — ответила Людочка.

— Не толстый, а накачанный. Качок — это модно и красиво! — Эллочка всегда знала, что где почем, что модно и что не модно. Муж её угрюмый и вечно занятый, казался неромантичным скептиком.

Накануне Нового года на её столе возле компьютера появился маленький тигренок.

— Откуда это? — хлопнула в ладоши Эллочка.

— Угадай с трех раз, кто тебе это принес, — донеслось из угла, который занимала Каролина Павловна.

Эллочка задумалась, потом недоуменно произнесла:

— Девки, точно, не знаю. У меня только Витя и Петрухин...

— Это муж тебе подарил! — защебетали девчонки. — Ты же Тигра Львовна, твой год наступает!

— Антон? — удивилась Эллочка. — Не может быть!

Год Тигра приближался с немыслимой скоростью.

Россияне — изобретательный народ. Праздники рождаются, как у кошки котят. Мы умудряемся Рождество и Новый год встретить дважды: по новому и по старому календарю.

— Вам бы только веселиться, — донеслось из угла, — отмечаете подряд и государственные и религиозные праздники. Пост на дворе, а вы Новый год удумали!

— Корпоративная вечеринка — замечательный праздник! Может, мы последний год работаем вместе, вон какое сокращение, — отрезала Эллочка.

— Тем более до Нового года мы уже успеем соскучиться по застолью! — ответила Валентина Прокофьева.

С утра шли приготовления к вечеру: «оливье» и селёдка «под шубой», корейская морковь и «мимоза» спрятались в холодильнике до поры. Мандариновый аромат носился по коридору вместе с надушенными локонами и блузками. Маринованные огурчики томились в банках, ожидая часа «X».

Раскатистый звонок возвестил об окончании рабочего дня, и народ потянулся в сторону клуба.

Элочка забежала домой переодеться. В шкафу вперемешку с детской одеждой висела новая юбка и блузка тигровой расцветки. Отражение в зеркале ей не понравилось.

— Что-то раздуло меня с момента покупки новогоднего наряда. Куда делась моя талия? — подумала Элочка и застегнула ремень, который принадлежал сыну. Вид в зеркале не выдерживал никакой критики. Решив взять из гардероба что-нибудь другое, женщина нажала застежку. Ремень не отозвался.

— Заклинило его что ли? А если попробовать двинуть его немного вперед, затем назад, может, пойдет?

Вперед ремень проскочил, но назад не пошёл. Живот разделился на две части и стал похож на «Любительскую» колбасу. Казалось, что сейчас позвоночник хрустнет и переломится пополам.

Время поджимало, а талия находилась в тисках.

Зазвонил телефон:

— Мам, ты где? — прозвучал неокрепший баритон сына.

— Сынок, я сейчас умру, если ты меня не освободишь! — закричала из последних сил потерпевшая.

— Что случилось? Что с тобой? — сын явно был обеспокоен.

— Я попала в капкан. Если не освободишь меня сейчас же, я задохнусь! Я даже присесть не могу, сейчас позвоночник сломается! Твой ремень не хочет расстегиваться!

— А зачем его надевала?

— Сынок! Мне не до шуток! Спасай меня!

— Хорошо, жди. Я скоро приеду.

В ожидании Элочка перепробовала все методы открывания застежки, но талия затягивалась все туже. Когда Элочка была готова расстаться с жизнью молодой, на пороге появился сын.

Взглянув на мать, он расхохотался и, сдвинув в сторону металлическую запяточку на ремне, легко освободил пленницу.

...В центре зала возвышалась искусственная елка, на которой тускло, светились гирлянды. Было чистенько и бедненько, как в Эрмитаже. На сцене стояли два бенгальских тигра. Они зевали от скуки и мечтали скорее занять место на троне наступающего года.

Столы проворно накрыли готовыми салатами и без сил шлепнулись на стулья, наскоро попрощавшись со старым годом.

— Слово возбуждает дух, от слова умиляется сердце и яснее ум. Давайте выпьем за слово. Ведь вначале всегда стоит слово, а затем уже — дело! — произнес Лев Евгеньевич и поправил очки.

— За то, чтобы в наших рядах никогда не было потерь, — поддержала его Элочка. Зазвенели «Рождественские колокольчики» и на сцене из-за елки появился Дед Мороз.

— Эй, прохожий, погоди! Отгадай сперва загадку, а уж после проходи!

Тигр покосился на него, и вяло зевнул. Дед Мороз почесал шапку и ответил:

— Что не знаешь? Ну, тогда давай следующую! — и загадал новую загадку. — Какое единственное творение Шота Руставели, прославило его на века: «Мимино», «Витязь в тигровой шкуре» или «Мцыри»?

Народ начал строить догадки и вроде бы никто не заметил его предыдущей оплошности.

— Витязь в Тигровой шкуре! — крикнула Элочка и получила приз.

Вечеринка началась. Все были свои, можно сказать братья и сестры. В Новый год веселились и как дети ждали чуда, которое приходит с Дедом Морозом. За действиями артистов и зрителей наблюдал Тигр. Когда начались танцы, у кого-то появился фотоаппарат.

— Договаривались же никого не фотографировать! — взревела толпа. — Мы сейчас этого папарацци на улицу выгоним!

Утомившись, все же стали позировать. Тигр озорно подмигнул, приглашая сфотографировать и его тоже.

— Я же Тигра Львовна! — спохватилась Эллочка. — Мне просто необходима новая фотография! — шептала она, продираясь сквозь толпу. Тигр терпеливо наблюдал за ней, медленно выпуская и пряча когти. Из разинутости пасти торчали кинжалоподобные клыки.

На мгновение женщина почувствовала себя великим укротителем и мужественно приблизилась к Тигру. Затолкать руку в пасть к животному — примитивно. Голову просунуть в пасть — пошло. На обозрение явится далеко не лучшая в мире талия. Обойдя Тигра с тыла, она глубоко вздохнула и высунула голову ИЗ ПАСТИ ТИГРА! Фотограф нажал кнопку. На снимке появилась Эллочка, которая потеряв равновесие, уже плашмя лежала на полу в обнимку с Тигром! Тигр лежал и усмехался.

— Леди в тигровой шкуре! — в воспаленной голове прозвучало глухое рычание, и тигриное дыхание пощекотало ухо.

Эллочка открыла глаза. Солнце пробивалось сквозь шторы. Рядом храпел муж. На календаре сияло 25 декабря.

— Сегодня корпоративная вечеринка, — подумалось Эллочке. — Хорошо, что накануне Нового года... Успеем по праздничному столу соскучиться...

Неконкретный Анатолий

С детских лет Толик возился с техникой. Сначала это был велосипед со звездочками, и педалями, потом появился подержанный мопед, который чихал, выпуская синее облачко дыма, жутко вонял и требовал к себе постоянного внимания.

Толик научился разбирать и собирать его, как автомат Калашникова. Мыл и натирал до блеска, чтобы по вечерам гонять наперегонки с ребятами.

Повзрослев, Анатолий поступил учиться на тракториста. Эта незавидная специальность востребована в сельской местности, где он проживал со своими родителями и сестрой Катькой.

По вечерам возле их дома собиралась детвора. Проходя мимо них, он непременно ухитрялся измазать лица девчонкам. Они пищали и шарахались от него, как черт от ладана, но вечером опять собирались на скамейке.

На смену осени пришла зима, за ней весна и лето. Анатолий окончил учебу. Трактористы рассказывали ему, как успешнее справиться с работой. Анатолий молча кивал, поглядывая на седую прядь в волосах у одного паренька, которому было не более двадцати лет от роду.

Анатолию же в сентябре исполнялось восемнадцать.

— Осьмнадцать... — многозначительно протянул Остап Захарович и достал из мятой пачки сигарету. — Жениться уже можно. Невеста у тебя есть?

— Что вы, дядя Остап! Мне еще в армии отслужить надо. Пусть невесты пока подрастут!

— Как бы там ни было, а эту дату надо отметить, — произнес Остап Захарович и многозначительно поднял вверх указательный палец, на котором не хватало одной фаланги.

С того дня Анатолий начал копить деньжата на своё совершеннолетие. Полным ходом шла уборочная страда. Фырчали грузовики, освещая проселочную дорогу, бегущую в поля до самой линии горизонта. Солнце не скупилось и выжимало из себя последние лучи и дарило тепло, не отданное людям в течение недолгого, пасмурного лета.

Из города приехали студенты на уборку картофеля, и жизнь деревни была нарушена непривычной городской речью.

Светка понравилась Толику с первого взгляда. Она, как солнца луч, освещала вокруг себя все пространство от неба до земли. После танцев на воздухе, Анатолий шел провожать девушку, но заводить разговоры о чувствах стеснялся.

— Все бочком да молчком, — жаловалась подружкам Светка. — Не обнимет, не поцелует никогда. И чего он такой... неконкретный...

В деревне был подписан сухой закон на время уборочной. Однако правила пишут для того, чтобы были исключения. День рождения решено было отмечать на природе, вдали от родительского глаза. Накануне Анатолий тайно собрался в город за вином. Домашних посвящать в свои дела не стал, только Светку взял с собой в качестве экскурсовода.

Купив восемнадцать бутылок «Портвейна» и, уложив их в рюкзак, Толик и Светка возвращались в деревню.

Автобус весело подпрыгивал на кочках, в Светкиных ушах раскачивались сережки с синими камушками, она наклонялась и шептала Анатолию смешные слова. У него по спине бежали мурашки от легкого прикосновения Светкиных губ. В тот момент ему больше всего на свете хотелось стиснуть её в своих объятиях, чтобы косточки захрустели, и утонуть навсегда в её глазах, глубоких и колдовских, как черный омут!

Показались знакомые крыши деревенских домиков, автобус остановился, и они остались одни на развилке. Дальше шла грунтовая дорога с двух сторон обнесенная рядами придорожных столбов. От жары провода провисли, как бельевые веревки.

... Пришли они в деревню налегке с загадочными улыбками на юных лицах.

— Вечером пойдем в поле отмечать мой день рождения! — отрапортовал Анатолий. — Ерёмушка, возьми гитару! Я хочу, чтобы в этот вечер было много музыки!

— А я принесу транзистор и скатерть!

— Вечером будет холодно, оденьтесь теплее...

Бархатное небо перечеркивали падающие звезды. К Млечному пути тянулись языки костра. На полях темнели стога, от которых шел сладкий травяной дух. Пока девчонки накрывали стол, ребята пошли за вином, которое Толик и Светка предусмотрительно закопали на картофельном поле.

— Ну, где твой столб? — спросил Ерёмушка. — Вон сколько их вдоль дороги понатыкано!

— Сам ты — столб! — огрызнулся Анатолий. — Ночью все кошки серы, а столбы и днем одинаковые. Десять шагов на север помню, а столб был недалеко от того места, где мы из автобуса вышли. Только где вышли, не помню.

Поковыряли землю в нескольких местах — и вернулись ни с чем.

— Какой ты неконкретный, Анатолий! — проворчала Светка. — Говорила я тебе, что надо хоть метку оставить, так ты сказал, что на память ещё не жалуешься. Вот и результат! Настроение угасло, как вечерняя заря. Побренчав на гитаре, молодежь потихоньку побрела восвояси. Имениннику в эту ночь снилось, как Остап Захарович нечаянно наткнется на винный склад, и всё содержимое гибнет под колесами мацепуры. Теплые дни закончились, задули холодные ветра. Студенты, возвращаясь домой на грузовике, кутались в болоньевые курточки.

Вдруг шум дождя перекрыл звонкий вопль:

— Вот они! Лежат пузичками кверху! — орала, не слыша своего голоса, Светка и указывала пальцем в сторону поля.

В десяти шагах от одного из столбов, улегшись в шеренгу, лежали восемнадцать бутылок вина, обветренные и умытые дождем...

Родная

— Вот я, простая русская баба, стою перед вами, — сколько раз я репетировала эту сцену перед зеркалом. Теперь слова подпирали горло. Язык не ворочался, во рту пересохло. Несколько минут назад мы с тётушкой мчались в такси, опаздывая в музей.

Она приехала вечерней электричкой и с утра начала собираться на презентацию моей первой книги.

— Ты мне волосы завей, чтобы тут было пышно, а тут прикрыто, — командовала она. — Брови мне накрась, пятна на лице замажь. Там ведь телевидение будет? А президиум?

— Все будет.

- Я тебе шарфик в подарок привезла, примерь.
- Мой любимый цвет, малиновый, — накидываю его на плечи.
- Нет! — возражает она, стягивая шарфик, — в нашей деревне вот так носят.
- Да я уж как-нибудь и сама бы разобралась... У каждого свой вкус.

Нина Алексеевна была необычайно оживленная. В какой-то момент показалось, что её должны выбрать председателем президиума, как в советские времена, когда она была при должности.

Те годы прошли, только привычки остались прежние.

И вот я перед залом. Произнесла множество благодарностей официальным лицам прежде, чем начала различать их. В первые минуты не видела ничего, но вот прояснилось. Сидят, улыбаются мои любимые ветераны, с кем встречаюсь ежедневно на улицах провинциального города, в котором я родилась и выросла. Какие дорогие и милые сердцу простые русские лица без чопорности и высокомерия!

Старушки пришли рано, чтобы занять сидячие места. Надели нарядные кофточки и бусы. Некоторые пришли с цветами. Розы зимой! Как мило! Нет ничего приятней, когда не только ты делаешь людям подарки, но и они не забывают о тебе.

За окнами зима. Нам тепло среди ёлочных игрушек и мишуры. Пахнет мандаринами. Люди улыбаются. Некоторые уже шуршат страницами новеньких книг. Слово берет Наталья Бакумович:

— Первая книга, как первый ребенок. Поздравляем тебя с рождением первенца и желаем стать многодетной матерью!

Потом поднимается Елена Дуденкова, приехавшая из Троицкого литобъединения «Степь». — У Елены выпущено четыре авторских книги, она умница и прекрасно пишет!

— Встав однажды на литературную стезю, вы конечно, никогда не обогатитесь материально, постоянно нужна помощь спонсоров...- доносятся её слова. — В этом году вышли в свет 9 книг Троицких авторов. Но вашему объединению только один год, а нам уже 83 исполнилось. Желаю всегда быть успешными!

Увидев, что выступления завершаются, к микрофону вышла моя тетушка. Ей очень хотелось запомниться карталинцам, поэтому она заговорила стихами:

— Она не называла меня мамой,
Не называет и теперь.
Но я горда сама собою,
Что стала матерью я ей,
Когда она была ребенком малым...
Воспитывать её пришлось мне...

В зале повисла непонимающая тишина. Потом я услышала шепот Марии Мусихиной:

— Назови её прямо сейчас!

Но я промолчала. Я всегда так делаю, когда не готова к остроумному ответу. Сейчас, однако, было не до шуток. Фальшь ударила мне в лицо! Домой возвращались молча. По пути тетушка перестроилась и пошла в гости к приятельнице варитьпельмени.

Почему в такой радостный день тетя Нина не назвала меня по имени и говорила как-то отстраненно, упоминая обо мне в третьем лице. Непорядок! О чем это я?

У меня давно уже нет вопросов. С той ночи, когда я навсегда попрощалась с бабушкой Ксеньей, я стала никому не нужна. Не понадобились мои пятерки в дневнике и неоконченная музыкальная школа. Хотя...

— Мариночка, — сказала мне незнакомая женщина, — одна бездетная семья хочет тебя удочерить, при этом прописаться на твою жилплощадь. — Будь осторожна!

Приходили разные люди, готовые взять под опеку тоненькую девочку, одиноко голосающую у гроба.

Я винила себя, что бабушка надорвалась, таская тяжелые узлы во время ремонта, что я мало ей помогала. Чудилось, что она живая и дышит. Я вглядывалась в изменившиеся черты, стараясь запомнить их навсегда.

Бабушке было 80 лет. Она прожила хорошую, хотя и тяжелую жизнь. И никто не был виноват, что Господь призвал её к себе.

...Мой отец ухаживал за ней до последнего дня. А однажды вечером вдруг торопливо произнес:

— Умрет бабка!

Никогда я не могла допустить такой мысли! Всё во мне содрогнулось от чудовищной несправедливости!

— Да ты сам... умрёшь! — всхлипнула я. — И не называй её бабкой! Моя бабушка никогда не умрет!

Я была комсомолкой, Бог меня не услышал. И в заявление я попросила отдать меня под опеку маминой сестры.

— Только тебе я могу доверить свою дочь, — сказал мой отец тетушке. Он пьянствовал и боялся взять ответственность за моё будущее.

Я побежала укладывать вещи. Их оказалось немного: два платья да разные книги. Провожать меня пришли одноклассники, подарили на память складное зеркальце.

— Ты нам пиши, не забывай, приезжай в гости, — сказала классная руководительница и поцеловала меня.

Одноклассники, смущаясь, обняли на прощание и пообещали писать. В первую ночь я уснула, как подстреленная.

— Ты пела во сне, — сказала Наталья утром и позвала нас завтракать.

— Не пела, а плакала, даже проснулась от этого, — ответила я.

Наташа встала рано и приготовила бутерброды с селедкой. Она была старшая, и отвечала за нас, младших. Тётя Нина гордилась, что её дети самостоятельные.

Был канун 8 марта. Мы купили тарелку Каслинского литья, а дома нарисовали и подписали открытки каждый от себя. Я всегда звала тетушку на «Вы» и помнила, что она старшая сестра моей мамы, поэтому написала в открытке «тетя Нина».

Новость, что у соседей поселилась племянница, облетела дом очень быстро. Соседки придирчиво наблюдали за мной, что ношу, как причесана. Наталья старательно постригала и завивала меня, дарила свои платья.

— А сколько ты платишь своей тетке за проживание? — спросили однажды бабульки у подъезда. Я расплакалась:

— Ничего я ей не плачу, живу бесплатно, — и убежала домой.

По окончании восьмого класса, чтобы не быть обузой, я поспешила поступить в строительный техникум, как Наташа.

— Мы тебя не можем отпустить из школы, тебе надо дальше продолжить учебу, — уговаривали меня учителя. — Мы позвоним твоей тёте на работу.

Я выла в голос. Из школы меня не отпускали, и я боялась, что тётю начнут стыдить и требовать, чтобы я училась дальше.

— Аппетит-то у тебя хоро-о-ший! — говаривал её муж Никандр Павлович, за ужином. Засыпая на стареньком диване, я возвращалась в мир детства. Там было тепло и солнечно, и бабушка вязала шерстяные носки.

По вечерам я училась танцевать во Дворце культуры. Младшая Леночка мне тайно завидовала.

— Не пойдешь сегодня никуда! Я тебе запрещаю танцевать! — кривилась она и прятала мою обувь за спину.

— С чего это ради? — улыбалась я, пытаюсь остудить её пыл.

— Не пойдёшь! Я так сказала! — Вопила она и швыряла в меня босоножки, на покупку которых я сэкономила на обедах.

Я любила и жалела обувь, поэтому налетала на неё ураганом и хватала за волосы. Беззвучно мы тузили друг друга, она уступала и я, размазывая остатки ленинградской туши, бежала во Дворец.

Леночка пользовалась всем, что могла отнять у меня. Её следовало бы отшлепать, как следует, но вместо этого её алчность и эгоизм поощрялся и культивировался.

Привыкнув к отсутствию любви и ласки, я пыталась смириться, но обида до сих пор горит в самом дальнем уголке сердца, и от каждого ничтожного воспоминания вспыхивает, оставляя ожоги и язвы, которые даже время не исцеляет.

Когда мутэр-хэн задерживалась на работе, дядя Кана ставил на подоконник вино, готовил ужин и прихлебывал из бутылки. Жестикулируя, как Луи де Фюнес, он шамкал беззубым ртом, разбрызгивая слюни:

— Я не хотел, чтобы она тебя привозила. Командовать парадом будет Ленка! А ты увильдыкай в свои Карталы!

Я крепилась, но все равно плакала. Тётушка знала, что он меня изводит, но молчала, не обостряя обстановки.

К ней он тоже имел претензии:

— Ты политическая проститутка! П... тебя родила! А ты говоришь, мама! — кричал он,

— А тебя х... родил что ли? — огрызалась она.

Мне было смешно слушать их перебранки, но смеяться боялась.

В отделе кадров техникума мне сунули в руки диплом с отличием, я накрыла прощальный стол и вскоре уехала в Карталы охранять могилы предков.

...Тетушка приехала вечерней электричкой и с утра начала собираться на презентацию моей первой книги.

— Ты мне волосы завей, чтобы тут было пышно, а тут прикрыто, — командовала она. — Брови мне накрась, пятна на лице замажь. Там ведь телевидение будет? А президиум?

— Все будет. И телевидение тоже.

...В зале полно народу, все улыбаются, стараюсь прикоснуться и пожать руку.

— Ты сегодня прекрасно выглядишь, — говорят мне.

Друг за другом выходят мои земляки и произносят слова поздравлений.

Подходит черед моей тетушки, у которой в семье я прожила почти пять лет. Она взволнованно говорит:

— Марина, деточка моя! Разрешите попросить у тебя прощения за то, что не смогла защитить тебя от незаслуженных обид. За то, что не смогла уделить тебе свое внимание. В то время у меня было много проблем и забот. Прости, что не успела рассмотреть в тебе золотую искорку любви к людям. Я всегда считала тебя своей дочерью, а теперь прошу тебя считать меня своей второй мамой. Ведь родную маму никто тебе не сможет заменить никогда. Подойди ко мне, я хочу тебя обнять и поздравить с литературным дебютом. Книга досталась тебе непросто. Твой жизненный опыт был лучшим соавтором.

Мы обнялись и сфотографировались на память с земляками одной большой, дружной и все понимающей семьей.

г. Карталы

Прости, дорогая

Торчал словно гвоздь,
шляпкой вниз перегнутый,
В шуршащей толпе ощущал пустоту.
Увидев тебя, обомлел на минуту,
Кружащий снежок оттенял красоту!

Такую ласкал на коленях бы вечно,
Пусть снег за окном иль бушует гроза,
Ты сделала шаг, как судьба, мне навстречу.
Я ж мимо прошел и потупил глаза.

Снег тающий влагой глаза мне туманит,
Нет-нет, я не верю в мечту наяву!
Прости, дорогая — мой дом уже занят:
Трехцветную кошку Маркизой зову.

В душе идеал свой любовно лелеешь,
Его, обретя, почему-то жалеешь!

В первом приближении

Пусть зло навеки сгинет во мне и ум, и стать:
Родился от Богини — мог Аполлоном стать!
Стремленью к знаниям лично вознес на пьедестал,
Учился на отлично, но Гением не стал!

Ты в вуз входила в мини — взгляд искорки метал.
Женился на Богине, но Богом все ж не стал.
В быту не видя проку, на жизнь я не роптал.
Лишь тем стал ближе к Богу — для дочки Папой стал!

Спешу домой скорее и радуюсь с порога:
В глазах своих детей я вижу искры Бога!
Мать била мокрой тряпкой, жена ругала: «Чурка!»
С заглавной буквы Папой зовет меня дочурка!

Найди свой путь в крошечной темноте,
Не доверяй житейской суете!

Земляничное настроение

Что наша жизнь теперь? Сплошная медицина!
И над собой уже не властен человек.
Зимой бывает недостаток витамина
Мы восполняем чаще с помощью аптек.

Менять привычки с возрастом пора настала,
Но созревает медленно сознання фрукт.

Полезней всяческих искусственных кристаллов
Природой созданный естественный продукт!

Корзинки ягод спелых лето щедро дарит,
Денек июльский, он ценнее зимних двух,
Блаженствует душа — жена варенье варит,
Плывет из окон наших земляничный дух!

И жизнь слилась в одно прекрасное мгновенье,
Когда взамен лекарств я перешел к варенью!

Заполнить интервал

На остановке выхватил их взглядом,
В автобусном движенье интервал:
Две женщины стояли тесно, рядом.
Начало сказки и её финал!

Смотрелась композиция прекрасно,
Как в темном царстве солнца яркий блик.
Смотрела Старая светло и ясно,
Как бы иконы рукотворный лик.

Взгляд Молодой горел небесным светом,
Одновременно нежен и пуглив,
Так всходы ждут дождя в начале лета,
Когда в садах не начался полив!

Глас сверху: «Нет предела совершенства!»
Так помоги ей обрести младенца!

Крест

Признаться стыдно, я в душе негативист:
Не одобрял «сумняще суетивших» зуд!
Когда мне все вокруг внушали атеизм,
Я верил в то, что существует Высший Суд!

Казалось, лучше было бы как раньше, встарь,
Прости Господь корявый стихотворцу слог!
Когда, лукавя, люди лезут под алтарь,
Я начинаю сомневаться: «Есть ли Бог?»

Хамелеон в расцветке проявляет прыть,
А то его страшили кто-нибудь да съест,
В России модным стало верующим слыть,
Чем больше грех, тем тяжелей нательный крест!

Всевышний вмиг притворство разгадает в нас,
И каждому свое лишь по делам воздаст!

Двойник

— У каждого есть на земле свой двойник, —
Поведал мне притчу знакомый лесник, —
Гляди там, в карьере струится родник,
А рядом росточек березы приник!

И свет им в отдельности был бы не мил,
Жар солнца их порознь бы мигом спалил!
Родник безвозмездно росток напоил,
А тот его кроной от зноя укрыл.

Закон всех веков — доброта не порок,
Взрослеющим детям не новый урок.
Где щебень горяч, как в золе уголек,
В карьере зеленый расцвел уголок!

Вот так муж с женою должны бы прожить:
Друг другу умело без спешки служить!

Родник

Выпал снег, но родник попытался
Звонкой трелью лесок оживить,
И теряя тепло, превращался
В лёд, не в силах сей мир изменить.

Замедляя стремительный бег,
Бриллиантом блеснула богато
Капля, заживо вмерзшая в снег,
Что вот также стремилась куда-то!

Ночь. Родник, соблюдая законы,
В своем сердце и в стужу хранит
Лик луны — лик небесной мадонны,
Что влюбленных так летом манит!

Избегая мышиною возни,
Ты в душе свет звезды сохрани!

Звезды падают вверх

В «энтот» деле и доктор не в силах помочь,
У Атлантов бы ноги согнулись в коленях.
Я лежу на траве, приближается ночь,
Что несет торжество звездопадных явлений.

Зев раскрыла холодная, черная высь,
В бездне есть тайный смысл! Мне понять его надо!
И в смятенном мозгу зарождается мысль:
Что Он видит с другой стороны звездопада?

Желтый месяц, как будто карающий серп,
Верный взгляд — он всегда половина удачи!
Звезды падают вверх! Исключительно вверх!
И не верьте тому, кто твердит Вам иначе!

Взгляды чуждые чаще всего неверны:
Ты на факты взгляни, но с другой стороны!

Дионис

Этот мир не понятен для многих,
В нём господствует хаос стихии.
И не мы выбираем дороги,
Нас они выбирают лихие!

Трепещу перед Магией мира,
И хочу раствориться я в ней.
Раб в галере, прикованный к лире...
Бог решил за меня — так нужней!

За спиною исчезло полвека,
Свою жизнь не считаю убогой:
Плача был я всегда Человеком,
Улыбнулся... и стал почти Богом!

От других неудачи ты спрячь,
Улыбайся и смейся сквозь плач!

Буйки

Сегодня вновь заплыл я за буйки,
Хоть знаю — в этом тщетная отвага!
Когда душа полна слепой тоски
Не удержать нас от шального шага.

Как часто рисковал я головой,
Чтоб доказать тебе, какой я храбрый,
И верил сказкам: о воде живой;
Об ихтиандрах, что имеют жабры!

Нет! Кто посмел расставить здесь буйки?
Он знал меня, и сам умел мечтать:
Чисты озера там, где глубоки,
Мой путь туда, куда не заплывать!

Лишь только страх нас делает всё хуже:
Внуши себе, что страх тебе не нужен!

Угар от смеха

Ну, наконец, аврал в конце недели стих,
Как заново родился в это воскресенье.
В приезжий шапито привел детей своих,
Веселый ковровой царил здесь на арене.

Когда бы знал итог, детей бы не привел,
Пусть черти дважды разорвут меня на части!
Пока из-за кулис чернящий дым не шел,
Ничто не предвещало нам ненастья.

Бывает время — врач, кому-то и палач!
Инфекцию толпы попробуйте измерить.
«Пожар! Пожар!», — туша парик орал циркач,
А мы смеялись: «Бис!»... за полчаса до смерти.

Намного меньше жертв унес огонь коварный,
Когда бы про пожар нам сообщил пожарный!

Подражая Шекспиру

Охотник:

«Игрушка! Не глухарь!», — сказал бы сотник.
Как терпко пахнет у ручья шалфей.
Пусть говорят, что я плохой охотник,
К ногам любимой брошу я трофей!

Глухарь:

Охотник! Он в кустах все ближе, ближе,
С огромной сумкой, словно кенгуру.
Он думает, что я его не вижу.
Коль нет любимой, лучше я умру!

Наблюдатель:

Весь мир — бардак! Нет правых! Что творится!
В миру я идеала не найду,
И замер я, подобно гордой птице:
Хоть чую смерть, но с места не сойду.

Автор:

Не р-равный б-бой, он мне не по н-нутру:
Подвесить б бомбы к крыльям глухарю!

г. Миасс

О крешенской азбуке и не только...

Настали времена, когда о нагайбаках появляется все больше и больше публикаций, в том числе и книг (монографические исследования т. д.). С одной стороны это не может не радовать, есть что почитать, узнать о себе, о своих корнях, о своем происхождении, о своей культуре, языке. С другой стороны, появляется такое обилие информации, ничем не подтвержденной, не исследованной, что порой, элементарное предположение, или умозаключение автора, выдается за абсолютную истину. Впрочем, в истории это не ново. Назвать свою мысль гипотезой порой мало, ведь гипотезу, если она имеет место быть, нужно доказывать. Но некоторым исследователям, похоже, не достаёт желания и времени этим заниматься, неудивительно, что мы об истории происхождения нашей народности имеем такое огромное количество мнений. Может быть, это и неплохо. Есть возможность оттолкнуться от чьего-либо мнения, предположения и задуматься самому над поисками истины. И все же самыми верными источниками являются исторические документы и факты, но даже и они многократно повторенные в более поздних документах требуют проверки и осмысления. К сожалению, при изучении нашей истории в известных на сегодняшний день монографиях, исследовательских трудах мы встречаем в основном лишь имена татарских ученых-историков, лингвистов. Надо их за это поблагодарить, что они высказали свою заинтересованность к истории нашей народности. Нагайбаков среди них практически нет. Можем назвать лишь Максима Глухова-Ногайбека. Мы будем рады, если вы назовете кого-то еще. Почему это происходит, в чем причина?

В первую очередь мы можем назвать причину общественно-политическую. До определенного времени наши предки записывались нагайбаками в метриках о рождении. Но в какой-то момент политика правительства резко изменила свое отношение к существованию малочисленных народностей. В 1926 год специальным постановлением И. В. Сталина, более менее многочисленные народности укрупнили за счет малочисленных. В результате вместо 191 народности стало 130. Народ нагайбаков (крешен) теоретически перестал существовать. В течение немалого времени из нагайбаков и многих других народностей выбивали дух самосознания, причастности к своему, пусть маленькому, но все-таки своему месту в истории. Такую же проблему испытывают сейчас и карагаши-ногайцы, в научной литературе они известны как кундровские татары. На самом же деле карагаши считают, что это название дано им ошибочно. Всех стали записывать татарами. Потому и неудивительно, что среди нагайбаков (крешен) есть такие, которым абсолютно все равно, какой они народности принадлежат, а некоторые и вовсе отказываются от причастности к народу нагайбаков. Не подумайте, что данной статьей мы пытаемся кого-то осудить, каждый имеет право думать и решать, какой народности, нации принадлежать. Мы же обращаемся к тем, кому не безразлична судьба нашего народа. Почему бы не предположить худшее, что может быть, в будущем, через два-три поколения нагайбаков наша народность перестанет существовать. Впрочем, в истории этот факт обычен. Огромное количество народностей в истории России канули в лету в силу разных причин. Может случиться, со временем, что не останется нагайбаков, говорящих на своем родном языке. Следует отметить, что современный крешенский говор сильно отличается от прежнего. Он сильно упростился, исчезла поэтика языка, самобытность. Единственной отдушиной в этом плане остаются — нагайбакские песни, стихи, письма. Только они сегодня могут передать все богатство крешенского языка. Надо отдать должное тем людям, кто занимается нагайбакским фольклором. В связи с этим нам необходимо составить словарь крешенских слов, а словарь не может существовать без крешенского алфавита, а потому одна из первостепенных задач — восстановить крешенский алфавит, учитывая изменения в современном написании букв.

Крешенский алфавит. Мало, кто из нынешних крешен-нагайбаков знают о том, что наши предки имели свой алфавит, азбуку. В церковно-приходских школах обучали детей-казаков по азбуке Н. И. Ильминского (1822—1891).

Очевидно, первую азбуку Н. И. Ильминский, ученый-востоковед, лингвист, прекрасно владевший многими восточными языками, составил примерно в 1860—1870 гг. В 1867 году в Казани было открыто «Братство св. Гурия». На основе этого алфавита впоследствии были переведены на крешенский язык многие духовные книги: Евангелия, Псалтыри, Жития святых, молитвословы и т. д. Неудивительно, что это были в основном книги духовного содержания. До сих пор во многих семьях бережно хранят духовную литературу, и многие православные крешенки читают молитвы, напечатанные на крешенском языке.

Были и книги светского содержания. Например, сборник стихов поэта-крешена Я. Е. Емельянова (1848—1893), «Даржа эби кэнегесе» — издание 1920 года на крешенском языке.

Татарская же азбука впервые появилась в 1778 году, но с применением арабской графики (авторазбуки С. Хальфин (1732—1785)). Вплоть до 1927 года татары пользовались арабским шрифтом, далее же стали печатать и писать, используя латинскую графику, и только лишь в 1939 году татарская письменность была переведена на русскую графику, в которую были введены шесть дополнительных букв для обозначения специфических звуков татарского языка. К сожалению, многие нынешние крешены, пытаются внедрить в крешенский алфавит татарскую графику. И это неудивительно, ведь начиная с того самого злополучного 1926 года, в наших школах появились татарские классы, детей нагайбаков-казаков стали обучать грамоте по татарскому алфавиту. В доказательство тому, что наши казаки-нагайбаки обучались по букварю Н. И. Ильминского, то есть по крешенскому алфавиту, есть масса документов. Взять хотя бы письма фронтовиков.

Здесь к месту будет упомянуть книгу-монографию Ф. С. Баязитовой «Говоры татар-кряшен в сравнительном освящении», 1986 г. Она смешивает два понятия «татары» и «крешены» и, к сожалению, эта ошибка многократно повторялась во многих предыдущих исторических документах, в том числе и в работе всеми нами уважаемой Е. А. Бектеевой, и в недавно вышедшей монографии И. Р. Атнагулова «Нагайбаки». Одна из причин в попытке объединить эти две народности — один и тот же язык. Никто не спорит, что языки почти идентичны. Но на этом языке разговаривают около десятка народностей, а может быть и больше. Автор изучала говор кряшен, проживающих во многих областях России. И вполне возможно, что есть такие крешены, которые называют себя татарами. Причина одна — крешены в свое время переселялись не только на необжитые места, но и в деревни, где проживали татары, башкиры, чувашаи и т. д. Многие крешены (этот факт всем известен) ассимилировались с местным населением, а заодно приняли и другую веру, так проще было выживать на новых местах. Чего не скажешь о нагайбакских крешенах. Вернемся к Н. И. Ильминскому, знатоку восточных языков, кому как не ему жившему тогда в XIX веке в Казани не знать, как похожи языки крешен и татар, но он называет азбуку крешенской, а не татарской. В крешенской азбуке учтены все особенности произношения. Так, например, у нагайбаков-крешен нет в алфавите букв «В», «Ц», «Ф», «Ъ». В Париже и Фершампенуазе до сих пор сохранились кушаматы (нагайбакские прозвища) «Булгарыйлар». А история происхождения этого прозвища может быть очень даже прозрачна, если вспомнить о том, как бы наши бабушки-нагайбачки (не знающие русского языка) произнесли бы слово «Волга». Букву «В» они не знают и не выговаривают, они бы сказали «Болга», причем с ударением на последнем слоге. Все крешенские слова имеют ударение на последнем слоге. А теперь произнесите слово Волга на крешенском с ударением на последней букве «А». При этом необходимо учесть, что первый гласный звук «О» будет звучать не как чистая «О», он будет близок к звуку «У» — «Булга», так будет звучать слово «Волга» на крешенском языке. Волга — Булга, волгари — булгарыйлар, т. е. жившие по берегам реки Волги. Эти рассуждения лишний раз доказывают, что Волжская Булгария — это наша прародина. Всем известно, что крешенов-нагайбаков два раза переселяли. Прозвище «Булгарыйлар»

как раз и говорит о том, откуда и были переселены крещены-нагайбаки. В связи с этим, вспомним отрывок из книги историка Андрея Лызлова «Скифийская история» 1692 года.

Официальная история не признала труды А. Лызлова. Речь идет об авторе труда под названием «Скифийская история», несправедливо забытом русском историке Андрее Ивановиче Лызлове. Родился он предположительно около 1655 г., в семье служилых дворян. Его отец, думный дворянин и патриарший боярин, позаботился, чтобы сын получил хорошее образование. Лызлов знал польский и латинский языки, был начитан в русской истории, сведущ в архитектуре, общался со знаменитым фаворитом царевны Софьи В. В. Голицыным, одним из образованнейших людей России того периода. Участвовал в войнах с турками и крымцами, был в Пензенском крае товарищем (заместителем) воеводы. В 1692 г. закончил главный труд своей жизни, «Скифийскую историю». После марта 1697 г. его имя больше не упоминается в документах, так что на этот год, вероятно, и приходится его кончина. «Скифийская история» в печатном виде появлялась всего трижды — в 1776 г. в Санкт-Петербурге вышло первое издание, в 1787 г. в Москве — второе. Третье появилось лишь в 1990 г. убогим тиражом в пять тысяч экземпляров.

«...О начале же сих народов повествуется. Страна, именуемая Болгары, обретающаяся по левой стране реки Волги вниз идуци, аще иностраннии и по обе страны Волги полагают ю, обаче есть на единой стране. Та же есть ниже града Казани, продолжающихся до большой Нагайской орды, я же иностранными Заволская называлася, между реками Великия Волги, и Белья Волошки, и Яиком».

Обратимся далее снова к историку А. Лызлову:

«...Название свое восприяла от народа, живущаго тамо еще прежде крещения Российския земли, названнаго от реки Волги волгоры или болгары, которыя имели начало свое от преславнаго и многонароднаго народа славенскаго...»

«...Живущи же тамо многа лета и слушашие о некоторых соплемянных своих народех словенских, яко вандалах, цымбрах, готфах, имя свое прославляющих, и в делах воинских цветущих, и победы восприемлющих, елики содеяша они с Римскою монархией, и с цари греческими, и с прочими прилеглыми соседи, о их же славных воинских делех многия историки пишут, ревнующи тому и болгары воздвигшеся мнози от стран своих и жилищ, ищущи мест прохладнейших и славу обрести хотяще, приидоша первое над Черное море и над Меотское и прежиша тамо немало время в покое».

И здесь же А. Лызлов дает разъяснение, кто такие готсыры и цимбры:

«...Половцы же и печенези бяше народ военный и мужественный, изшедший от народа готфов и цымбров, от Цыммериа Босфора».

Половцы, печенеги — наши древние предки, в том числе и болгары, все они называли себя волгарями, так как жили и обитали в одних и тех же местах, по берегам реки Волги и в бассейне нынешней реки Камы, там же обитали и татары. Ваше право не доверять историческому труду А. Лызлова. Есть возможность представить вам другой. Есть документ — фрагмент из издания: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 37—51, 155—159. Перевод Г. Г. Литаврина. «...О пачинакитах (печенегах) и росах. Знай, что пачинакиты стали соседними и сопредельными также росам, и, частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Россию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб. Знай, и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами. Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в России не водилось. Но и против удаленных от их пределов врагов росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, так как пачинакиты имеют возможность — в то время, когда росы удалятся от своих семей, — напав, все у них уничтожить и разорить. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так, чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться».

...О народе пачинакитов. Да будет известно, что пачинакиты имели место своего обитания на реке Аттил (Волга — тюркское название Итиль), а также реке Геих (Яик, река

Урал)...». Эти оба документа относят нас к далекому XI веку. Это наша версия объяснить историю происхождения нагайбакского прозвища «Булгарый». Если эта версия верна, то прозвище уникальное, древнее. Ваше право, читатель, иметь собственную версию. Если она у вас есть, мы очень хотели бы ее услышать.

В России используется более 200 языков, поэтому языковая политика в нашем государстве представляется важной проблемой межнациональных отношений. Принятый 2 октября 1991 года Верховным Советом РФ Закон «О языках народов РСФСР» ликвидировал пробел в правовом регулировании языковых отношений и регламентировал все основные вопросы в использовании языков на территории нашей страны. Государство по данному Закону берет на себя заботу о языке всех народов России, создает условия для сохранения и развития языков не зависимо от того имеют ли они свои национально-территориальные образования, живут ли они в пределах или за пределами нашего государства. В «Законе об образовании» также указывается на то, что государство оказывает содействие в подготовке специалистов для осуществления образовательного процесса на языках народов, не имеющих своей государственности. Сейчас в некоторых школах района проводятся уроки нагайбакского языка и это только начало, хорошо, если эти уроки будут постоянными и проводиться по особой программе, не плохо было бы ее разработать для школ всего района. Крешенский алфавит, словарь крешенских слов, надеемся, будет составлен и разработан с вашей помощью.

с. Фершампенуаз

Валерий Ерофеев

Декабрь

Декабрь, милый мой приятель,
Искусный сводник мой и плут,
Любовных шалостей ваятель,
В одном лице - король и шут,

Тебе мой друг, по жизнь обязан
За ту декабрьскую ночь,
С которой я навеки связан
И повторить ее не прочь.

Любви не бывает

Любви не бывает
Не с первого взгляда,
Доказывать мне
Это вовсе не надо.
Другой не бывает
На свете любви,
Все прочее словом
Иным назови.

Чуть меньше, но душа болит
И сердце горестью покрыто,
Любви ведь чаша не испита,
Как прежде полная стоит.
Лишь чуть пригублена она,
А я уж пьян, а ты пьяна?

Ангел-хранитель

Я помню, как меня вели на эшафот
Морозным ранним утром, в декабре,
Лесной поселок, звездный небосвод,
Дорога вся как в лунном серебре.

Снег под подошвами предательски скрипел,
Предвестником он был моей беды,
Как будто похоронный марш мне пел,
А в партитуре вместо нот — следы.

Меня под руку ты вела в последний путь,
Ещё немного и свершится эта казнь,
С тобой расстанусь я, меня ты не забудь,
Лишь только в этом уношу с тобой боязнь.

И на моей судьбе не ставь ты крест,
К тебе я обязательно вернусь
Из тех далёких и библейских мест
И в ноги тебе молча поклонюсь.

г. Челябинск

Олег Верный

Подвезли бабушку

Одолев на машине почти 700 километров, мы с дочкой приближались к конечной цели нашего путешествия — татарской деревне Красный Бор. Проехали современный, широкомагистральный город Набережные Челны и остановились за развилкой, изучая по карте, в каком направлении нам двигаться дальше. На этом кольце нам уступил дорогу большой грузовик, перевозивший автомобили. Водитель грузовика, увидев наше затруднительное положение, остановился и, подойдя к нашей машине объяснил очень подробно, куда нам двигаться дальше. Я поразился поступком водителя грузовика, ведь мы его ни о чём не просили, и понял, что Татария рада гостям. В дальнейшем убедился, что это не единичный случай, что народ Татарстана в большинстве своем простой, искренний, мудрый и открытый. Сделал для себя вывод, что действия одного человека могут сложить мнение о целом народе, о республике.

Хороший пример (так же, как и плохой) заразителен, поэтому возникло желание помочь кому-нибудь, например — подвезти. Исполнение пожелания не заставило себя долго ждать.

Свернули на дорогу, ведущую к поселку «Красный бор», и в наступающих сумерках увидели, как наперерез нашей машине на дорогу, махая руками, выбежала бабушка.

Начав расспрашивать подсевшую в нашу машину бабушку, выяснил, что ей 82 года и едет она в дом престарелых, который находится «где-то в лесу, не доезжая Красного Бора». Там она и проживает. Возвращается бабушка из Ижевска, где проходила осмотр после проведенной ей операции на сердце. И сердце у неё теперь работает от кардиостимулятора. А живёт она в доме престарелых потому что после операции, ей «скотину держать нельзя, так как больше двух килограммов поднимать опасно, нервничать нельзя, даже у печки стоять нельзя, потому, что стимулятор может в любой момент отказать».

В этот момент я тоже почувствовал, что моё сердце существует, и оно оказывается не железное, так как представил, что бабушкино сердце может отказать у нас в машине. Справившись с нарастающим беспокойством, начал потихоньку расспрашивать бабушку, как её в таком возрасте, с такой болезнью отпустили одну и так далеко. Мелькнула мысль, что может у бабушки старческий маразм, и она немного фантазирует. Однако ответ был предельно убедителен. В Ижевске, у сына, она не осталась, даже не предупредила, что приедет, так как не хотела беспокоить и обременять его семью. В город её увезли, а обратно, посадили в рейсовый автобус, предварительно созвонившись с приютом и договорившись, что на перекрёстке её встретит машина. Поэтому бабушка просила смотреть на встречные автомобили, и «если это будет большая белая машина, то посигнальте ей». Так как уже была непроглядная ночь, то, вложив в свои слова уверенность, убедительно заверил, что сам довезу бабушку до приюта, прося её только об одном — не беспокоится. А водителя большой белой машины предупредят из приюта по сотовому телефону о том, что бабушка уже дома. Похоже, говорил я убедительно, так как бабушка перестала волноваться за встречные машины и рассказала нам очень весело свою историю.

Когда её с приступом привезли в больницу, то доктор сказал водителю, который подобрал и подвёз её, что привези он бабушку на 10 минут позже, и её уже было бы не спасти. Доктор спросил у водителя, что бы он делал, если бы бабушка умерла в дороге. На что водитель без раздумий ответил: выбросил бы тело в лес. Правда, через некоторое время, одумавшись, сказал, что это шутка. Не скажу, что после такого «обыденного» рассказа у меня побежали мурашки, но холодок по голове прошёл. Сложилось впечатление, что бабушка воспринимает себя и своё тело, как две разные вещи. Подумал: «А как бы поступил я в той ситуации? Столько головной боли. Доказывай потом, что ты не верблюд. Хотя и сейчас ситуация может стать аналогичной. Чур меня! Чур меня! Спаси и сохрани от этого!»

Бабушка опять начала беспокоиться. Попытался отвлечь её, спросив, далеко ли до поворота в её деревню, так как осталось проехать уже немного до Красного Бора. Бабушка ответила, что местность не узнаёт, но поворот где-то слева.

Дорога была долгое время пустынная, но вот наконец мы смогли остановить попутную машину. Благо подробная карта у водителя была. Оказалось, что деревня бабушки находится в 50 км в обратном направлении. За неимением других вариантов, мы помчались назад, искать приют. Бабушке было неудобно и она начала потихоньку «вибрировать».

Чтобы сердце бабушки билось ровно, пришлось опять применять «ложь во благо», заверяя её, что для нас проблем нет и нам даже нравится по хорошим дорогам ночной Татарии мчаться в неизвестность. Это так романтично. Ну, а мысленно попросил Бога завершить эту историю, так как сполна удовлетворил своё желание подвезти человека, да и дочка уже устала.

Опять заплутали, но не надолго. Заехали в первую попавшуюся деревню. Постучали в первый попавшийся дом. Оказалось, там живёт племянница директора приюта для престарелых. Созвонившись с директором и взяв провожатых, мы вскоре благополучно доставили бабушку в приют. Бабушка пыталась дать денег, говоря, что была бы рада отдать все деньги, которые у неё есть, но через некоторое время мы всё-таки договорились, что искреннее спасибо — это всё что нам надо. Честно сказать, было не только облегчение от

того, что эта история благополучно (значит все живы) завершилась, но, пришло чувство удовлетворения и даже счастья. Вот так оно, бескорыстие оказывается и работает. Вроде должен устать: 12 часов непрерывной концентрации на дороге, ночное ориентирование на незнакомой местности с весёлой бабушкой, так нет же — счастлив. Вот я и разгадал твой «секрет», водитель большого грузовика.

Когда мы возвращались в посёлок, присутствовало понимание, что это и есть настоящая жизнь, что просто помочь человеку в его трудную минуту намного важнее, того, что мы считаем важным: карьера, положение, власть, деньги и т. д. Здорово, что в жизни есть моменты, когда можно эту истину понять. В это время была уверенность, что уже только ради этой помощи старушке на ночной дороге, нам стоило приехать из далёкого уральского города.

Машина мчит по ночной трассе. Шуршат колёса по асфальту. Дочка спит на заднем сиденье. Вдруг под нами (именно под нами) открывается изумительный вид: Полная луна осветила посёлок возле высокого берега реки Камы и лунная дорожка, являясь продолжением шоссе, отражаясь в водах водохранилища, создала эффект, что мы летим по спокойному, безбрежному океану. Внешняя обстановка стармонировалась с внутренним состоянием и превратилась в сказку.

Вижу указатель. Это замечательное место и есть наш конечный и долгожданный Красный Бор.

г. Миасс

Виктор Фатеев

Картинки из глубинки

«Степка-верхолаз»

Может кому-то, кажется, что хлеб не требует больших физических затрат человека, а потому ведь не случайно наши мусорные контейнеры напичканы кусками и буханками хлеба — бесценного народного достояния. Труд хлебороба был, есть и будет тяжёлым всегда. По 12 часов кряду ежедневно сидеть на тракторе, сеялке, комбайне. глотая пыль, или ворочать груды металла при техобслуживании или поломке, без всякой на то механизации где-то в поле — такое по плечу только человеку с призванием.

Сейчас техническое оснащение сельскохозяйственных работ шагнуло далеко вперёд. В основном используются навесные орудия земледелия.

В шестидесятых годах самой мощной сельхозтехникой был дизельный трактор С-80. Он мог одновременно тащить два прицепных зерноуборочных комбайна «Сталинец» или «Коммунар» — в страдную пору. Два пятикорпусных плуга — во время пахоты. Двадцати метровую сцепку тяжёлых борон или луцильников и т. д.

На этом благородном поприще случались: минуты радости, гордости за свой труд, разочарования и горькие казусы. Последние чаще всего подстерегают при работе в ночную смену. Постоянный рокот двигателя к утру притупляет слух и начинает действовать усыпляюще. Самое коварное время 6—7 часов утра.

Однажды мы, работая в ночь, таскали сцепку луцильников. Рассвет только начал брезжить, когда мы проснулись от неимоверной тряски. Вытаращив глаза, мы пялились в окна кабины и не могли понять, что происходит. Перед радиатором нашего «степки» сотрясаются две большущие берёзы, освещенные фарами. Трактор в странном положении, от чего мы полудежим на сиденьях ногами вверх.

Заглушил Петрович двигатель, осмотрелись. Оказалось, заехали в лес, и наш «степка» решил потренироваться в лазании по деревьям. Но оказалось: во-первых, тяжеловат он для такого вида спорта. А во-вторых, мешала сцепка луцильников.

До стана было далеко, да там, кроме сторожа, ночью, нет никого, пришлось нам ждать утра и потом другим трактором растаскивать сцепку, и освободить «степку» от непотребного занятия.

Разнос

Выехали мы однажды в ночь на вспашку. Сделали загонку, только пошли на второй круг — наш стальной конь вдруг словно взбесился — взревел и попёр, да так, что встал на дыбы, Петрович на ходу выскочил и стал носиться вокруг трактора, размахивая руками, словно крыльями. Мы с напарником Вовкой Воробьёвым соскочили с плугов и к нему, узнать, в чём дело. Петрович выпучил на нас глазищи, заорал:

— Уходите, так вашу...!! Чё, не видите, двигатель в разнос пошёл?! Разлетится — убьёт на хрен!!

Откуда нам желторотым птенцам, было знать, что это такое «вразнос»? На всякий случай отошли в сторонку, наблюдаем. Пламя из выхлопной трубы бьёт на метр, и она раскалилась до белого свечения. Петрович носится вокруг, машет руками, матерится! Потом, видимо, сработало «реле», он подбежал, сбросил рычаг декомпрессора в нейтральное положение, и двигатель мало-помалу стал глохнуть. А когда заглох, Петрович обошёл трактор вокруг, чуть ли не со слезами, сокрушенно крутнул головой, шлёпнул по толстым ляхам руками, сплюнул сквозь зубы и не оглядываясь, направился с поля вон. Последовали и мы за ним. Пришли на стан, завалились спать. Утро вечера мудренее... Утром нас разбудили дикие вопли:

— Ванька! Так твою...!!! Ты какого ... вылёживаешься?! Почему не папешь?!!

— Дык я чё? Двигатель вразнос пошёл!!

— Я тебе сейчас разнесу в дребезги твой пустой горшок к е...!! Ты же, сука, не съзводи даже посмотреть, чё к чему!!!

— Дык чё смотреть и так ясно — двигатель враз...

— Сам ты, обалдуй, вразнос пошёл!!! Дура бестолковая!! Шплинт газового рычага у тебя оборвало!!! В раз-но-о-ос! Смену дурака провалял, проспал, дубина с ослиными ушами!! Вот запишу тебе простой на всю катушку и будешь скрести в затылке и в ср...!!! Может, научишься тогда уму-разуму, осёл длинноухий!!!

Это механик Владимир Петрович разносил родного брательничка Ивана Петровича, поэтому в непристойных выражениях себя не ограничивал.

Иван уже больше не возражал, молча сопел и виновато посматривал на брата и на нас. Сели на дрожки и покатали на пашню.

Поставить шплинт, дело плёвое, пятнадцать минут и всё готово. Наш «степка» с залиvistым рокотом весело пополз по полю, оставляя за собой чёрный след вспоротой пашни. Сделали круг, и нам привезли смену. Тут уж и мы с досадой посматривали на своего Петровича. Считай, по три-четыре трудодня вильнули хвостом около носа, и след их простыл.

Огнеборцы

Дело было в начале осени. Мы с напарником Володей Воробьёвым после ночной смены сделали тех. уход плугам, смазали ходовую трактора, помогли Петровичу промыть фильтры и решили сходить помыться в ближайшее озерко. Отработкой с фильтров мы, как ваксой наволтозили сапоги и они, словно хромовые, поблёскивали носами и поленищами. Взяли мыло, полотенца и в путь. Мне свои сапоги не хотелось марать, и я отправился босиком. Пока шли по луку, набрали сухих коровьих котяхов, так как у воды нас поджидали несметные полчища комаров, а дымок кизяшный будет не по нутру кровопийцам. Пришли к озерку, разожгли котяшки, покурили, разделись и пошли в воду. Она ещё была прохладной после ночи. Мы сначала слегка побрызгались, побегали по отмели, потом, набравшись храбрости, окунулись и поплыли на середину.

Поскольку вода в озерке пресная, то и плыть по ней очень тяжело. Спешить было некуда, поэтому прошло прилично времени, пока добрались до намеченной цели. А когда развернулись,.. взору нашему предстала ужасная картина. На берегу, там, где мы оставили одежду, полыхал костёр и валил чёрный дым. Из всех сил, проявив всё своё мастерство в плавании, мы минут десять с пробуксовкой приближались к берегу. Выскочили, давай хватать из костра, что попадёт под руки, кидать в воду и тушить траву вокруг (поляна-то выгорела метров на пять-шесть). Когда с огнём было покончено, стали вытаскивать из воды то, что осталось от наших «рыцарских доспехов».

Поднял я свою цигейковую шапку — в руках остался один ободок, а середина с водой плюхнулась в озеро. Поднял брюки — одна штанина сгорела полностью, от второй уцелела наружная сторона. Я эту ленту оборвал, «шортики» надел, Вовка стоит и ржёт:

— Ты, Витька, знаешь на ково счас похож?!

— На ково?

— На Тарзана! Токо вот кумплекцией немного не вышел — угловатый шибко! Больше на доску стиральную смахивашь! Ха-ха-ха!

Из Вовкиных доспехов остался только один сапог и тот без пятки.

Пока мы ревизию снаряжению делали, слетелись «друзья-кумовья». Огня нет, спичек нет, и почали они нас клевать. Ну а нам-то что оставалось делать — только шлёпать ладошками по голым телесам. Получалось это у нас, надо полагать, довольно артистично, вроде «матросского яблочка». Идти на стан голым было стыдно, там повариха тётя Луша готовила обед, и мы около часу давали концерт «художественной самодеятельности». На наше счастье пришёл помыться целинник Женя Светлаков. Росточка он был «небольшого», не менее двух метров. Дал он Вовке свою майку, а мне трусы. Вовка майку надел, а она ему до пят, я трусы надёрнул — они тоже мне в аккурат — от подмышек до колен. Женя, вдоволь над нами насмеявшись, пошёл мыться. Вовка укрылся в «ночнушке» и остался у озера, а я в мини-шортиках отправился в поле к сменщику Илюшке, у него было двое брюк. Обрядившись в брюки, я сделал марш-бросок на стан, напялил на голое тело чей-то насквозь промасленный комбинезон. Сел на велосипед, Плюшкины брюки отвёз Володе — не сидеть же ему целый день в «ночнушке», кумовьев кормить, а сам помчался в деревню за новым снаряжением. Собрали, что, было (жили-то не жирно) и назад. А когда через неделю приехали домой, почти вся деревня знала о нашем ЧП, и некоторое время нас величали пожарниками, то бишь, огнеборцами.

Ох, нелегкая это работа...

Был случай, когда наши сменщики ночью со сцепкой борон заехали в болото, дело оказалось довольно серьёзным. Пришлось задействовать всю имеющуюся тяжёлую технику в бригаде и целую смену тросами вытаскивать бороны, прицеп и потом сам трактор, по кабину увязший в трясине. Тут уж поневоле приходят на ум крылатые слова Корнея Чуковского: «Ох, нелегкая это работа — из болота тащить бегемота».

Благо хоть прошли сталинские времена, иначе быть бы Ивану Алексеевичу Копцову, да и нашему Ивану Петровичу, за верхолазание по деревьям на Соловках или на Колыме.

с. Агаповка

* * *

Все праздники закончились до дна
Шары снимаем с прошлогодних елок
Исчерпаны и вины, и вина
А послекусья вкус совсем не долог
Но в каждом доме зыбкие следы
В ботинке чей-то нос из паролон
В шкафу кусочек белой бороды
И край нестертой росписи оконной
Дождь золотой на шее у трубы
Под ножкою рояля бантик чей-то
Стручок ванили у плиты забыл
Зеленоглазый юный виночерпий

г. Миасс

Светлана Петунова

* * *

Постпрагматический,
Надэстетический,
Метафорический, как комплимент,
Демократическо-технократический,
Сверхисторический зреет момент...

Предощущение... Предвосхищение...
Новой волны социальный формат,
Чувств напряжение, мысли движение —
Смена общественных координат...

Как по наитию вектор развития
Выведет мир на иную ступень.
Демократическо-технократический,
Сверхисторический близится день!

г. Еманжелинск

С песней

Заиграет башкир на курае
Переливами сердце сжимает.
«Урал», «Таштутай», «Буранбай»
Из души чувства льют через край.

Грациозностью всех покоряя,
Под напевы родного курая
В танце девушка птицей вспорхнет
Будто лебедь по зеркалу вод.

Пой, башкир, и людей восхищай,
Танец, девушка, продолжай.
Вас минуют житейские грозы,
Жизнь прекрасна: забудем про слезы.

*Перевод с башкирского
А. Анищенко*

В соседнем саду

Ах, как много цветов
У соседа в саду!
Восторгаюсь всегда,
Когда мимо иду...

Их соседа жена
Каждый день поливает.
От нахлынувших чувств
Мое сердце пылает.

Как же мог мой сосед
Все об этом узнать?
Стал теперь каждый день
Сам цветы поливать.

*Перевод с башкирского
А. Анищенко*

г. Верхнеуральск

Чудеса

Мелкий дождик вдруг проснулся,
Тучкой в речку окунулся,
Радугой цветной умылся
И за горку быстро скрылся.
Утонули травы в блеске.
На луку, у перелеска
На колени солнце встало
И цветы поцеловало!

* * *

Раз, два, три — считаю горки,
Три, четыре — я у норки.
Сосчитаю до пяти...
«Кто там в норке? Выходи!
Посмотрите: хомячок.
Жёлто-серенький бочок.

Зимняя колыбельная

Все ребята отдыхают,
Снов волшебных ожидают...
Санки, клюшки, лыжи, палки
Притаились на полу,
Даже злые обижалки
На ночь спрятались в углу.
И машинки не грохочут,
Спят спокойно в гараже.
Зубы серый волк не точит,
В лес дремать ушёл уже.

Баю-баю, баю-баю,
Песню сам себе пою.
Позеваю, засыпаю
Я под песенку свою...

Велосипед

Я люблю велосипед,
Для него запрета нет,
Через лужу еду прямо,
Не ругай сыночка, мама!

Я качу, куда хочу,
Через кочку пролечу,
Впереди большая яма...
Закричал я: «Мама, мама!»

Влюблённые

«Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?»

За стеной жилого дома
Улицы центральной
Эта пара нам знакома
Песнею печальной.
Много лет они грустили —
Трудно друг без друга.
Их дожди с ветрами били
И студила вьюга.
Люди добрые с природой
Разрешили споры —
Дуб с рябинкой в непогоду
Согревают взоры.
Статный он с густою кроной
Тонкую рябину,
Обнимает как влюблённый,
Защищает в зиму.
Два ствола рябин-сестриц
Под одною кроной
Приютили певчих птиц
Для людей влюблённых.
И навек краса-рябина
С дубом неразлучна.
Не склоняется до тына,
Сердцем с ним созвучна.

* * *

Я помню голос в сумраке вагона,
Чуть освещенном блеском ваших глаз.
Мелодии пластинок патефонных
Печалью светлой обнимают нас.
Прожита жизнь, сложна необычайно,
Притихшей боли обозначен след.
И образы попутчиков случайных
Сквозь время шлют прощальный свой привет.

Колодец

Стрелок искусный, не тарань,
Людское сердце не порань!
Оно поддержит и поймёт
в жестокий жизни поворот.
От ядовитого плевка
Не станет чья-то жизнь легка.
Должна в колодце быть всегда
Незамутнённою вода.

Графоман № 1

Литературный альманах

Редактор-составитель *Н. И. Година*

Вёрстка *И. А. Батанина*

Подписано в печать 9.03.2010 г.
Гарнитура «Палатино Линотайп».
Бумага «Гознак». Печать офсетная.
Формат 70×108/16. Объем 16,25 усл.-печ. л.
Заказ № 31.
Тираж 120 экз.
Цена договорная

Издательство «Цицero»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Тираж Сервис»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.